

ФИЛИАЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК I

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» 2005-2008 ГОДОВ

К 10-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ФИЛИАЛА МГУ В Г. СЕВАСТОПОЛЕ

**ФИЛИАЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК I

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» 2005-2008 ГОДОВ**

**Севастополь
2009**

Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б. Новая и новейшая история. Выпуск I. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузицина. - Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2009 – 180 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных в 2005-2008 годах на заседаниях Международной научной конференции «Лазаревские чтения».

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории, политологии, культурологии и краеведения.

Редакционная коллегия:

- Трифонов В.А.,** кандидат химических наук, доцент, директор Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Иванов В.А.,** доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
- Кузицин В.И.,** доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
- Усов С.А.,** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Филимонов С.Б.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории России ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
- Юрченко С.В.** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, профессор кафедры новой и новейшей истории ТНУ им. В.И. Вернадского, зам. директора по научной работе КРУ «Ливадийский дворец» (зам. главного редактора).
- Ставицкий А.А.** кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Бойцова Е.Е.** кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
- Мартынкин А.В.** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Хапаев В.В.** зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

ISSN 2308-3646

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Мемории	
<i>Черноусов А.А.</i> Деятельность адмирала М.П. Лазарева на посту Военного губернатора Николаева и Севастополя.	10
Новая история	
<i>Викторов Ю.Г.</i> «Постперееславские» изменения в титулатуре Московского государя и гетмана Войска Запорожского в новейшей украинской историографии.	20
<i>Крестьянников В.В.</i> Структура Черноморского флота и крепостей Черноморского побережья в годы I мировой войны.	23
<i>Ляшук П. М.</i> Офицерский корпус Черноморского флота в обороне Севастополя 1854–1855 гг.	30
<i>Мартынкин А.В.</i> Исламский фактор в Османской империи в XVIII–XIX вв.	36
<i>Мешковский Г.В.</i> Наёмники. Белые пятна Крымской войны.	42
<i>Новикова Е.В.</i> К вопросу о научной значимости печатных источников по истории народного образования в дореволюционном Крыму.	45
<i>Новикова О.В.</i> Проблема обеспечения армии врачебными кадрами в период Крымской войны.	50
<i>Петрова Э.Б.</i> Культура как объединяющий фактор в многонациональном Крыму: И.И. Граперон и Феодосийский музей древностей.	54
<i>Терещук Н.М.</i> Приходно-расходные книги как источник для изучения деятельности Херсонесского монастыря.	58
<i>Черноусов А.А.</i> Посещение Николаем I Севастополя и портов Черного моря в 1837 году (к вопросу о взаимоотношениях адмирала М.П.Лазарева и императора Николая I).	66
Новейшая история	
<i>Задорожная Н.Ф.</i> Севастополь в период оккупациинемецко-фашистскими захватчиками. 1942-1944 гг. (По материалам газеты Симферопольской городской управы «Голос Крыма»).	72
<i>Иванов К.В.</i> Послания президента как источник для характеристики ситуации в России.	76
<i>Никитина И.В.</i> Научное комплектование фондов Музея героической обороны и освобождения Севастополя.	79
<i>Никитина И.В.</i> Из истории формирования тематической коллекции по истории Балаклавы в фондах Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя.	84
<i>Новикова Е.В.</i> Учителя симферопольского гимназиста Игоря Курчатова.	90
<i>Плужник П.Б.</i> Влияние большого террора 1937-1938 годов на курортное строительство Южного берега Крыма.	93
<i>Плужник П.Б.</i> К вопросу о событиях в ливадийском дворце 5 июля 1942 года.	98
<i>Филимонов С.Б.</i> Малоизвестные крымские публикации отца и сына Вернадских времён гражданской войны.	101
<i>Филимонов С.Б.</i> Об историографии и источниковедении истории Таврического университета: к 90-летию начала разработки истории вуза.	127
<i>Юрченко С.В.</i> Трансформация современной системы международных отношений: основные тенденции.	132
Философия и духовность	
<i>Арутюнян Л.В.</i> Армянская церковь – духовный и культурный центр крымских армян.	138
<i>Миронов А.В.</i> Подвижничество как составляющая русской истории.	145
<i>Сайгушкина Т.П.</i> Православные основы отечественного понятия «Интеллигенция».	152

Научное творчество студентов

<i>Зусманович Д.Д.</i> Изменение военной стратегии и тактики в ходе Столетней войны.	156
<i>Кузьмина А.В.</i> Самураи – рыцари средневековой Японии.	162
<i>Иголина А.И.</i> Толерантность как основа межконфессионального исламо-христианского диалога.	168
<i>Кайдашов В.С.</i> Анализ законопроекта о внесении изменений в конституцию Украины.	171
<i>Захарова Ю.В.</i> Религиозная и просветительская деятельность Габриэла (Гавриила) Константиновича Айвазовского.	175

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже 6 лет, с 2002 года, в первой декаде октября в Филиале МГУ в г. Севастополе на базе отделения истории проводится Международная научная конференция «Лазаревские чтения». Ее тематика стала традиционной: *«Причерноморье. История, политика, экономика, культура»*. Идея проведения конференции ученых гуманитарных специальностей родилась в первые годы работы Филиала. Тогда же была определена и ее тематическая направленность: изучение стран Причерноморья и динамики их исторического развития. Инициатива проведения конференции получила всемерную поддержку руководства МГУ им. М.В. Ломоносова. С тех пор это содействие и помощь остаются неизменными.

Избранное для конференции название определялось следующими соображениями. Впервые, Филиал МГУ в г. Севастополе разместился в зданиях легендарных Лазаревских казарм, сыгравших заметную роль во многих исторических событиях: Крымской войне, Революции 1905 года, Гражданской и Великой Отечественной войнах. Кроме того, адмирал М.П. Лазарев был энциклопедически образованным человеком и разносторонним ученым.

Круг его научных интересов был необычайно широк. Всемирную славу М.П. Лазареву принесло кругосветное плавание 1819-1821 годов, когда, командуя шлюпом «Мирный», он совместно с Ф.Ф. Беллинсгаузеном открыл шестой континент Земли - Антарктиду. Его увлечение древней историей Причерноморья меньше известно, но не менее замечательно. Эта сфера деятельности адмирала получила зримое воплощение в архитектурных памятниках Севастополя, созданных под его руководством - Графской пристани и Петропавловском соборе. М.П. Лазарев поддерживал важнейшие культурные начинания - создание в Севастополе Морской библиотеки, театра, школ и училищ. Именно при М.П. Лазареве Черноморский флот стал сильнейшим на Черном море, превратившись в важнейший фактор внешней политики России на южном направлении. Имя М.П. Лазарева оказалось неразрывно связано и с Севастополем, и с Черным морем, и со славой России.

Первые Лазаревские чтения, прошедшие в 2002 году, были камерным мероприятием. В них приняли участие 20 ученых из МГУ, Черноморского филиала и научных учреждений Севастополя и Крыма. Но даже первый опыт проведения такой конференции показал: она будет востребована. Телерепортажи о «Лазаревских чтениях» показали многие крымские телеканалы, газеты полуострова поместили небольшие очерки. Тогда же появилась идея, которая была успешно реализована на последующих конференциях: дать возможность студентам выступать на заседаниях вместе с дипломированными специалистами и маститыми учеными, на равных участвовать в обсуждениях и дискуссиях.

Тогда же было принято решение о необычном еще в те времена формате публикаций материалов «Лазаревских чтений»: все прочитанные на конференции доклады в полном объеме (а не тезисно) публикуются в специальном разделе официального сайта Филиала МГУ в г. Севастополе.

Вторая конференция, прошедшая в 2004 году, стала событием не только в научной, но и в политической жизни Крыма. Она была приурочена к 150-летию Первой героической обороны Севастополя. Поэтому ее тематика звучала так: «Итоги и уроки Крымской войны». В работе этой конференции приняли участие депутаты Государственной Думы России, Верховного Совета Крыма и правительства полуострова, ученые из Москвы, Севастополя, Симферополя, других городов Украины, потомки старинных российских дворянских родов, представители которых сражались и погибали под Севастополем.

В организации конференции приняли участие правительство Москвы, Главное командование ВМФ России, командование Черноморского флота, Институт стран СНГ. Ее работу освещала не только региональная пресса, но и центральные российские телеканалы. Материалы конференции, опубликованные в Интернете, привлекли внимание европейских ученых. Сотрудники кафедры истории Филиала МГУ в г. Севастополе получили ряд предложений от зарубежных коллег принять участие в европейских форумах, посвященных изучению проблем истории Крымской войны.

С тех пор «Лазаревские чтения» стали ежегодными. В 2005 году окончательно сформировалась проблематика секций конференции: «Древняя и средневековая история Причерноморья», «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья», «Международные от-

ношения в Причерноморье». В работе конференции приняли участие уже более 40 ученых, в том числе – представители 4-х московских вузов. К историкам в этот раз присоединились экономисты, филологи, политологи, специалисты в области государственного управления. Почетным гостем конференции стал ректор Литературного института им. М. Горького (г. Москва) Сергей Николаевич Есин.

Формат Четвертых Лазаревских чтений, прошедших в 2006 году, был снова расширен. В рамках «древней» секции прошел II Международный симпозиум «Херсонес в античном мире», в работе которого приняли участие историки и археологи из 8 вузов и научных учреждений России и Украины, в том числе – из двух академических институтов. К слову, первый такой симпозиум прошел более 30 лет назад. Так что состоялось возрождение подзабытой, но востребованной формы научного общения. В рамках секции «Международные отношения в Причерноморье» с успехом прошли круглые столы «Проблемы межкультурного взаимодействия в Причерноморье» и «Вступление России и Украины в ВТО: проблемы и перспективы».

На секции «новой и новейшей истории» развернулась острая и плодотворная дискуссия по проблемам современной политической истории Украины, вызвавшая повышенный интерес преподавателей, студентов и многочисленных гостей.

Всего на конференции было зачитано более 80 докладов. Их представили 60 ученых и 20 студентов из 12 вузов и научных учреждений России и Украины. На заседаниях конференции присутствовали все без исключения студенты отделения истории: болели за своих товарищей и набирались опыта. Весомое участие в организации Четвертых Лазаревских чтений приняли активисты Студенческого научного общества.

Идея создания этого общества принадлежала самим студентам-историкам и была поддержана руководством кафедры и филиала. Ее необычность в том, что общество создано на принципах открытости: премудрости исторической науки в нем могут постигать не только историки, но и все желающие студенты Черноморского филиала и самого МГУ.

Четвертые Лазаревские чтения, как и все предыдущие конференции, привлекли серьезное общественное внимание в Крыму и широко освещались в средствах массовой информации.

В работе Пятых Лазаревских чтений в 2007 году приняло участие более 70 ученых, преподавателей и студентов из 16 вузов и научных учреждений России и Украины. Была проведена серия круглых столов по актуальным проблемам российско-украинского взаимодействия в экономической и гуманитарной сферах.

Шестые Лазаревские чтения, прошедшие в 2008 году, стали наиболее представительным из проведенных в данном формате научных форумов. С докладами выступили 8 докторов и 11 кандидатов наук. Всего на конференции, в рамках пленарного заседания и трех традиционных секций, было зачитано 65 докладов по актуальным проблемам исторического познания. Острые дискуссии развернулись на заседании круглого стола «Крещение Руси и становление русской государственности».

В преддверии 10-летнего юбилея Филиала МГУ в г. Севастополе, оргкомитетом конференции было принято решение начать публикацию статей по материалам лучших докладов, представленных на «Лазаревские чтения». Статьи публикуются в трех тематических сериях.

Исследования, посвященные древней и средневековой истории, а также археологии, будут публиковаться в серии А.

Статьи по новой и новейшей истории, а также проблемам философии истории публикуются в серии Б.

Исследования в области международных отношений в Причерноморье оставят серию В. Первый выпуск сборника выходит в серии Б (новая и новейшая история).

Редколлегия

I МЕМОРИИ

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДМИРАЛА М.П. ЛАЗАРЕВА
НА ПОСТУ ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА НИКОЛАЕВА И СЕВАСТОПОЛЯ**

ЧЕРНОУСОВ А.А.

Военный университет МО РФ (г. Москва)

О великом русском адмирале Михаиле Петровиче Лазареве, имя которого носят сегодняшние чтения, написано немало. Однако, как это ни парадоксально, комплексного исследования роли адмирала в истории России до сих пор нет. Рассматривались только отдельные направления его деятельности, но многое выпало из поля зрения ученых. В частности, почему-то практически неосвещенной осталась деятельность адмирала на посту Военного губернатора Николаева и Севастополя. Лишь некоторые исследователи изучали этот вопрос, но не отдельно, а в комплексе с другими проблемами (городское строительство, история Николаевского и Севастопольского губернаторства и т.д.). Можно назвать работы Левченко Ларисы Леонидовны, Терещук Натальи Михайловны, Е.В. Веникеева и некоторых других. Думается, государственная деятельность М.Лазарева требует тщательного и полного исследования. Предлагаем вашему вниманию несколько, на наш взгляд, интересных аспектов государственной деятельности Лазарева.

В период правления Александра 1 треть губерний находилось под властью военных губернаторов, а в период правления Николая 1 только 7 губерний не подчинялись им. Николаевское и Севастопольское Военное губернаторство было основано в 1805 году. Первым Военным Губернатором стал французский маркиз И. де Траверсе. Управление Николаевского и Севастопольского военного губернаторства было освобождено от территориального подчинения гражданским Херсонскому и Таврическому губернаторам, а также Новороссийскому генерал-губернатору и непосредственно подчинено Петербургу: по морским делам – Морскому министерству, по гражданским – Министерству внутренних дел. Самому Военному Губернатору была дана практически неограниченная власть в губернаторстве, в своих руках он одновременно сосредотачивал военное и гражданское управление. В 1829 году для укрепления городской власти в отсутствие Военного Губернатора и в связи с русско-турецкой войной 1828-1829гг в Севастополе была введена должность временного военного губернатора, который подчинялся Николаевскому и Севастопольскому Военному Губернатору. В состав Николаевского и Севастопольского Военного губернаторства входили: город Николаев, город Севастополь, а также адмиралтейские поселения Богоявленск, Калиновка, Воскресенск, Покровск, Богдановка, Знаменка, Березнеговатое, Висуньск.

Будучи назначенным на должность Военного Губернатора Николаева и Севастополя Лазарев приступил к благоустройству вверенных городов. Основной перестройке и развитию подвергся город Севастополь. Несмотря на то, что Лазарев имел массу обязанностей как Военный губернатор и Главный командир ЧФ и портов, строительство Севастополя он курировал лично, не пропуская ни одного, даже самого незначительного вопроса.

Когда в 1837 г. Николай I посетил Севастополь, Лазарев ознакомил царя со своими планами. При непосредственном участии Лазарева был разработан и в 1838 г. Высочайше утвержден Генеральный план строительства города.

То, что Севастополь остро нуждался в перестройке, подтверждают, помимо документов, многочисленные мемуары современников. Так, английский капитан Джесс, посетивший Севастополь в начале правления Лазарева описывал его так: «Сам город был мало пригоден для проживания. Наилучшая гостиница на уровне пивной, грязные улицы».

Со времени основания Севастополя в городе был известен район на центральном городском холме, населенный, как писали современники, «сбродным сословием», который получил название «Хребет беззакония». М.Лазарев писал: «В Севастополе лучшая часть города, именуемая «Хребет» (... беззакония»), выходящая к рейдовой бухте и к морю... с давнего времени заселена мелкими частными домиками, хижинами, неправильными, безобразными, без плана улиц и без фасадов. Строения эти ... крайне поражают взор

бедностью, неопрятностью дворов и неприличием их вида...». В литературе стало расхожим мнение, что инициатива по сносу «Хребта беззакония» принадлежит Лазареву, однако это не так. Например, из «Записок...» Закревского видно, что указание на это дал император Николай I: «В 1837 году, при посещении Севастополя Августейшей фамилией, ... Император Николай Павлович, взойдя на Графскую пристань, ... взглянув на Хребет беззакония - остановился и, не обращая ни к кому спросил: «что это?» Адмирал Лазарев, которому следовало бы отвечать, не придумал ответа на царский вопрос, но капитан 1 ранга Польской, стоя в стороне - ответил: «Хребет беззакония Ваше Величество!» Государь сделал движение рукой, как будто хотел столкнуть лачужки с хребта - сказал, ни к кому не обращаясь: «срыть долой».

Реконструкция центра началась со сноса застроек на «Хребте беззакония», причем Лазарев настоял, чтобы жителям была выплачена компенсация, хотя многие проживали там без всяких законных оснований. Лазарев приказал оценить дома на «Хребте беззакония» и тем, кто имел документы на дома, выплатить по оценочной ведомости. Тем же, у кого таких документов не было, была оплачена четвертая часть стоимости дома, поскольку это могло бы окупить стоимость переноса дома в другое место и, как писал Лазарев, «во уважение их бедности и для подания возможности выстроить себе новые жилища...». Для уплаты жителям «Хребта беззакония» требовалось, по данным различных источников, от 72 до 160 тысяч рублей. Николай I отказал в выделении этой суммы, предписав: «изместиться собственными денежными средствами Черноморского правления». Лазарев нашел деньги и выплатил. После сноса трущоб и разбивки участков под общественные здания вся свободная земля Центрального холма отдавалась в частное владение. На оконечности холма со стороны Екатерининской площади (ныне площадь Нахимова) в 1838 году был поставлен первый в Севастополе памятник капитан-лейтенанту Казарскому. Инициатива сооружения этого памятника целиком принадлежит Лазареву. В 1833г. он предложил открыть подписку на установку памятника и сам первый внес взнос в размере 100 рублей. Здесь же, согласно Генерального плана застройки, разработанного под руководством Лазарева, был разбит Мичманский бульвар. Для его благоустройства было высажено около 3 тысяч деревьев.

Важнейшей архитектурной доминантой центральной части Севастополя является Графская пристань. Она была заложена 3 (14) июня 1783 года в числе первых четырех каменных строений города. В 1787 году к приезду Екатерины II пристань благоустроили и официально назвали Екатерининской. Утвердившееся в дальнейшем название «Графская» ведет начало от командующего Севастопольской эскадрой в 1786-1790 годах графа М.И.Войновича, имевшего обыкновение садиться в шлюпку у этой пристани.

Примечательно, что Лазарев всегда называл пристань по официальному названию - Екатерининская, так как считал, что граф Войнович «никогда не заслуживал, чтобы великолепная эта пристань называлась его именем».

По инициативе М.П.Лазарева в середине 30-х годов 19 века пристань удлинили, построили северную террасу, караульный домик - «каменный домик с одною чистою меблированной комнатой для проезжающих» и устройство для въезда подвод.

В 30-е годы 19в. пристани построили каменную лестницу и поставили двух каменных львов. В 1837 году М.П.Лазарев решил завершить благоустройство Графской пристани, для чего нужно было удлинить набережную пристани к югу, устроить южную террасу с караульным домиком, предполагалось также соорудить колоннаду. По его приказу в 1837г. инженером Д. Уптоном был выполнен проект ее благоустройства. В следующем году он был представлен Николаю I и был «Высочайше утвержден за исключением колоннадной галереи, которая исключается вовсе». Но Лазарев не оставил попыток завершить ансамбль и продолжал обращаться с ходатайством о строительстве колоннады. Был даже использован довод о том, что два извозчика в темноте упали с неогражденной пристани по ступеням. В конце концов Михаил Петрович добился своего. В 1844 г. данный проект был утвержден с резолюцией «ежели потребная... сумма будет очищена от уторжек при построении других зданий». В течение 2 лет проект был реализован. Кроме колоннады перед лестницей поставили двух новых каменных львов и 4 статуи (из которых сохра-

нилось две). Изначально львы были поставлены из мальтийского песчаного камня, но в 1841г. Лазарев через Начальника Главного Морского штаба обратился к императору с просьбой разрешить закупить в Италии мраморных львов, так как старые от непогоды и морских брызг начали осыпаться и «в настоящем виде без крайнего для пристани безобразия оставлены быть не могут». Разрешение императора было получено. До сегодняшнего дня Графскую пристань украшают львы из Каррарского мрамора, созданные итальянским скульптором Фердинандо Пеличчио.

Еще в 1837г. по инициативе Лазарева началось строительство нового здания Морской библиотеки. Часть средств на обустройство библиотеки шла из средств Главного управления флота, а часть собрана офицерами. В 1844г. состоялось открытие новой Морской библиотеки, но через год пожар уничтожил ее, и Лазарев приложил немало усилий для ее восстановления. Новая библиотека была заложена в 1846г. и окончена в 1850г. Когда Лазарев представил императору на утверждение чертеж нового фасада библиотеки Николай 1 зачеркнул установленные на парапете статуи в связи с их дороговизной, но несмотря на это Лазарев решился на заказ и выписку их из Каррары, так как считал, что «без них... здание библиотеки много потеряло бы своей изящности.»

По инициативе Лазарева в Италии неоднократно заказывались мраморные статуи и барельефы для общественных зданий Севастополя: уже упоминавшиеся скульптуры Графской пристани, 2 сфинкса, 3 статуи и 2 барельефа для Морской библиотеки, 2 статуи апостолов Петра и Павла для Петропавловского собора, 2 больших барельефа для Офицерского собрания. Из-за привезенных из-за границы статуй у Лазарева несколько раз случались конфликты с таможней. В своем письме Начальнику главного морского штаба А.С.Меньшикову от 24 февраля 1849г. Лазарев пишет: «Керченский градоначальник (Херхеулидзе) проискал своими успел стеснить адмиралтейство наше... и домогался через свое начальство вовсе уничтожить оное... всякий другой, с удовольствием глядел бы на постоянно украшающийся Севастополь; но он, увидев поставленные уже с месяц тому назад на парапете библиотеки статуи, приказал таможенному чиновнику подать себе рапорт о тайном съезде их на берег и воспользовался этим случаем выставить привоз статуй в виде контрабанды... он направил свое донесение министру финансов и с поводу этого присовокупил, что весь южный край России наводняется контрабандою через приходящие из-за границы военные наши суда... Я должен сознаться, что правила при доставке статуй в полной строгости соблюдены не были... позволяю себе надеяться, что Ваша Светлость припишете отступление от правил при съезде статуй на берег скорее к недразумению, нежели к какому либо умыслу провести их тайно, чего и исполнить было невозможно». Назначенное Министром финансов расследование окончилось выговором Лазареву за нарушение правил карантинных установлений.

При Лазареве в городе было построено несколько церквей. На центральном городском холме в 1844г. в античном стиле построен собор Петра и Павла по проекту инженер-подпоручика морской строительной части В.А.Рулева, разработанному им в 1837г.

Перестроена полностью церковь св. Николая или Адмиралтейский собор на Екатерининской улице. В 1848г. он был за ветхостью разобран до основания и отстроен вновь, но его строительство закончено уже после смерти Лазарева - в 1854г.

В 1849г. рядом был открыт временный, на время строительства Никольского собора храм архистратига Михаила.

В 1837г. Севастополь посетил император Николай 1 и в память пребывания своего в Севастополе назначил построение Соборной церкви св. Владимира.

Наиболее полно степень участия Лазарева в строительстве Севастополя и Николаева можно проследить на примере его деятельности при подготовке строительства Владимирского собора в Севастополе. Первоначальный проект был составлен известным архитектором К.А.Тоном. Предполагалось строительство храма на развалинах Херсонеса. Однако, считаясь с желанием Лазарева, храм заложили не в Херсонесе, а в центре Севастополя. После утверждения императором предложений по постройке храма, Лазарев создает Комиссию по сооружению в Севастополе храма во имя св. равноапостольного князя Владимира. Лазарев контролировал и работу комиссии и все работы по постройке храма

до мелочей. Например, он лично выбирал подрядчиков. Именно он разделил постройку храма на несколько этапов, определил достаточный срок для окончания каждого этапа, поскольку считал, что только при таком разделении «можно будет знать время, когда надобно считать подрядчика неисправным и приступить к действиям на счет залогов, со взысканием с него установленного штрафа». Сообразно этим разделениям работ была определена и выдача за них денег.

Очень серьезное внимание Лазарев обращал на качество проводимых работ. В своем предписании Комиссии от 11 ноября 1847г. он требовал: «...должно обратить особенное внимание на самое подробное и точное определение материалов, какие и где должны быть употреблены, их качеств, размеров, способов скрепления и самого производства работ». Лазарев самостоятельно разрабатывал инструкции по проведению наиболее ответственных работ и после проверки их инженерами на практике требовал неукоснительного их исполнения.

Интересна разработанная Лазаревым подробнейшая инструкция по приготовлению известкового раствора для скрепления камней при строительстве. В конце ее он поручает Хозяйственному Комитету Южного Округа Морской Строительной части составить особую комиссию из инженерных офицеров, с приглашением в нее архитектора Акройда, для испытания предлагаемого способа приготовления извести и точнейшего определения результатов, о которых он требовал донесения комиссии за общей подписью с заключением самого комитета. После проведения указанных испытаний и получения положительных результатов этот новый способ был введен в качестве обязательной к исполнению инструкции. В своем указании Комиссии... Лазарев требовал: «...для каменной кладки подрядчик должен благовременно готовить известь под наблюдением и по указанию строителя, который будет руководствоваться ... предложением моим Хозяйственному Комитету Южного Округа Морской Строительной части».

Для ускорения и удешевления работ по указанию Лазарева при строительстве использовали камень от приобретенных казною и разбираемых домов частных владельцев.

Вникая до мелочей в весь процесс строительства, Лазарев стремился к тому, чтобы все работы проводились без задержек, с высоким качеством при минимальной стоимости и с внедрением новых технологий. Будучи требовательным и жестким руководителем, он строго спрашивал с должностных лиц, проявлявших нерадивость или неграмотность. В этом отношении очень показательным письмом, посланное в Комиссию по строительству правителем канцелярии Николаевского и Севастопольского Военного губернатора, статским советником Камневым 6 февраля 1848г.

«... На рапорте Комиссии ... о том, что архитектор штабс-капитан Рулев ранее года не может, по множеству занятий, исполнить порученного ему дела – исправления смет, согласно замечаниям на постройку храма св. Владимира в Севастополе, Главный командир изволил написать следующую резолюцию: «Передать начальнику Южного округа для понуждения г. Рулева к немедленному исполнению настоящего требования и с тем вместе оштрафования его за безрассудный отзыв. Если же медленность в этом деле происходит от занятия им должности городского архитектора, то немедленно он освобожден будет от этого занятия, о чем сообщить исправляющему должность временного в Севастополе Военного Губернатора»

При заказе для храма картин и икон Лазарев лично утверждал эскизы и стоимость картин и требовал точного исполнения согласно заранее утвержденным им эскизам. Насколько велик был авторитет Лазарева, можно судить по следующим строкам из письма художника Майкова от 31 мая 1850г. «... комиссия храма св. Владимира требует, чтобы эскизы были представлены Синоду, я же, имея Ваше приказание совещаться с Его Преосвященством Иннокентием, не обращался ни к кому другому, эскизы им одобрены, а главные иконы размещены по Вашей и его идее, следовательно, если я представлю в Синод, то очень может случиться, что сделают перемены как в эскизах, так и в размещении, перемены, не согласные с желанием Вашего Высокопревосходительства и Его Преосвященства... Впрочем, я поступлю так, как будет угодно приказать Вашему Высокопревосходительству»

ву...». При жизни Лазарева был заложен только фундамент собора, однако, когда адмирал умер, было решено похоронить его под строящимся собором.

По инициативе Лазарева в севастопольском городском водопроводе произвели замену глиняных труб чугунными, отлитыми из собранного в черноморских портах чугунного лома, что позволило существенно снизить расходы на эксплуатацию водопровода, подсоединить дополнительные источники воды и создать новые линии водотоков.

При Лазареве в Севастополе были проложены шоссе и тротуары по главным улицам.

В 1842г. Лазарев обращается к императору с просьбой разрешить построить здание морского собрания на деньги оставшиеся от «приобретения в последнюю с Турцией войну призов» и получил на это высочайшее разрешение. В 1844г. здание окончено и в письме Шестакову Лазарев пишет: «мы из кожи вон лезем, чтобы внутреннее устройство этого здания соответствовало наружному... давно бы пора устроить такое заведение в Севастополе... оно удалит их (офицеров) от кондитерских и трактиров; а это не безделица как для нравственности, так и для самой службы...».

Деятельности Лазарева по строительству Севастополя была высоко оценена современниками.

В 50-х годах 19 в. журнал «Современник» писал: «Мы в России не имеем ничего похожего на Севастополь. Это не столица, не губернский город и даже не уездный, но он примечен, как сама столица. Улицы широкие, прямые, правильно разбитые, церковей мало, но какие есть- изящные. По улицам- деревья, во дворах сады.»

А один из английских офицеров в 1855г., глядя на развалины Севастополя, написал домой: «Ум не может нарисовать себе что-либо равное по красоте тому, чем был этот город. Мне кажется, это место, где любой хотел бы жить и умереть».

С городом Николаевым все обстояло по другому. Современники отмечают, что, кроме небольших дел Лазарева по благоустройству города, «ни на что больше нельзя указать в области управления Николаевым...». Лазарев относился с большим вниманием к Севастополю, чем к Николаеву, в отличие от своего предшественника Грейга, который гораздо больше уделял внимания Николаеву, чем Севастополю. Поэтому до сегодняшнего дня севастопольцы с большим уважением относятся к Лазареву, а жители Николаева – к Грейгу.

Тот же английский капитан Джесс, который в начале правления Лазарева так нелестно отзывался о Севастополе, про Николаев писал так: «Дома обычно построены качественно, одноэтажные, покрашены в белый или желтый цвет и выглядят чистыми и опрятными... Дома стоят в окружении больших садов, улицы очень широкие... Бульвар и берега реки Ингул выглядят привлекательно, благодаря усилиям бывшего губернатора и командующего ЧФ адмирала Грейга».

В 1835г. в городе Николаеве улицам были присвоены названия, а домам номера. Николаевская Градская Дума представила Лазареву на утверждение проект названий улиц в Николаеве, а городской полицмейстер предложил названия районов в Николаеве. Также планировалось ввести дощечки на домах с номерами и указанием хозяев. Все эти предложения, а также просьба Думы выделить деньги и заказать дощечки и списки наименований улиц в Гидрографическом Депо Лазаревым были утверждены.

В городе Николаеве, который снабжался водой из одного Спасского источника и колодцев с водой «большой частью соленой и нездоровой», для улучшения водоснабжения города Лазарев приказал Градской Думе выстроить бассейн для набора воды и обложить акцизом в пользу города занимающихся перепродажей воды.

Все, что Лазарев находил нужным устроить в городе, он устраивал через своих подчиненных за счет казны, а затем уже приказывал Думе внести расход, какой считал справедливым возложить на городское общество. Так, был устроен и вымощен спуск к Ингульскому мосту. А спуск к переправе через Буг адмирал устроил исключительно на счет сбора, взимавшая пользование водой из Спасского бассейна.

К Лазареву, зная его честность и доброе отношение к людям, часто обращались жители за помощью и содействием в их делах. Он оказывал помощь, предупредительно дос-

конально разобравшись в каждом деле, при этом не останавливаясь перед необходимостью обращаться вышестоящему начальству. Например, в рапорте Начальнику Главного Морского Штаба ЕИВ Лазарев сообщает, что к нему обратилась вдова Анна Иванова «с прошением изъясняя крайне бедное свое положение, просит участия ... о скорейшем взыскании с Полтавского Купеческого 1й гильдии сына Самуила Зеленского должного ей ... по документу 2000 рублей денег с интересами» и ходатайствует: «убеждаясь лично мне известную претерпеваемые бедной вдовой Ивановой крайностию в содержании себя и семейства своего...я приемлю честь обстоятельства сии представить на благоуважение Вашей Светлости и покорнейше просить предписания Вашего, кому следует о скорейшем обревизовании, отосланного в Ревизионный Комитет дела Зеленского...».

К Лазареву, как к Военному Губернатору, часто обращались с прошениями о выделении земли под сады и различные застройки и в большинстве случаев Лазарев удовлетворял прошения. Если он был согласен с прошением, то выходил с предложением в Городскую Думу, предварительно советуясь с заинтересованными лицами. Например, при выделении земли около Практической Батареи в Николаеве Надворному Советнику Голубову (Правитель Канцелярии Николаевского и Севастопольского Военного Губернатора), Лазарев только после того, как получил уведомление Начальника Артиллерии Черноморского Флота, что «отвод помянутого треугольника ни мало не будет препятствовать действиям вышеописанной батареи», вышел с предложением в Городскую Думу. Городская Дума принимала решение, после чего обращалась к городскому архитектору для обмера земли. Предшественник Лазарева адмирал Грейг требовал от лиц, взявших участки, брать подписки что «в течении 3 лет участки те огородят забором, или окопают рвом, произведут на них фруктовые сады... в противном случае участки сии несмотря на сделанные на них заведения, и употребленные на сие издержки, начальство имеет право взять обратно, без всякого вознаграждения и отдать другому». До исполнения этого требования владельцу выдавалось временное свидетельство на владение землей. Лазарев продолжал строго придерживаться этого правила и требовал того же от Городской Думы. У невыполнивших это условие земля конфисковывалась.

В марте 1834г. к Лазареву обратился Херсонский Гражданский Губернатор с просьбой сделать распоряжения о переносе переправы через Буг из селения Малая Корениха в Урочище Спасское. Переправа эта находилась в ведении Морского ведомства и обходилась казне ежегодно в немалую сумму. Переправа была перенесена, а после этого Лазарев отправил отношение А.С.Меньшикову, в разрешение которого Государь Император приказал передать переправу бесплатно Николаеву от Морского ведомства, а личный состав, обслуживающий переправу вернуть в команды. Инструкция по сборам на новой переправе и тарифы представленные Николаевской Думой утверждались Лазаревым. Николаевская Дума 9 ноября 1834г. обратилась к Лазареву с предложением полученные с Бугской переправы деньги «...для усугубления капитала сего процентами, раздавать оные деньги в заемобраз...». На отношении Лазаревым была наложена резолюция «Совершенно согласен».

В ведении Лазарева как Военного губернатора находилась организация карантинной службы и контроль за ее деятельностью. Карантинная служба проходила по ведомству Министерства внутренних дел. Севастопольское правление военного карантина подчинялось Военному Губернатору Николаеву и Севастополю и Временному в Севастополе Военному Губернатору. Преобразование Севастопольского военного карантина началось еще во время пребывания Лазарева на посту Начальника штаба Черноморского флота и Портов, согласно введенного в 1832 г. нового устава Карантинной стражи. Кроме того многие чиновники Севастопольского карантина были замечены в злоупотреблениях. 31 января 1833 был утвержден новый штат Севастопольского военного карантина, который предусматривал 158 служащих, включая нижние чины. Сооружение карантина закончено в 1838г.

Лазаревские преобразования коснулись также и органов гражданского управления. По «предложению Николаевского и Севастопольского Военного Губернатора, Генерал-Адъютанта Адмирала Лазарева от 3 мая 1844 года за №760 данному Николаевскому Го-

родовому Комитету, учрежден в г. Николаеве Архив, общий для всех присутственных мест, с назначением для заведования делами его особого чиновника, по избранию и с полной ответственностью его за целость и порядок в хранении бумаг». С этого времени ведет отсчет Государственный архив Николаевской области. Архив располагался в здании городского магистрата и подчинялся Городскому управлению. Объем работы архива был достаточно большим, так как в нем хранились документы не только присутственных мест Николаева и Севастополя, но и всех воинских частей, расквартированных на территории губернаторства. По указу Сената Лазаревым в 1836г в Николаеве и Севастополе были созданы статистические комитеты, заведующие местной административной статистикой. Проходили они по ведомству МВД и имели своей целью собирать статистические и исторические данные по Николаеву, Севастополю и их окрестностям .

В 20-е годы было принято решение о придании Николаеву статуса Военно-морского порта. Решение это соблюдалось настолько строго, что ни один иностранный корабль не мог прийти в Николаев, даже приезд иностранцев в Николаев был обставлен очень затруднительными условиями. Это же условие касалось и Севастополя. Городской полицией ежегодно в МВД предоставлялись данные по иностранцам принявшим российское гражданство.

Были разработаны формы бланков на жительство иностранцев в Николаеве и Севастополе по форме А-временные и форме Б-постоянные, с описанием примет - по сути это были виды на жительство. Разработаны они были по всей видимости либо самим Лазаревым, либо в его канцелярии. Изготавливались они в Черноморском Гидрографическое Депо в ограниченных количествах. Расход и использование их находились под жестким контролем.

Лазарев контролировал процесс ценообразования в городах. В Севастополе был создан и функционировал комитет для понижения цен на съестные припасы. Возглавлял его капитан 1 ранга Аркас, а в последствии генерал-майор Ратч. К сожалению никаких документов по деятельности этого комитета обнаружить не удалось. Такса для извозчиков в также представлялась Военному губернатору «на благорассмотрение и утверждение».

А 8.03.1850г. Лазареву был представлен рапорт начальника Николаевской портовой жандармской команды №49 от о том, что согласно Высочайшему Указу цены на игральные карты должны быть на установленном уровне, а некоторые бакалейные лавки продают их дороже. Согласно Высочайшего Указа на губернаторов возлагался контроль за продажей карт. Лазарев потребовал от полиции принять меры к устранению и усилить контроль за исполнением данного Указа.

Лазарев, сосредоточив в своих руках всю полноту власти, руководил гражданскими учреждениями, опираясь на военный принцип единоначалия. Будучи энергичным и жестким руководителем, вникая во все вопросы управления, принимая решения и отдавая приказания, он фактически подмял под себя городские думы и органы местного самоуправления, оставив им в основном исполнительные функции. Николаевский историк Г.Н. Ге писал о печальных случаях «... обнаруживших полную деморализацию общественных деятелей,- при новом губернаторе адмирале Лазареве».

Севастопольская Городская Дума даже с желанием купить для Городских присутственных мест дом умершего купца Берга, вынуждена была обращаться через канцелярию командира Севастопольского порта к Николаевскому и Севастопольскому Военному Губернатору. Лазарев ведет переписку с Временным в Севастополе Военным губернатором с выяснением «на какую сумму,... кому завещан...», «кем, когда именно и по какому случаю назначен в продажу дом...кому и сколько остался купец должен и во сколько дом оценен...» и после этого дает свое согласие на покупку опять же Временному губернатору, не опускаясь до общения с Думой и Городским головой. Через Лазарева решались даже вопросы о необходимости закупки белья, одежды и обуви для городской богадельни. Когда к нему 2 июля 1849г. с этим вопросом обратилась Николаевская дума, Лазарев по своему обыкновению предложил выставить подряд на торги. Образцы продукции и «кондиции» были представлены Лазареву на утверждение. После проведения торгов Лазарев

пришел к выводу, что по результатам торгов получается дорого и предложил купить уже готовые вещи у купца Авчинникова.

Сдача в наем городского балагана в Севастополе была проведена по представлению Временного в Севастополе военного губернатора после резолюции Лазарева.

Требую точного и своевременного исполнения своих приказаний 28 января 1842г. Лазарев приказал ввести в николаевских и севастопольских присутственных местах регистр по контролю за исполнением своих поручений. (Аналог существующего ныне в Вооруженных Силах РФ журнала контроля исполнительности).

Являясь высшим органом МВД в Николаеве и Севастополе, столь же требовательно адмирал относился и к полиции. При проведении суда над 4 крестьянами купившими 5пудов 2 фунта казенной меди в Николаеве, полиция, задержав их и сняв показания, не сделала по горячим следам обыска у продавших им медь. Лазарев дал указание об этом упущении в МВД и дал указание в городскую полицию виновному чиновнику объявить строгий выговор, а «впредь за подобные упущения подвергать строжайшей ответственности и именно отстранять от должности с преданием суду».

К концу своего правления, будучи уже очень больным, Лазарев продолжал работу, но контролировать деятельность городских дум и органов местного самоуправления, по всей видимости, уже не мог. В архивах практически нет документов за 1850 и 1851 год написанных рукой самого Лазарева, а только документы, подписанные им. 29 января 1851г. в своем письме Меншикову Лазарев пишет о том, что есть может только куриный бульон остуженный до желе, врачи диагноз поставить не могут. А 18 февраля из Одессы сообщает, что с трудом уже подписывает письма и решил ехать за границу.

Когда Лазарев уехал на лечение в Вену, обязанности Николаевского и Севастопольского Военного Губернатора исполнял вице-адмирал Кумани. Вникнув в дела, он 8 февраля 1851г. в Николаевскую Городскую Думу пишет: «Из дел Канцелярии Николаевского и Севастопольского Военного Губернатора усмотрено мною, что многие предписания Г. Военного Губернатора и мои, касающиеся к пользе, благосостоянию и устройству города и по другим частным случаям, по Николаевской Градской Думе не только не исполняются, но даже остаются без всякого ответа, по прочим делается исполнение не прежде, как после нескольких усиленных начальничьих подтверждений и напоминаний канцелярии; срочные же сведения, в особенности о ежемесячном свидетельстве городских сумм представляются не своевременно ... и вообще все таковые срочные сведения доставляются уже по напоминаниям, от чего умножается переписка и беспорядки в производстве дел, а городское хозяйство приходит в упадок и разорение». В этом же предписании он требует навести порядок в делах и предупреждает о том, что лично проверит состояние дел в Николаевской городской Думе. Когда же 14 февраля 1851г. он прибыл в Думу с проверкой, то «из членов ея кроме одного Градского Главы и секретаря, ... долгое время занимаясь обзором некоторых предметов Думы, прочих членов не видал, по неявке их к своим должностям...». При проведении проверки были обнаружены существенные нарушения в использовании денежных средств. В результате Кумани потребовал провести расследование: «не скрывается ли подлога или другого нетерпимого в службе обстоятельства ...» и все нарушения и упущения- «исправить немедленно и для всего этого назначаю сроку два дня, с тем, что от сего ни члены, ни секретарь с подведомственными своими по Думе канцелярскими не освобождаются и в наступающие дни праздника сырной недели». Также он потребовал, чтобы члены Николаевской Градской Думы находились во время заседаний своих в установленных для их должностей мундирах, а «в предупреждение отговорок их неведением о сем составить особою статьею за общим всех их подписом установленное определение».

Адмиралтейские поселения были образованы в 1784-1790гг. по повелению князя Г.Потемкина, на основании изданных постановлений о заселении Новороссийского края. Поселения были присоединены к Черноморскому ведомству с целью использования поселенцев при недостатке адмиралтейских мастеровых и при отсутствии свободных рабочих рук «во вновь завоеванном безлюдном крае». Часть поселенцев впоследствии была направлена на построенную в Богдаевке казенную суконную фабрику.

Суконная фабрика в Богоявленске была основана в 1806г. иностранцем Шлейденом. Впоследствии к ней была присоединена и парусная фабрика. Со вступлением в должность Главного Командира Черноморского флота, адмирал Лазарев изучил состояние дел на фабриках и пришел к выводу, что выпускаемая продукция низкого качества и обходится казне дороже, чем покупаемая «с воли». 13 апреля 1834г. Лазарев выходит с представлением к Начальнику Главного Морского Штаба о закрытии Богоявленских казенных фабрик. В 1835г. фабрики были ликвидированы.

Отставные нижние чины до 1840г. селились в адмиралтейских поселениях Богоявленске, Воскресенске и Калиновка беспрепятственно. 29 июля 1840г. обер-интендант Черноморского флота обратился к Лазареву с рапортом, что отставные нижние чины нарушают порядок неповиновением сельским властям и поселяются в селениях вопреки существующим постановлениям. С этого дня Лазарев запретил нижним чинам селиться в адмиралтейских поселениях. В связи с ростом населения в адмиралтейских поселениях стало не хватать земли. Если на каждую душу полагалось по 15 десятин земли, то к 1847г. на одну душу приходилось всего 4 десятины. Это побудило командование флота в 1847г. ходатайствовать о прибавлении земли из числа смежных с Богоявленском казенных земель. И только 17 апреля 1852г. по указу Правительствующего Сената Богоявленску было выделено 2832 десятины земли.

В 1827г. в Николаеве была открыта первая приходская школа на 25 человек и с отделением для девочек. В 1833г. вместо приходской школы было открыто уездное училище. Это преобразование приходской школы закрыло обучение девочек. Граждане подавали прошения в Думу и непосредственно Лазареву об открытии нескольких приходских школ. Но только спустя 10 лет в 1843 г. Лазареву удалось открыть в Николаеве второе училище - девичье. А дело приходских школ замерло до времени губернаторства адмирала фон Глазенапа.

В начале второй четверти 19 в. в Севастополе было всего 2 казенных учебных заведения, кроме того городская буржуазия содержала несколько частных классов и пансионов. В 1833 г. в городе открылся первый пансион для благородных девиц. В 40-х годах в городе были открыты уездное и приходское училища, а также морское училище для детей матросов (школа юнг).

Рассмотрев деятельность Лазарева на посту Военного губернатора Николаева и Севастополя, можно сделать следующий вывод: главной его заслугой явилась строительство и развитие города Севастополя. Адмирал до конца жизни оставался в первую очередь военным моряком и приоритетом для него являлся флот. Развитие Севастополя при Лазареве, объясняется тем, что строя новый флот, Михаил Петрович понимал, что новому флоту нужна новая инфраструктура. Кроме того, по своему внешнему облику город никак не соответствовал статусу главной базы флота. Немаловажным фактором явилось и пристальное внимание к городу Николая I. Часть инициатив по перестройке города принадлежат именно ему, а все предложения Лазарева утверждались именно им.

Подмяв под себя все органы гражданского управления, он практически лишил их законодательной и управленческой функций, оставив функции исполнительные. Это негативно отражалось на развитии городов и экономических отношениях. Таким образом, нельзя дать однозначную оценку деятельности адмирала на посту Военного губернатора.

II

НОВАЯ ИСТОРИЯ

**«ПОСТПЕРЕЯСЛАВСКИЕ» ИЗМЕНЕНИЯ В ТИТУЛАТУРЕ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРЯ И ГЕТМАНА ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО
В НОВЕЙШЕЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

ВИКТОРОВ Ю.Г.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Последовавшие за Переяславской радой изменения в отношениях Украины и России иногда называют одним из наиболее влиятельных и многозначительных символов украинской истории [1]. Одна из сторон этого символа – новые титулатуры Московского государя и гетмана Запорожского войска, отражавшие политико-правовые перемены в первой половине 1654 г.

В современной украинской историографии выделяют два основных подхода к этому вопросу, методологически не связанных с подвергнутой многочисленной критике советской историографией второй половины XX в. - национально-государственный и модернистский.

Историки национально-государственного подхода придают крайне негативный характер термину «Малая Россия», по их мнению, присвоенному Украине московским правительством в январе 1654 г., а затем необоснованно включенному в царский титул. *«Украина не зря была лишена даже своего исторического имени, а вместо этого, с «лёгкой» руки московских дьяков, получила выдуманное и унижительное – Малороссия, а в таком случае – что с нее возьмешь: малое, значит, неразумное. (...) В общем, если Малороссия, то уже никакая не Украина, а всего лишь маленькая часть (сказано же – «украина») великой «Родины» – России»,* - пишет историк М. Лукинюк [2].

Интересно, что именно такую точку зрения, хотя и в несколько смягченной форме, отразили авторы современных учебников для 5 и 8 классов общеобразовательных учреждений В. Мисан и А. Швыдько [3, 4]. Историк нового поколения А. Портнов, развивая эту идею, поясняет: *«российскому правительству не понравилось, что в Украине может вырасти поколение, которое, изучая неискаженную историю своего государства, сформируется в национально-сознательное население, и тогда будет трудно вернуть себе Украину».* Россию порицают за проведение колониально-шовинистической политики, за то, что украинцев постоянно делили на «восток» и «запад», что их называли «хохлами» и «малоросами», а украинский язык – «русским наречием» [5].

Документы показывают, что предки современных украинцев в самом деле считали себя Народом руским, Русью или Русинами, а свой язык – Руским наречием. Население Украины называлось не только малоросами, но и литвинами, литовским людом, и это не рассматривается сейчас как нечто, унижающее достоинство. Более того, некоторые исследователи, цитируя русские летописи начала XVII в., описывают разорение Московского государства «главохохленной литвой» в годы Смуты. Понимая это, историк модернистского направления Б. Кухта пытается доказать, что названия Малая и Великая Россия – не более чем термины, используемые и Москвой, и «образованным украинством» в зависимости от обстановки. Согласно Б. Кухте, называющая себя «истинными сынами Малороссийской отчизны», украинская элита (но при этом воспринимающая отчизну исключительно под названием «Украина») при случае согласна называть свою родину и Великой Россией. Исследователь напоминает, что иерусалимский патриарх называл Б. Хмельницкого «Князем Руси», а коринфский и назаретский патриархи спели однажды многолетие «Государю и гетману Великой России» [6].

Последователь М. Грушевского В. Паздрий видит выход из терминологического «тупика» во введении искусственного наименования для гетманской державы – «Украина-Русь». При этом автор, отрицающий какие-либо права Московского государства на наследие Киевской Руси и доказывающий нелегитимность изменений в царской титулатуре, настаивает на том, что Б. Хмельницкий до конца жизни подписывался не иначе как «Великодержавный гетман Украины-Руси». Украина, по мнению этого исследователя, *«считала*

только себя, а не Московскую державу (...) правопреемницей Киевской Руси. Вот почему именно так подписывался гетман» [7].

Однако документы, подписанные Б. Хмельницким, этого не подтверждают. Мы можем встретить подписи: *«войска в(ашей) к(оролевской) м(илости) Запорожского старший»*, *«гетман Войска Его Королевской милости Запорожского»*, затем, с 1654 г., *«гетман войска его Царского пресветлого Величества Запорожского»* и т.п. Историки А. Апанович [8] и Я. Давиденко [9] считают, что в официальных и юридических документах титул «гетман с Войском Запорожским» представлял сложившуюся Украинскую Гетманскую державу и только в Статейном списке В. Бутурлина можно найти признаки того, что с подачи Москвы начинает утверждаться идея воссоединения Руси, *«позволившая московскому правительству обосновать свои претензии на украинские земли»*.

Однако именно Б. Хмельницкий, по мнению известного исследователя модернистского направления Б. Сушинского, своими преступными, предательскими действиями привел к тому, что Украина стала зависимым государством. На том основании, что военное образование под командой Б. Хмельницкого большую часть времени проводило вне Сечи, историк приходит к выводу, что титул «гетмана» Войска Запорожского не давал права вести переговоры о перемене настоящим Запорожским войском, а вслед за ним и всей Украиной, подданства. К тому же Б. Хмельницкий официально, на дипломатическом уровне признал себя «верноподданным чиновником» – управителем территории, не являющейся государством, его *«титул и права теперь были не выше, чем титул и права губернатора, который обращается к своему монарху с челобитной, униженно прося подтвердить права территории, находящейся под его управлением»*, заключает Б. Сушинский. Такая логика приводит к отрицанию необходимости вести какие-либо споры о титулатуре. Кроме того, Б. Сушинский дает неточную датировку произошедших изменений. Например, он доказывает, что *«уже в марте 1654 года, с «подачи» самого Б. Хмельницкого, Украина превратилась в Малую Русь, а российский царь – в ее самодержца»* [10].

Источником третичной информации, для Я. Давиденко, А. Апанович, Б. Сушинского и других авторов, согласно спискам использованной ими литературы или цитируемым отрывкам, послужила работа известного историка первой половины XX века А. Яковлева «Договор гетмана Богдана Хмельницкого с московским царем Алексеем Михайловичем в 1654 году».

Обращаясь к заголовку Статей Б. Хмельницкого, датированных 17 февраля 1654 г., этот исследователь пишет: *«Во вступлении выписан короткий царский титул с прибавлением нового титула «и Малья России»; неясно только, было ли это добавление в оригинале или, что более правдоподобно, оно сделано в Москве при переводе на русский язык»*. А. Яковлев утверждает, что *«впервые это добавление к царскому титулу «всея России самодержца» было написано в царской грамоте Б. Хмельницкому, сообщавшей о рождении царевича 9 февраля 1654 г.»* При этом автор дает ссылку на публикацию: Акты ЮЗР - Т. X. - Док. № 6 [11].

К сожалению, историк, далеко не первым заподозривший Москву в подлоге и навязывании чуждых народу названий, не счел необходимым упомянуть письмо Б. Хмельницкого от 26 января 1654 г., оригинал которого хранится в РГАДА и в котором обращение гетмана начинается словами: *«Божиею милостию великого государя царя і великого князя Алексія Михайловича всея Великия і Малыя Русіі самодержца...»*, и т.д. [12]. Не говорит он и о письме Б. Хмельницкого, написанном в Переяславле 8 января 1654 г., сразу после принесения присяги. Оно заканчивалось словами *«Вашему царскому величеству верные поданные и наинижайшие слуги Богдан Хмельницкий, гетман с Войском вашего царского величества Запорожским»*. Та же грамота начинается словами: *«Божиею милостию великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великий и Малыя Русии самодержцу...»*. Этот документ, кстати, был опубликован в том же, десятом томе Актов ЮЗР, которым пользовался А. Яковлев, под № 4 [13].

Впрочем, утверждения А. Яковлева, как и развитая им традиция манипулирования историческим материалом, не оригинальны. В целом выводы этого исследователя основываются на работах польских историографов 30-60-х гг. XIX века, подвергнутых крити-

ке еще А. Максимовичем и Н. Костомаровым [14]. Уже они указывали, что не имеющие никакого отрицательного смысла определения «Малая» (небольшая, тесная) и «Великая» (просторная, выходящая за пределы прежней) Русь, подобно Малой и Великой Польше, по аналогии с Малой и Великой Грецией существовали задолго до заключения Переяславского договора 1654 г. Одно из первых упоминаний о Малой Руси сохранилось, например, в письме византийского императора Иоанна Кантакузина литовскому князю Любарту Гедиминовичу, написанном еще в 1347 г. [15]

Большая политизированность вопроса, корни которого зародились в период противостояния Москвы и Польско-Литовского государства, а затем развились в период пребывания его частей в составе России, отзывается вплоть до нашего времени. Исторические мифы, живущие десятилетиями, как правило, оправдываются официальной наукой на том основании, что любое позиционирование по отношению к России выглядит важным, если не важнейшим, компонентом современного украинского национального и государственного строительства. В этом смысле значительное число современных украинских историков следуют примеру М. Грушевского, который чувствовал себя *«не только (и не столько) ученым, сколько политическим представителем украинского народа»* [16].

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Кравченко В. Украина, империя, Россия... (обзор современной украинской историографии) // Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2006 г. С. 477
2. Лукінюк М. Обережно: міфи! Спроба системного підходу до висвітлення фальшувань історії України. – К.: Видавництво ім. Олени Телічи, 2003. С. 76-77
3. Мисан В. Оповідання з історії України. Підручн. для 5-го кл. серед. шк. – К.: Генеза, 1997. С. 125
4. Швыдько А. История Украины. XVI-XVIII вв. Учебник для 8 класса средней школы / Под ред. М. Малюк. К., 1999. С. 159
5. Портнов О. Що дала Україні Переяславська Рада? // Наслідки Переяславської ради 1654 року. Збірник статей. К., 2004. С. 218-219.
6. Кухта Б. З історії української політичної думки. К., 1994. С. 70, 78.
7. Паздрій В. Переяслав. Що він дав Україні? // Наслідки Переяславської ради 1654 року. Збірник статей. К., 2004. С. 123-215.
8. Апанович О. Українсько-Російський договір 1651 року. Міфі і реальність. <http://ukrstor.com/ukrstor/apanovych1654.html>
9. Давиденко Я. Переяславська рада 1654 року та її наслідки для України // Наслідки Переяславської ради 1654 року. Збірник статей. К., 2004. С. 22.
10. Сушинський Б. Козацька Україна: «Хмельниччина». Одеса, 2004. С. 337.
11. Яковлев А. Договір гетьмана Богдана Хмельницького з московським царем Олексієм Михайловичем 1654 року // Переяславська рада 1654 року. С. 149.
12. Письмо гетмана Б. Хмельницького царю Алексею Михайловичу // Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. Т. III. – М.: Издательство АН СССР, 1954. С. 521.
13. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. X. СПб.: 1878. С. 261-262.
14. Костомаров Н.И. Давно ли Малая Русь стала писаться Малороссиєю, а Русь Россией // Земские соборы. - М.: Чарли, 1995. С. 453-454.
15. Храпачевский Р. Русь, Малая Русь и Украина. // <http://www.fondiv.ru/articles/119/>
16. Грушевський М. Переяславська умова України з Москвою 1654 року // Переяславська рада 1654 року. С. 5.

СТРУКТУРА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И КРЕПОСТЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КРЕСТЬЯННИКОВ В.В.

Государственный архив г. Севастополя

В годы первой мировой войны командующему Черноморским флотом подчинялись не только флотские соединения, но и крепости и порты, находившиеся на побережье Черного от Сулина до Трапезунда и Азовского морей. Побережье было разделено на несколько участков обороны, имевшие своих начальников. В состав этих участков входили как флотские соединения, так и сухопутные части. Части флота и гарнизонов были следующие.

Штаб Командующего флотом Черного моря.

Комплектовался по штатам 1915 г., в 01.1917 г. были утверждены новые штаты, в связи с вновь поставленными перед флотом задачами [1].

В течение 1917 г. была реорганизована морская контрразведывательная служба во флоте и районе подчиненном командующему [2], а также Черноморская Учетная Канцелярия выведена из состава Черноморского флотского экипажа и включена в Штаб Командующего [3].

1-я Бригада Линейных кораблей

Была создана в 08.1915 г. в связи с вводом в строй линкоров нового типа «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая». В 1916 г., после гибели линкора «Императрица Мария», бригада была расформирована, а линкор стал флагманским кораблем флота. Входившие в состав бригады линкоры «Три Святителя» и «Ростислав» были зачислены во 2 бригаду [4].

26.05.1917 г. поднял вымпел линкор «Воля» (б. «Император Александр III») и начал кампанию [5]. Была вновь сформирована 1 Бригада линкоров в составе линкоров «Свободная Россия» (б. «Императрица Екатерина Великая») и «Воля» [6].

2-я Бригада линейных кораблей

До войны линейные корабли входили в состав Действующего флота Черного моря и Отряд 1-го резерва. 12.08.1915 г. была объявлена новая организация сил, согласно которой старые линкоры были сведены в 2-ю («Евстафий», «И. Златоуст» и «Пантелеймон») и 3-ю («Три Святителя», «Ростислав» и «Синоп») бригады.

В 11.1916г. старые линкоры были сведены в одну (2-ю) бригаду, а линкор «Синоп» зачислен в отряд судов Северо-Западной части Черного моря. По состоянию на 01.01.1917 г. и 01.01.1918 г. в составе бригады было 5 линкоров – «Евстафий», «И. Златоуст», «Борец за свободу» (б. «Пантелеймон»), «Ростислав» и «Три Святителя» [7].

В 03.1916 г. царское правительство купило у Японии для флотилии Северного Ледовитого океана бывшие русские корабли – эскадренные броненосцы «Полтава» (переименован в «Чесму»), «Пересвет» и крейсер «Варяг». «Чесма» покинула Владивосток в конце 1916 г. и прибыла в Кольский залив в январе 1917 г. Команда для броненосца направлялась с Черноморского флота.

Крейсерская бригада

В начале войны крейсера и эскадренные миноносцы были сведены в Минную дивизию, но в 08.1915 г. на базе дивизии были созданы Крейсерская и Минная бригады. В составе Крейсерской бригады были крейсера «Память Меркурия», «Кагул» (с 1917 г. «Очков») и «Прут» (б. турецкий крейсер).

В конце 1916 г. в войну на стороне Антанты вступила Румыния, передавшая свои суда в распоряжение Российской империи. После переоборудования в состав бригады вошли вспомогательные крейсера «Дакия», «Император Траян» и «Король Карл» (класс посыльных судов, 2 ранг) [8]. С конца 1916 г. крейсера «Кагул» и «Прут» находились на длительном ремонте [9].

Минная бригада

Как говорилось выше, эскадренные миноносцы входили в 08.1915 г. в состав Минной дивизии. После выделения Минной бригады в самостоятельную боевую единицу, она состояла из 6 дивизионов и флагманского э/м «Счастливый». В состав 6-го дивизиона входили миноносцы. В 1916 г. погибли эскадренные миноносцы «Лейтенант Пушин» (09.03.) и «Живучий» (25.04.). Вместе с тем в строй вступали новые эскадренные миноносцы типа «Новик». На 01.01.1917 г. в составе бригады было 7 дивизионов, в том числе 3 и 4 из строящихся судов. В течение 1917 г. происходила реорганизация. Так в январе, вместо 6 дивизиона учрежден Сводный дивизион, [10] в мае расформирован 3 дивизион (строющийся) и эскадренные миноносцы распределены между 1 и 2 дивизионами [11], в сентябре вновь сформирован 3 дивизион («Ушаковский») из введенный в строй эскадренных миноносцев «Фидониси», «Керчь», «Гаджибей» и «Калиакрия» [12].

На 01.01.1918 г. в составе бригады было 22 действующих эскадренных миноносца, 4 строящихся и 4 миноносца, сведенных в 7 дивизионов (4-й строящийся). В январе 1917 г. в составе бригады было сформировано 2 дивизиона посыльных судов из миноносок, построенных в конце XIX – начале XX вв. [8]

База бригады «Блокшив № 9», вспомогательные суда при базе: «Днепр», «Водолей-1», «Эстелла-Мария», «Помощник».

Подводная бригада

До войны в составе Черноморского флота был дивизион подводных лодок их 4-х лодок. По организации сил флота от 08.1915 г. в составе флота значится Подводная бригада из 4 дивизионов в составе 15 лодок. Состав дивизионов менялся – вывод из строя устаревших, ввод в строй новых лодок. На 01.1917 в составе бригады в 4-х дивизионах было 16 действующих и 3 строящиеся лодки. Школа подводного плавания была приписана к 4 дивизиону. На 01.01.1918 в составе 3-х дивизионов было 12 лодок, к 3 и 5 дивизионам были приписаны строящиеся суда. База бригады и конвоир 1 дивизиона транспорт «Трапезунд», конвоир-база 2 дивизиона пароход «Возрождения», конвоир 4 дивизиона портовое судно «Днепровец» [13].

Отряд [мореходных] канонерских лодок

Действовал в С-3 части Черного моря в составе лодок «Донец», «Кубанец», «Терец».

Дивизион заградителей

На 1911 г. в составе Действующего флота Черного моря было два минных заградителя: «Прут» (погиб 11.1914 г.) и «Дунай». В 08.1915 г. был создан дивизион заградителей из 4-х переоборудованных судов. На 01.01.1917 г. в составе дивизиона было 6 судов. Количество их менялось в связи с передачей некоторых в Транспортную флотилию и минные опыты Севастопольского порта.

Бригада траления

Перед войной в составе Севастопольского порта была Партия траления и мин заграждения из 4 судов. В ходе военных действий была сформирована Морская партия траления их двух отделений. В 1916 г. в связи с активизацией противника была сформирована Бригада траления. На 01.01.1917 г. состояла из 9 дивизионов и 12 тральщиков типа «Ельпидифор» строилось [14]. На 01.01.1918 г. в составе бригады было 10 дивизионов (70 тральщиков) и 20 тральщиков типа «Ельпидифор» строилось. Транспорт «Кача» - база 1, 2, 3, 4, 6 и 7 дивизионов в Севастополе, транспорт «Граф Платов» - база 5 и 8 дивизионов в Одессе [15].

Отряды и средства борьбы с подводными лодками

Подразделение было создано в 1916 г. в связи с подводной опасностью в Черном море [16]. В окончательно утвержденную структуру вошли Дивизион сторожевых судов из 3 отделений (на 01.01.1917 г. – 21 катер, на 01.01.1918 г. – 31 катер 4-е отделения) [17], Дивизион сетевых заградителей из 2 отделений (на 01.01.1917г. – 10 судов, на 01.01.1918 г. – 7 судов) и Боновое дело с отделениями в крупных портах. База дивизиона стор. судов – «Блокшив № 10», к Боновому делу причислен тральщик «Христофор» [18].

Воздушная дивизия

Накануне войны авиационные и воздухоплавательные подразделения входили в состав Службы Связи Черного моря, однако в ходе военных действий авиация выполняла задачи не только по наблюдению за прилегающей к портам акваторией. Самолеты палубной авиации бомбардировали турецкие и болгарские порты, вели бои с самолетами противника. В связи с тем, что авиация решала более широкие задачи, Приказом начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего № 428с от 03.11.1916 г. на Балтийском и Черноморском флотах были сформированы Воздушные дивизии. Воздушная дивизия Черного моря должна быть сформирована из 2-х бригад. 1-я бригада из 4-х дивизионов (1-й и 2-й из 2-х отрядов в каждом, 4-й из 4-х отрядов, 3-й отряд дирижаблей и змейковая станция), 2-я из 3-х дивизионов (5, 6 и 7 из 3-х отрядов каждый) и Отряда корабельной авиации на 4-х судах («Император Николай I», «Император Александр I», «Алмаз» и «Румыния»).[19] Отряд Корабельной авиации (гидрокрейсера) начал новые боевые действия в 03.1915 г. На 01.01.1918 г. из 17 воздушных отрядов было сформировано 12 отрядов, 4 станции и 8 постов. В 06.1917 г. станция со змейковыми аэростатами реформирована в 36 корпусной воздухоплавательный отряд[20], посыльное судно «Алмаз» передано в Транспортную флотилию [21].

Противовоздушная оборона

Пулеметные и ракетные батареи для отражения воздухоплавательных средств противника впервые упоминаются в приказе войскам Севастопольского гарнизона и крепости Севастополь № 24 от 14.01.1915 г., отданном на случай боевой тревоги [22].

В мае 1917 г. была утверждена «Инструкция отражения воздушного противника при налетах его на Севастополь». В разделе «Средства защиты» дается перечень зенитных батарей и прожекторных установок с указанием их дислокации. В разделе «Отражение противника» упоминается должность «начальник воздушной борьбы» [23].

В феврале 1917 г. был издан приказ об определении высоты полета гидропланов для зенитной артиллерии [24].

Служба Связи

Данная служба была сформирована в начале мировой войны. В ходе военных действий расширяла сферу своих действий на всю прибрежную зону действий флота и разделена на 4 района (от Сулина до Трапезунда). В связи с подготовкой десанта на Босфор в 02.1917 г. был учрежден Десантный район Службы Связи из 4 команд связи судов флота с частями армии, кабельной десантной роты, десантной телеграфной команды. Помимо указанных районов в состав Службы Связи входили кабельное судно «Веста» (с 1917 г.), полевая телеграфная контора № 158, полевые телеграфные отделения №№ 169, 94 и 95.

В мае 1917 г. была утверждена новая структура Службы Связи Черного моря [25].

Транспортная флотилия

Стала формироваться в ходе военных действий, создана Циркуляром Штаба Командующего флота от 12.08.1915 г. Была сформирована из 83 транспортов, сведенных в 6 отрядов [26]. На 01.01.1917 г. и 01.01.1918 г. флотилия уже состояла из 10 отрядов, в которых было до 170 судов разной грузоподъемности [27]. В состав флотилии входили Одесский временный военный порт (база флотилии), Одесский морской батальон (сформирован в 1904 г.).

В феврале 1917 в составе флотилии начали формировать Отряд средств высадки из 8 отрядов (разделенных на участки) [28]. В октябре 1917 г. существовавший при начальнике Штабы Тыла флота эвакуационный отдел был упразднен, и создан эвакуационный отдел при начальнике Транспортной флотилии [29]. При флотилии действовала Школа мотористов с мастерскими.

Учебный отряд

В составе Учебного отряда флота были Машинная, Артиллерийская и Минная школы, Черноморская Учебная команда строевых унтер-офицеров, школа рулевых и сигнальщиков. При 4-м дивизионе Подводной бригады действовала Школа Подводного плавания. В Севастопольском флотском полужукипаже готовили писарей, шхиперов и баталеров. К

Учебному отряду были приписаны Блокшивы № 7 и № 8, посыльное судно «Березань» и учебное судно «Рион» (с1917 г.) [30].

Тыл флота

Начальнику тыла флота и главному командиру Севастопольского порта подчинялись все порты Черноморского и Азовского побережья со всеми структурными подразделениями.

Севастопольский военный порт:

- Черноморский флотский экипаж;
- Севастопольский флотский полуэкипаж;
- Плавающая база (суда не входящие в Транспортную флотилию и предназначенные для обслуживания боевых сил флота). На 01.01.1917 в ней было 18 судов, на 01.01.1918 – 6 судов, остальные переданы в Транспортную флотилию;
- Дирекция маяков и лоций Черноморского и Азовского морей – гидрографические суда «Веха», «Казбек», «Тендра», «Боярин»;
- Пристрелочная станция – «Пеная», пос. судно № 10;
- Минные опыты – транспорт «Буг», минно-моторный заградитель «Мина»;
- Пристрелочная станция в Двукорной бухте (Феодосия);
- Севастопольский морской госпиталь (при нем школа санитаров и санитарных унтер-офицеров);
- Санитарно-дезинфекционный и эвакуационный отряды;
- Водолазно-спасательная партия (Мариинская);
- Мастерские порта;
- Охрана Севастопольских рейдов (линкор «Георгий Победоносец», 6 посыльных судов, наблюдательные посты от м. Лукулл до Балаклавы, подразделения Севастопольской крепости).

Николаевский порт:

- Николаевский флотский полуэкипаж;
- Николаевский морской госпиталь (при нем фельдшерская школа);
- Посыльное судно «Ястреб».

Керченский порт:

- Транспорт «Дооб» и 4 катера.

Временные военные порты, порты-убежища, пункты разгрузки

В ходе военных действий были образованы Новороссийский, Мариупольский, Потийский, Туапсинский, Батумский, Ризе, Трапезундский и Сулинский временные военные порты. Подчиненность их была решена в сентябре 1917 г.[31] Штаты временных портов-убежищ и пунктов разгрузки Гагры, Сухум, Сурмене и Платана были утверждены в январе 1917 г. [32]

Как уже говорилось выше, побережье было разделено на несколько участков обороны, в состав которых входили как флотские, так и сухопутные части.

Отряд судов и портов Восточной части Черного моря (Батум)

В состав отряда входили:

- Боевые суда флота (по назначению);
- Парусно-моторные шхуны (5-7);
- Ополченческие роты (3-2);
- Черноморский морской полк (в 1917 г. вошел в состав Отд. Черн. мор. дивизии);
- 1 Черноморский батальон (в 1917 г. вошел в состав Отд. Черн. мор. дивизии);
- Часть Одесского морского батальона;
- 9 прибрежных батарей.

Отряд судов и портов Северо-Западной части Черного моря (Одесса)

В состав отряда входили:

- Боевые суда флота (по назначению);
- Линкор «Синоп»;
- Посыльное судно «Салгир»;

- Суда охраны лиманов, катера охраны Одесского рейда и Днепроовско-Цареградской дистанции;
- 2 арт. участка БО;
- 3 ополченческие роты;
- Ополченческая конная сотня;
- Пешая пограничная сотня;
- Пешая пограничная команда.

***Отряд обороны Дунайских Гирл (Сулин) (с 1917 Отряд обороны устьев Дуная).
Образован в 1916 г.***

В состав входили:

- Боевые суда флота (по назначению);
- Румынский крейсер «Елизавета»;
- Посыльные суда;
- Прибрежные батареи (в том числе противоаэропланые);
- Отдельная Балтийская морская дивизия (4 полка, перебросена в 1916 г. с Рижского залива);
- Отдельный батальон Гвардейского экипажа (в 02.1917 исключен из состава отряда) [33];
- Отдельная морская бригада особого назначения (генерала Мазурова);
- 470 пешая Таврическая дружина;
- 1 Севастопольская крепостная саперная рота;
- В марте-сентябре 1917 был сформирован дивизион речных канонерских лодок. [34]

Грузовые перевозки по Дунаю осуществляла Экспедиция особого назначения, переименованная в первой половине 1917 г. в Дунайскую транспортную флотилию. Участки перевозки грузов ее судами были определены в феврале 1917 г. [35]

Крепости

До начала русско-японской войны 1904-1905 гг. на черноморском побережье было четыре крепости: Севастопольская, Очаковская, Керченская и Михайловская (Батуми). После окончания войны Военным министерством было принято решение об упразднении крепостей, кроме Севастопольской. Процесс упразднения шел медленно и в начале 1-й мировой войны Командующему флотом Черного моря были подчинены Севастопольская и Очаковская крепости и Керченские укрепления.

В 1917 г. Керченские укрепления были упразднены, а из арт. роты сформирован арт. дивизион и отправлен на фронт.

В июне 1917 г. Очаковская крепость была упразднена [36] и на базе ее сформировано управление Очаковских укреплений. В него входили несколько арт. батарей, батарея минных аппаратов, дружина Гос. ополчения, ополченческая рабочая рота, пешая пограничная сотня, пограничная конная команда.

Крепость «Севастополь»

Штаб крепости;

Севастопольская крепостная артиллерия (1917 г. была переформирована: сформирован крепостной арт. полк, полк прибрежных батарей на побережье Крыма и крепостной арт. склад);

Крепостное инженерное управление:

- Крепостной минный батальон;
- Керченская крепостная минная рота;
- 1 и 2 крепостные саперные роты;
- Крепостной телеграф;
- Военно-голубиная станция.

Крепостное медицинское управление:

- 1 и 2 крепостные временные госпитали.

Авиационные и воздухоплавательные части (в гарнизон входила Севастопольская авиационная школа).

До конца 1914 г. в крепости стояли два полка 13 пехотной дивизии и 13 арт. бригада, убывшие на фронт [37]. В апреле 1915 г. в связи с подготовкой операции на Босфоре в гарнизоне состояли 1 и 2 Кубанские пластунские бригады, вскоре отправленные на фронт [38].

В конце 1914 г. в город прибыло несколько дружин Государственного ополчения, из которых в январе 1915 г. была сформирована Сводная Севастопольская бригада государственного ополчения (6-8 дружин) [39]. Состав бригады постоянным не был. В крепости находилось несколько крепостных рабочих рот, пограничная пешая сотня (24-й погран. бригады) и пограничная конная команда. В начале 1915 г. в составе гарнизона был Одесский морской батальон.

В конце 1916 г. по решению МГШ начала формироваться Отдельная Черноморская морская дивизия (4 полка, арт. части, мед. часть, обоз). Дивизия расформирована в период с апреля по сентябрь 1917 г. [40]

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Приказание Командующего Черноморским флотом № 33 от 24.01.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6996.
2. Приказание Командующего Черноморским флотом № 166с от 8.06.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
3. Приказание Командующего Черноморским флотом № 3765 от 7.09.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6958.
4. Приказание Командующего Черноморским флотом № 312с от 08.11.1916 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
5. Приказание Командующего Черноморским флотом № 156с от 26.05.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
6. Приказание Командующего Черноморским флотом № 2425 от 10.06.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6985.
7. Состав флота, его баз, приморских крепостей, прибрежных батарей и сухопутных войсковых частей, подчиненных командующему Черноморским флотом (состояние на 1.01.1918). – МГООС, А-1131, л.90.
8. Приказ Командующего Черноморским флотом № 8с от 1.01.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
9. Приказ Командующего Черноморским флотом № 188с от 22.10.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
10. Приказ Командующего Черноморским флотом № 1с от 1.01.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
11. Приказ Командующего Черноморским флотом № 140с от 12.05.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
12. Приказ Командующего Черноморским флотом № 227с от 20.09.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957
13. Состав флота... - л.92.
14. Приказ Командующего Черноморским флотом № 40с от 10.01.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
15. Состав флота... - л. 93-95.
16. Козлов Д. Подводная опасность и русское судоходство (1914-1917). – М., СПб, 1999. - №9; Козлов Д. ПЛО российского флота в первой мировой войне. – М., СПб, 2004. - № 11.
17. Приказ Командующего Черноморским флотом № 13с от 10.01.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
18. Состав флота... - л. 95, 96.
19. Приказ Командующего Черноморским флотом № 554 от 11.02.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6996.
20. Приказание Командующего Черноморским флотом № 161с от 2.06.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
21. Приказание Командующего Черноморским флотом № 218с от 2.09.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
22. РГВИА, ф. 13145, оп.1, д.5, л.24.
23. Приказание Командующего Черноморским флотом № 137с от 9.05.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
24. Приказание Командующего Черноморским флотом № 675 от 21.09.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6995.
25. Приказание Командующего Черноморским флотом № 2045 от 2.05.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6985.
26. Д. Козлов. Управление морскими перевозками в годы первой мировой войны (1914-1917). – М., СПб, 2000. - № 11.
27. Состав флота... - л. 101-105.
28. Приказ Командующего Черноморским флотом № 68с от 20.02.1917, 85с от 9.03.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
29. Приказание Командующего Черноморским флотом № 4527 от 30.10.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6972.

30. Состав флота... - л. 106.
31. Приказ Командующего Черноморским флотом № 234с от 26.09.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
32. Приказание Командующего Черноморским флотом № 25§1 от 18.01.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
33. Приказание Командующего Черноморским флотом № 56с от 2.06.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
34. Приказание Командующего Черноморским флотом № 96с от 2.03.1917; № 133с от 30.04.1917; № 228с от 22.09.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
35. Приказание Командующего Черноморским флотом № 46с от 1.02.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
36. Приказание Командующего Черноморским флотом № 178с от 30.06.1917 – Библиотека КЧФ РФ, инв. № 6957.
37. РГВИА, ф.2343, оп.1, д. 180, л. 4-5.
38. РГВИА, ф. 2007, оп.1, д. 43, л. 3, 52об-53
39. РГВИА, ф. 13145, оп.1, л.21-21об.
40. Крестьянников В.В. Подготовка десантной операции на Босфор в конце XIX – начале XX вв. // Сб. Севастополь: взгляд в прошлое. - Севастополь, 2006.

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В ОБОРОНЕ
СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 ГГ.

Ляшук П. М.

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя

«...На нас лежит честь защиты Севастополя, защиты родного нам флота. Будем драться до последнего. Отступать нам некуда: сзади нас – море. Всем начальникам я запрещаю бить отбой; барабанички должны забыть этот бой. Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите такого начальника... Товарищи! Если бы я приказал ударить отбой, не слушайте, и тот подлец будет из нас, кто не убьет меня...»

вице-адмирал В. А. Корнилов,
начальник штаба Черноморского флота
и гарнизона Севастополя в 1854 г.

Ранним утром 9 сентября (28 августа) 1855 г. последние части гарнизона Севастополя покинули горящие развалины некогда цветущего города. Многие из оставшихся живых защитников плакали – все жертвы, принесенные на алтарь Отечества, казались напрасными. Десятки тысяч могил погибших, умерших от ран и болезней, разрушенный и залитый кровью Севастополь, затопленный Черноморский флот, разоренная войной Южная Россия... Крымскую войну Империя проиграла...

349-дневная оборона Севастополя стала одной из наиболее трагических и вместе с тем блестящих страниц в 222-летней истории Черноморского флота. Трагичной, поскольку флот потерял при защите своей главной базы 90% судового состава и не менее 30% личного. Блестящей, ибо героизм моряков-черноморцев стал для русского человека символом самопожертвования, бесстрашия и мужества. Именно во время Крымской войны Севастополь стал известен всему миру как город Российской морской славы.

Личный состав Черноморского флота сыграл ведущую роль в подготовке города к обороне, будучи основной рабочей силой при строительстве укреплений и вооружении их морскими орудиями.

Флот дал гарнизону Севастополя выдающихся организаторов обороны крепости, которые своей энергией и личным примером способствовали продлению защиты города. Среди наиболее известных имена адмиралов В. А. Корнилова, П. С. Нахимова, Ф. М. Новосильского, В. И. Истомина, А. И. Панфилова...

Из 18 000 моряков, служивших в 17 флотских экипажах на судах Черноморского флота, на берег сошло не менее 14000. Они вместе с 7 000 личного состава береговых команд Морского ведомства до марта 1855 г. составляли всю артиллерийскую прислугу при орудиях оборонительной линии, а также защищали укрепления в стрелковых батальонах, участвовали в саперных и других работах.

На протяжении осады Севастополя 1854–1855 гг. бастионами, редутами и люнетами оборонительной линии командовали исключительно флотские строевые офицеры. Им же принадлежит приоритет в командовании артиллерией на дистанциях и самими дистанциями. Линейные офицеры и офицеры корпусов Морского ведомства, рабочих и ластовых экипажей, портовых и арестантских рот командовали почти всеми батареями на оборонительной линии, руководили вылазками на позиции неприятеля, траншейными караулами и аванпостами.

Таким образом, длительное противостояние Севастополя превосходящим силам Турции, Франции, Британии и Сардинии в огромной степени стало возможным благодаря Черноморскому флоту: его судам, запасам и, особенно, личному составу.

Годы спустя главнокомандующий французскими войсками в Крыму в 1854–1855 гг.

маршал Франции Франсуа Канробер на вопрос о неприятеле отвечал: «Чтобы понять, что такое были наши противники, вспомните о шестнадцати тысячах моряков, которые плача уничтожали свои суда с целью загородить проход (на рейд) и которые заперлись в казематах бастионов со своими пушками, под командой своих адмиралов Корнилова, Нахимова, Истомина! К концу осады от них осталось восемьсот человек, а остальные и все три адмирала погибли у своих пушек...»[1].

«Пока всеобщая молва не стала говорить о защитниках Севастополя как о героях, никто из них не думал, чтобы стоя на бастионах, он делал что-нибудь особенное или чтобы служить можно было бы иначе; а в России никто не знал, что Черноморский флот представляет едва ли не лучший, организованный в одно целое и одушевленный истинным военным духом корпус офицеров и солдат. Такой дух составлял нравственную силу обороны...», – вспоминал через 15 лет после окончания защиты Севастополя ее участник контр-адмирал В. А. Стеценко.[2]

18 апреля 1855 г. лейтенант Петр Лесли написал из Севастополя родным в Смоленскую губернию: «...Бывали дни, что на некоторых бастионах прислуга менялась несколько раз, но не от усталости, а оттого, что перебивало всех. Кажется, скоро начнут уже хвалить нас, черноморцев, и будут говорить, что худо делаем и худо деремся, тогда как у нас три четверти офицеров и матросов уже выбыло из строя, и в запасе уже никого нет. Это всегда так бывает, сперва хвалят, а потом перестают, да, кроме того, стараются отыскать дурные стороны. Ну да Бог с ними! Мы чисты перед собой...».[3] Со времени становления Российской армии и флота в основе идеологии и морали русского офицера всегда лежало выполнение воинского долга перед Отечеством. Этот долг офицерский корпус честно исполнял во всех войнах, и офицерство в России заслуженно считалось самым патриотичным слоем общества. Патриотизм в России был всегда неразрывно связан с преданностью престолу и вере предков. Он являлся основой офицерской психологии, и триединая формула «За Веру, Царя и Отечество» «вела» офицера на протяжении всей его жизни. Офицер воспитывался в представлениях о бескорыстии, благородстве и почетности своей миссии, в осознании своей высокой роли в жизни государства.[4] Особо подчеркивалось, что «офицерское сословие есть благороднейшее в свете, так как его члены не должны стремиться ни к выгоде, ни к приобретению богатства или других земных благ, но должны оставаться верны своему высокому, святому призванию, руководясь во всем требованиями истинной чести и сосредоточивая все мысли и чувства на самоотверженной преданности своим высшим военачальникам и отечеству».[5]

Ратным людям, говорилось в первом русском воинском уставе, «лучше честно умереть, нежели с бесчестьем жить».

В 1854–1855 гг. под стенами Севастополя российское офицерство в очередной раз исполнило свой долг, потеряв убитыми, умершими от ран и болезней более тысячи человек...

Особенно большие потери (в процентном соотношении) понес Черноморский флот. С самого начала обороны города моряки считали защиту Севастополя долгом чести, который был для них важнее собственной жизни. В 1854–1855 гг. с оборонительных стен главной базы Черноморского флота, под грохот разрывов снарядов и свист пуль постепенно «сошли в могилу» 16000 чинов Морского ведомства. В числе убитых и умерших от ран – 3 адмирала и 135 офицеров...Еще 3 адмирала и 730 офицеров были контужены и ранены. И это из 1500 офицеров, числившихся к началу 1854 г. во всем Черноморском флоте.

Таких потерь Российский флот еще не знал – во всех предшествовавших вооруженных конфликтах с участием России с 1770 г. по 1853 г. погибли 35 строевых флотских офицеров и 3 адмирала Императорского флота.[6]

«Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна... Благослови, господи, Россию и Государя, спаси Севастополь и флот».[7] Эти последние слова умершего от раны 5 октября 1854 г. вице-адмирала В. А. Корнилова – слова гражданина, до конца выполнившего долг перед своим Отечеством.

19 октября 1854 г. М. Ф. Рейнеке написал в Севастополь своему другу старшему

флагману Черноморского флота вице-адмиралу П. С. Нахимову: «...Вести из Севастополя сильно беспокоят меня – не столько опасным положением города, которое при помощи божьей может поправиться, сколько твоя отчаянная отвага. Слышу, что ты разъезжаешь на коне по всей оборонительной линии, и единственно тобою поддерживается порядок и дух войск, не только матросов, но и солдат. С твоим именем и при твоих понятиях об обязанностях начальника иначе и быть не может. Но для чего без нужды пускаться в самые опасные места и подвергать себя убийственному огню?..

Ради Бога, мой добрый друг, береги себя для общей пользы! Только ты еще можешь поправить или хоть поддержать дела Севастополя. Да, если взглянешь на это как христианин, то не малодушие [ли] бояться пережить или быть свидетелем падения города, хотя оно, конечно, и весьма скорбное унижение для Отчизны, не похоже ли это на самоубийство, не грех ли это?..».[8] «...Адмирал (Нахимов) вселял убеждение, что жертвовать собой для исполнения долга – дело самое простое, обыденное...» – вспоминал впоследствии один из участников обороны.[9]

«Падение Малахова кургана Истомин не пережил бы, и если бы судьба поставила его в такое безвыходное положение, что кургану надлежало бы погибнуть, доставшись в руки врагу, Истомин взорвался бы, также как если пришлось бы упасть флагу с горделивой мачты его драгоценного «Парижа», – отмечал в своих записках из Севастополя П. В. Алабин.

«Чувство долга, жажды славы отечеству доходило в Истомине до экстаза, – продолжал Алабин. – Это чувство выработало в нем совершенное, полное равнодушие к смерти. В последнее время на удивление многих его необыкновенной отваге и презрению смерти он часто повторял: «Удивляюсь, право, вашему удивлению; я и так незаконно живу на свете – мне бы следовало погибнуть в первую бомбардировку; следовательно, смело могу играть тем, чем пользуюсь и без того более срока». ... Неужели в его сердце не осталось жажды жизни? Он не высказывал ведь презрение к ней, он любил ее, любил, быть может, больше других; но дело, за которое он ратовал, любил еще больше, и хотя в его душе и была еще надежда на возможность продолжения жизни, но он выражал ежеминутную готовность расстаться с нею, исполняя... другую нравственную службу Отечеству...».[10]

«До какой степени самоотвержения и отрешения от всего мирского, для святого служения отечеству может дойти русский человек, то доказал кап[итан] 1 р[анга] Ник[олай] Фед[орович] Юрковский, по смерти к[онтр]-ад[мирала] Истомина заступившего его место начальника 4-го отделения оборонительной линии. Юрковский знал и говорил, что защитникам Севастополя нет другого исхода, как могила или тяжкое увечье, и когда ему сообщили, что жена его, выдержавшая в беременном состоянии первые дни бомбардирования в опасном положении, и притом, заболев сильною холерой, находится при смерти и просит его приехать в Симферополь, хотя на один день, он отказал ей в этом, ответив: «Ни на минуту не могу оставить своего поста». Герой пал на нем, уже более не выдав ни жены, ни семерых своих детей!».[11]

Известны десятки случаев, когда морские офицеры, не долечившись в госпиталях и не «догуляв» отпусков по ранению, возвращались в Севастополь, к своим товарищам и к своим орудиям. Некоторые из моряков подавали рапорты о переводе их из Балтийского флота в Черноморский, другие – из Николаева или Керчи в Севастополь. Третьи просились с Северной стороны города на передовые батареи Южной стороны. Нередко – на встречу гибели.

Из письма капитан-лейтенанта М. Л. Серебрякова отцу, начальнику Черноморской береговой линии вице-адмиралу Л. М. Серебрякову от 11 ноября 1854 г.: «...Товарищи наши под неприятельскими ядрами и бомбами погибают тысячами; тяжело и грустно читать обо всех ужасах, претерпеваемых нашими с мужеством, и сидеть, ничего не делая в настоящее время в Керчи... Какой бы ни был исход наших дел, все то же неприятное чувство, вроде угрызания совести, будет тяготить меня всю жизнь. Ежели Бог поможет нашим одолеть врага, то совестно будет сознаться, что не участвовал в деле славном и общем всему флоту; ежели по трупам наших молодцов неприятелю удастся овладеть Сева-

стоподем, то в таком случае я себе никогда не прощу, что я в то время сидел в Керчи без всякого дела. Прошу вас, добрейший Батюшка, разрешить мне сдать пароход кому-нибудь, а самому отправиться в Севастополь.

Вы, вероятно, будете опровергать мое желание, говоря, что надобно быть там, где пришлось быть по службе и многие другие, очень уважительные поводы; но неужели вам самим не будет прискормно, что ни один из ваших сыновей не был участником в столь славном деле.

...Ежели вы будете полагать, что я решился на это из честолюбия, чтобы получить какой-нибудь крест или чин, то вы, любезный Батюшка, ошибаетесь; я только желаю быть участником этого дела и разделять участь моих товарищей; а потому умоляю вас, Батюшка, не отказать мне».[12] Марк Серебряков добился перевода в Севастополь, где и погиб в марте 1855 г. Через месяц после этого в Севастополь прибыл брат Марка капитан-лейтенант Егор Серебряков.

«Мы все, находящиеся на 4 бастионе, буквально не спим целые ночи, ежели днем и позволяем себе заснуть, то, одевшись, в сапогах, и не более как часа на три потому, что неприятель от нас в нескольких саженях, – писал из Севастополя брату 10 апреля 1855 г. капитан 2-го ранга Н. Н. Липкин. – Все его предприятия против нашего бастиона не имеют успеха. Мы сторожим Севастополь как цепная собака своего хозяина, и, несмотря на вторичную усиленную бомбардировку, продолжающуюся сегодня четырнадцатый день, мы отстаиваем город как Русские, знающие свой долг Царю и Отечеству. Правда, что и в эту бомбардировку многие из наших моряков пали, но смерть за отечество есть награда каждого христианина.

Завтра будет шесть месяцев с тех пор, как я ранен. Левою рукою кое-как владею, и могу еще подписать свою фамилию; правая же все в прежнем состоянии, и кажется, что нет надежды, чтоб она когда-нибудь действовала. В добавок к этому, 3-го апреля я еще контужен в голову, но остался на бастионе, хотя и ныне чувствую сильную головную боль и вижу не ясно, что заставило меня одеть очки; но исполню свой долг, и с бастиона не уйду до тех пор, пока не понесут на носилках. Вот, любезный брат, чувства каждого из нас, обороняющих город».[13]

Нам удалось найти только один некролог на погибшего офицера Черноморского флота, опубликованный в газете еще в течение обороны Севастополя. Эта небольшая статья в «Одесском вестнике» посвящена памяти лейтенанта В. В. Богдановича, семья которого жила в Николаеве. Написал ее друг погибшего, лейтенант А. К. Комстадиус (в сентябре 1855 г. он умер от ран в Симферопольском госпитале).

«Богданович Виктор, в 18 лет окончил юнкерскую школу в г. Николаеве в мае 1853 г. и произведен в мичманы, за Синоп произведен в лейтенанты. С 5 октября 1854 по 21 марта 1855 г., т. е. почти 6 месяцев, не отходил от орудий, просился на батареи в самые опасные пункты, несколько раз рвался в вылазки, в чем, принимая в расчет его молодость, начальство ему отказывало. Богданович первое время служил на батарее капитана 2 р. Стройникова, который говорил о нем: «Я никогда не видел, чтоб он изменился под самым сильным неприятельским огнем; он всегда, с самым покойным духом, что-нибудь напевал...

Удостоившись награды Анны 3 ст. с бантом, он за отличие назначен был в.[ице]-адм.[иралом] Новосильским в отдельные начальники 6-орудийной бомбической батареи на 4-м бастионе.

Затем он попросился на передовые редуты несмотря на то, что новая батарея была меньше по числу орудий и калибру. 21 марта, отвечая на выстрелы неприятельских батарей, он радовался искусству и меткости своих комендоров и приподнял голову выше бруствера, чтобы посмотреть за направлением ядра, едва успел произнести: «Молодец, прекрасно!», как упал, пораженный штуцерной пулей в правую щеку, без слов, без выдоха. Капитан-лейтенант Шестаков, под командой которого на этих редутах он находился, говорит, что, подойдя к нему в первый момент смерти, он увидел на лице павшего детскую улыбку. И монах, совершавший его похороны, сказал: «Многих я хоронил, но вид этого ребенка заставил меня от души заплакать».[14]

«...По возвращении в Севастополь, я нашел в нем ту же бурную и грустно тягостную жизнь...», – сообщил 22 апреля 1855 г. в С.-Петербург чиновник Морского министерства по особым поручениям Б. П. Мансуров. «К несчастью, несравненные наши моряки, стоя, как прежде и как всегда, в первых рядах, постепенно и постоянно убывают, так что через несколько недель такого же бедствия их останется малая горсть, горсть героев, покрытый славою остаток исключительно морского гарнизона, решившего умереть на стенах Севастополя тогда еще, когда они на помощь не рассчитывали...

Как ни велика храбрость, покрывшая уже черноморских моряков вечною славою, нельзя не упомянуть, что почти выше этой доблести должна быть поставлена та почти мученическая жизнь, к которой все служащие на бастионах осуждены уже более 8 месяцев... Нравственные мучения и физические лишения, которые наши моряки столь страшно долго переносят, превышают все то, что можно себе вообразить, если не видеть этого поближе».[15]

Сведения о потерях морских чинов в Севастополе поступали в форме строевых рапортов из экипажей и команд Черноморского флота в Инспекторский департамент Морского министерства. Рапорты служили основанием для исключения погибших из списочного состава Российского флота Высочайшими приказами по Морскому ведомству. Много сведений об обстоятельствах смерти флотских офицеров в Севастополе содержат сообщения командированных в осажденный город чиновников Морского министерства А. Д. Крылова и Б. П. Мансурова. Их отчеты регулярно публиковал журнал «Морской сборник».

Абсолютное большинство убитых, умерших от ран и болезней моряков было похоронено на Михайловском кладбище на Северной стороне Севастополя, ныне, увы, уже несуществующем. Оно было варварски уничтожено решением Севастопольского горсовета в сер. 80-х гг. прошлого века. Я с ужасом вспоминаю, как в бортах котлованов строившейся школы и жилого дома, как соты, торчали гробы с останками тех, кто пал во славу Отечества, Черноморского флота и Севастополя. Тех, кто до конца выполнил долг воина-защитника и христианина.

Первый поименный список офицеров Черноморского флота, погибших при обороне Севастополя 1854–1855 гг. был опубликован в «Справочной книжке Морского ведомства на 1856 г.». В списке значились фамилии 3 адмиралов, 15 штаб- и 83 оберофицеров.[16] К 1888 г. синодик увеличился на 34 фамилии. Все они были увековечены занесением на мраморные мемориальные доски в Морских и Военных храмах С.-Петербурга, Кронштадта и Севастополя.

В 1903–1907 гг. участник обороны военный инженер-генерал П. Ф. Рерберг издал три тома альбома «Севастопольцы», в которых опубликовал среди прочих фоторепродукции с литографий, фотографий и рисунков портреты 12 адмиралов и офицеров Черноморского флота, павших в Крыму в 1854–1855 гг., с их краткими биографиями. И на сегодняшний день это наиболее полное собрание иконографии по данной теме.

Из научных работ, содержащих сведения о погибших в Севастополе морских офицерах, отметим, прежде всего «Общий морской список» в 13 частях, изданный в С.-Петербурге в 1885–1903 гг. по распоряжению Морского ведомства. В нем, разрозненно, в нескольких томах помещены сведения о прохождении службы 80 строевыми офицерами, погибшими в Севастополе в 1854–1855 гг. Однако указанная работа отличается излишней лаконичностью, а в некоторых случаях грешит и неточностями.

До сих пор биографии абсолютного большинства погибших в Крыму морских офицеров и адмиралов Российского флота остаются малоизученными, да и вообще, история участия офицерского корпуса Черноморского флота в обороне Севастополя 1854–1855 гг. все еще ждет своего исследователя. Но на вопрос: «Что заставляло русских и малороссов, греков и армян, финнов и немцев, шведов и поляков, единенных именем «офицер Черноморского флота» стоять насмерть в Севастополе?» ответ дать можно сейчас – то были граждане России, для которых слова Отечество, Присяга, Долг и Честь значили больше, чем Жизнь.

«Мертвые сраму не имут...» – написал много веков назад русский летописец о воинах, павших при защите родной земли. И не было разницы – в каком сражении они погиб-

ли: победном или проигранном – потому как отдали Отечеству самое ценное из того, что имели – свои жизни. Подвиги их бессмертны и жизнь их вечна, как и память о них...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тарле Е. В. Крымская война. В 2-х т. М., 1950. Т. 2. С. 255, 256.
2. Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне Севастопольцами. В 3-х т. СПб., 1872. Т. II. С. 266, 267.
3. Сборник рукописей, представленных... Т. I. С. 363.
4. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 286.
5. Наставление к самодисциплине и самовоспитанию. Собрание писем старого офицера к своему сыну // Сост. С. К. Вып. 1. М., 1900. С. 11.
6. Коргуев Н. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. □С приложением списка выпускных воспитанников. 1753–1896. СПб., 1897. С. 61–65.
7. Вице-адмирал Корнилов. М., 1947. С. 291.
8. П. С. Нахимов. Документы и материалы. М., 1954. С. 428, 429.
9. Там же. С. 624.
10. Алабин П. В. Четыре войны. Походные записки 1849, 1853, 1854–1856 и 1877–78 гг. М., 1892. Ч. III. С. 279–281.
11. Морской сборник. 1856. № 6. Отд. III. С. 95.
12. Морской сборник. 1856. № 9. Отд. IV. С. 84, 85.
13. Морской сборник. 1857. № 2. Отд. IV. С. 370, 371.
14. Одесский вестник. 1855. № 48 от 28 апр.
15. П. С. Нахимов. Документы и материалы. М., 1954. С. 515.
16. Памятная книжка Морского ведомства на 1856 г. Издается под наблюдением директора Инспекторского департамента. Исправлено по 18 февраля 1856 г. СПб., 1856. С. 322, 323.

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII-XIX ВВ.

Мартынкин А.В.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Уже с середины XI в. турки (тогда турки-сельджуки) стали претендовать на лидерство в исламском мире, особенно после того, как в 1055 г. Тогрул-бек отнял Багдад у ослабевшей династии Буидов, а духовный глава всех мусульман - халиф, даровал ему титул султана и прерогативу защиты державы Аббасидов от ее многочисленных врагов. Еще большее влияние в мире ислама турки заслуженно приобрели во время захлестнувших с XI в. Восточное Средиземноморье крестовых походов.

После создания в XIII в. на юго-восточной границе Византийской империи государства турок-османов, превратившегося в результате победного шествия его воинов по Малой Азии и Балканам и взятия ими в 1453 г. под предводительством султана Мехмеда II Византии в Османскую империю, к нему перешла роль лидера исламского мира.

В XVI в. лидерство Османской империи в исламском мире закрепилось победой султана Селима I над персидским шиитским государством Сефевидов и, особенно, покорением им мамлюкских Египта, Сирии, пленением последнего халифа Аббасидов и отправкой его в 1518 г. в Стамбул. При этом для мусульман всего мира большое значение имело также перемещение в Стамбул из Каира знамени и плаща пророка Мухаммеда - главных реликвий ислама, что, вместе с нахождением в Стамбуле резиденции халифа, сделало этот город столицей всего исламского мира (Россия формально признала право османских султанов на халифат с 1774 г., после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора).

Наивысшего расцвета Османская империя - лидер исламского мира на трех континентах, - достигла во время правления наследника Селима I - султана Сулеймана I ("Сулеймана Великолепного-Законодателя"). Однако затем период расцвета сменился длительной стагнацией и последующим за ней упадком. [1]

К концу XVIII - началу XIX века Османская империя вступила в полосу глубокого экономического, политического и социального кризиса. Это было вызвано целым рядом причин внутреннего и внешнего характера: слабостью и некомпетентностью высшего руководства, коррумпированностью чиновников административного аппарата, ростом национально-освободительного движения покоренных народов, ширящейся колониальной и торгово-экономической экспансией стран Запада (в.т.ч. промышленной революцией, "революцией цен") и т.д.

Первые признаки распада империи появились еще в XVIII в., когда в результате ряда войн с Австрией, Россией и Ираном Турция потеряла некоторые окраинные территории (часть Боснии, Тебриз, Азов и Запорожье) и вынуждена была согласиться на отказ от политического контроля в некоторых других (Грузия, Молдавия, Валахия).

Ослабление Османской империи в свою очередь привело в начале XIX в. к активизации национально-освободительного движения на Балканах, в результате которого в 1799 г. при поддержке России обрела независимость Черногория, с 1806 г. Турция практически потеряла контроль над Сербией и Бессарабией, в 1832 г. по Лондонскому договору в результате более чем десятилетней войны получила независимость Греция. "Османская империя таяла, как шагреновая кожа".[2]

Даже исламские окраины империи выходили из-под контроля центрального правительства. К концу XVIII – началу XIX в. местные исламские правители Египта, Ирака, Аравийского полуострова вели независимую внутреннюю, а зачастую и внешнюю политику, серьезно угрожая порой самому существованию стамбульского режима.

Так, паша Египта Мухаммед-Али (с 1805 г.) отказался платить налоги султану и потребовал от него передачи управления Сирией в качестве платы за посылку войск для подавления греческого восстания. Осенью 1831 г. египетские войска приступили к захвату Сирии, а к лету 1832 г., заняв Сирию, Палестину и Киликию, вступили в Анатолию, где 21

декабря того же года у г.Конья ими были разгромлены османская армия Решида-паши. Чтобы спасти положение султан вынужден был просить помощи у европейских держав (просить помощи у "неверных" для борьбы с мусульманами), что не прибавило ему популярности ни у турецких, ни, тем более, у египетских и сирийских мусульман. Мало того, что для спасения империи было дано согласие на ввод в Босфор кораблей российского флота (февраль 1833 г.), так Махмуд II еще и не мог потом избавиться от русских до тех пор, пока он не подписал унижительный Ункляр-Искелесийский договор, предоставивший русскому царю право «защищать» султана, а также закрывать и открывать по своему усмотрению Черноморские проливы для прохода иностранных военных судов. В конце концов, под давлением европейских держав в мае 1833 г. было подписано соглашение между представителями султана и Мухаммеда-Али, по которому последний формально признавал верховную власть султана и выводил свои войска из Анатолии, а Махмуд II оставлял под управлением Мухаммеда-Али занятые египетскими войсками Сирию, Палестину и Киликию. Более того, после разгрома в июне 1839 г. турецкой армии в первом же сражении второй турецко-египетской войны (1839-1941 гг.), уже в июле того же года державы официально объявили, что берут Османскую империю под свое «коллективное попечение», а Лондонская конференция, ультимативно потребовавшая от Мухаммеда Али отказаться от плодов его побед, в 1840 г. это узаконила. Причем у нового султана - Абдул-Меджида (1839—1861), несмотря на унижение, не было иного выхода, как принять его.[3] 15 июля 1840 г. турецкий посол в Лондоне был вынужден подписать конвенцию с представителями России, Англии, Австрии и Пруссии. Таким образом, официально провозглашалось зависимое положение Османской империи по отношению к этим державам.

На других окраинах последней исламской империи также не было заметной поддержки мусульманским населением своего султана.

В Ираке сепаратистские настроения багдадского паши подогревались, занявшей к началу XIX в. значительное место в иракской экономике английской Ост-индской компанией.

В Ливанских горах к началу XIX в. ряд пашалыков империи был фактически независим от султана.

В Аравии знаменем арабского национального движения против турецкого влияния в XVIII - XIX вв. стал ваххабизм.[4] Аравия никогда не была под полным контролем империи. "Хотя Хиджаз с Меккой и Мединой признавали авторитет султана, во внутренних делах эти священные исламские территории пользовались практически полной автономией. Йемен был под властью турок едва ли более столетия: в 1630—1640 гг. турецкие гарнизоны вынуждены были покинуть его под давлением зейдитских имамов. Эмираты Восточной Аравии частично были под властью Ирана, но в большинстве своем оставались независимыми, тогда как Центральная Аравия продолжала оставаться безраздельным царством кочевников-бедуинов с их шейхами, которые не признавали над собой ничьей власти".[5] Ваххабизм служил идеологическим обоснованием и для объединительных тенденций и для национально-освободительной борьбы аравийских арабов. Уничтожение культа мусульманских святых, за которое ратовали ваххабиты, означало в условиях Аравии того периода разрушение идеологической, духовной опоры феодальной раздробленности. Из положений и практики ваххабизма вытекало также его вполне определенное антишиитское и антисуфийское содержание, тем более осуждение суфизма в том виде, который получил распространение в Османской империи XVIII в., где традиционные улемы делили власть и влияние с шейхами суфийских орденов, сетью которых была покрыта вся империя.

Бунт ваххабитов против отуреченного ислама далеко вышел за религиозные рамки и приобрел военно-политический характер. После многочисленных военных походов ваххабитами в Аравии было создано единое государство. Дважды оно прекращало свое существование, но оба раза не от карающего меча турецкого султана: в 1818 г., потерпев поражение от египетской армии Мухаммеда Али, и в 1865 г. в результате междоусобной борьбы, пока, наконец, в 1901 г. Абд аль-Азиз ибн Сауд не овладел Эр-Риядом, положив начало возрождению государства Саудидов.

Таким образом, к началу Крымской войны 1853-1856 гг. мусульманское население арабских окраин Османской империи уже не рассматривало султана в качестве непререкаемого лидера исламского мира, каким, например, был в глазах мусульман османский султан Сулейман Великолепный.[6]

Каким же авторитетом пользовались султаны Махмуд II и Абдул-Меджид среди мусульман-османов, титульного населения империи?

Серьезный удар по авторитету султана, как лидера всех мусульман нанес обнародованный 3 ноября 1839 г. в павильоне Большого Серая («Гюль-хане» - «Дом Роз») главным министром Решидом-пашой в присутствии султана Абдул-Меджида хатт-и шериф («священный указ»), объявлявший о начале в империи серии реформ, известных под общим названием «танзимат» («упорядочение»). Недовольство турецких мусульман вызвала уже сама церемония обнародования хатт-и шерифа, на которую вопреки всем обычаям впервые наряду с турецкими официальными лицами были приглашены и иностранные дипломаты.[7] Впервые всем подданным империи независимо от вероисповедания были гарантированы равные права. «Мусульмане, христиане, израелиты! Все вы подданные одного императора, дети того же отца... Имейте полное доверие к государю, который совершенно одинаково относится ко всем».[8] В рамках проводимых реформ в 1843 г. была введена новая система воинской службы, затем был обнародован закон о школьном образовании, впервые введший наряду с религиозными светские школы. К 1852 г. была проведена административная реформа в провинциях, запрещена работоторговля, введены смешанные суды, назначаемые поровну из европейцев и мусульман для дел, в которых затрагивались интересы иностранцев. Все эти реформы вызвали противодействие со стороны исламского населения империи, особенно улемов. «Старотурецкая консервативная партия, поддержанная духовенством, выступила с принципами, основывающимися на Коране, и доказывала, что Решид стоит на стороне гяуров и что «танзимат» имеет в виду лишь пользы райи и что в этом скрывается величайшая опасность для мусульман, которые в большинстве провинций находятся в меньшинстве и лишь благодаря военной силе удерживают политическое преобладание».[9]

К 1841 г. был на основе французского торгового кодекса подготовлен новый торговый кодекс Османской империи, в котором, по мнению мусульманских юристов, нарушались нормы шариата. «Когда Решид-паша представил кодекс Высшему совету, ему задали вопрос, соответствует ли он священному закону. Он ответил: «Священный закон не имеет никакого отношения к этим вопросам».[10] Кодекс был отклонен, а Решид-паша уволен и отправлен в посольство в Париж. Однако в 1850 г. новый торговый кодекс был все-таки введен в действие, что явилось, по сути, первым официальным признанием в Турции правовой системы, не зависящей от шариата и мнения улемов. Введение нового торгового кодекса, в свою очередь, усилило приток европейской промышленной продукции, который отрицательно сказался на финансах и экономике Османской империи. Турецкое ремесло и мануфактура приходили в упадок. Так, за первые 40 лет XIX в. производство тканей в городах Бурса и Диярбакыр уменьшилось в 10 раз. Резко сократилось изготовление шелковых тканей. Почти весь шелк-сырец вывозился за границу. Большая часть торговли в стране оказалась в руках иностранцев, которые в соответствии с «капитуляциями» были освобождены от контроля со стороны османских чиновников.

С другой стороны, попытки уравнивать в правах мусульманское население с неисламским привели к росту притязаний православных и католических общин, представители которых, не надеясь на поддержку турецкого правительства, обращались за помощью напрямую к своим единоверцам за границей: православные – к России, католики – к Франции. Это использовалось европейскими державами и Россией в качестве предлогов для усиления своего вмешательства во внутренние дела империи, что вело к дальнейшему падению авторитета султана среди мусульман страны. В конце концов, борьба за преобладающее влияние на Турцию между Россией и Францией создала формальный повод к началу Крымской войны.

Необходимо отметить, что одной из целей, которые пыталось решить руководство Османской империи в Крымской войне, было повышение авторитета султана, как лидера

всех мусульман мира. Перед началом войны султан испытывал все возрастающее давление на него мусульманского духовенства и фундаменталистски настроенных лидеров исламского населения империи. Так, в сентябре 1853 г. в Стамбуле на религиозной почве вспыхнули беспорядки, а шейх-уль-ислам дал согласие на то, чтобы вывесить в одной из главных мечетей турецкой столицы прокламацию с требованием объявления России священной войны. Одновременно манифест с подобным требованием к султану был составлен несколькими сотнями улемов и исламских студентов-богословов Стамбула. Само принятие решения о начале войны с Россией было обставлено по всем исламским канонам. На заседание Высшего совета, где должен был решиться вопрос об объявлении войны, султан прибыл опоясанный мечом пророка. А после принятия решения об объявлении войны соответствующую фетву издал шейх-уль-ислам.[11]

Турецкое руководство рассчитывало на помощь в начинающейся войне со стороны мусульман-горцев Кавказа, против которых Россия с 1817 г. вела Кавказскую войну. Согласно стратегическому плану турецкого командования, на Кавказском театре военных действий предполагалось развернуть наступление с целью овладения Закавказьем. При этом большие надежды возлагались на активизацию на Кавказе «джихада» местных исламских народов и на координацию действий с отрядами имама Шамиля (с 1834 г. третий глава имамата - военно-теократического государства кавказских горцев).[12]

Турецкое влияние на кавказских горцев-мусульман в начале – середине XIX в. объясняется тем, что адыгейцы, абхазцы, кабардинцы и другие народы западной части Северного Кавказа окончательно приняли ислам только в XV – XVI вв., причем исламизация осуществлялась либо самими турками, либо находившимися в их вассальной зависимости крымскими татарами. На востоке Северного Кавказа с турками соперничали иранцы, пытавшиеся распространить среди горцев ислам шиитского толка, однако в XVI – XVII вв. в борьбе с иранским влиянием все-таки одержала победу Османская империя, распространившая в Чечне и Дагестане ислам суннитского толка, причем в его суфийской форме (против которой так выступали в Аравии ваххабиты).[13]

Необходимо отметить, что в конце XVIII – начале XIX вв. Османская империя и имевшая к тому времени сильное влияние на турецких султанов Великобритания поддерживали любые выступления мусульман против России. Англичане в борьбе с влиянием России на Кавказе и в Средней Азии готовы были даже идти на сотрудничество с панисламистами (например, с одним из первых идеологов этого движения кокандским ханом Худояром /1845-1879 гг./), хотя они угрожали и собственным английским интересам в Афганистане и Индии.[14]

Так как главные силы русских войск на Кавказе были заняты борьбой с Шамилем и адыгами, значительно активизировавшими свои выступления на западе Кавказа с 1853 г., то турецкую границу прикрывали лишь немногочисленные гарнизоны крепостей (Ахалцихе, Ахалкалаки, Александрополь, Эривань - всего около 5 тыс. человек). Против них была развернута 100-тысячная турецкая армия под командованием Абди-паши. Однако, несмотря на численное преимущество, турки потерпели поражение от войск генерала И. М. Андронникова под Ахалцихом и генерала О. В. Бебутова у селения Башкадыклар (недалеко от имевшей стратегическое значение турецкой крепости Карс). В результате, к началу 1854 г. стратегический замысел турок — прорваться в Закавказье и соединиться с имамом Шамилем — был сорван.

Что же касается действий Шамиля, то с началом Крымской войны "его сын Кази-Мухаммед во главе 7 тыс. всадников, прорвавшись в Кахетию, захватил Цинандали и пленил семьи служивших в русской армии князей Орбелиани и Чавчавадзе (позднее их обменяли на сына Шамиля). Но вскоре Шамиль был вынужден отступить, так как разгромленные турецкие войска были вытеснены из Грузии. Тем не менее, султан произвел Шамиля в генералиссимусы турецкой армии, а Кази-Мухаммеду дал орден и чин паши".[15] Действия отряда Кази-Мухаммеда были согласованы с наступлением 120 тысячной турецкой армии Мустафы Зариф-паши (заменил потерпевшего поражение Абди-пашу). Однако 40-тысячный корпус генерала О. В. Бебутова при поддержке местного грузинского ополчения сумел сдержать наступление превосходящих сил турок. А 24 июля (5 августа) 1854 г.

при Кюрюк-Даре силы генерала О.В.Бебутова нанесли поражение 60-тысячной группировке Зариф-паши, после чего турки полностью потеряли возможность вести наступательные действия на Кавказе. Благодаря успешным действиям российской армии планы турецкого руководства по активизации "джихада" кавказских мусульман были сорваны.

Более того, хотя Турция и вошла в число победителей в Крымской войне, заключение Парижского мирного договора (30 марта 1856 г.) позволило новому русскому царю Александру II перебросить на Кавказ дополнительные силы. Отдельный Кавказский корпус был преобразован в армию численностью 200 тыс. человек. Лишившиеся поддержки имам Шамиль и его наибы были обречены на поражение. В апреле 1858 г. войсками генерала Н. И. Евдокимова был взят чеченский аул Ведено, а в августе 1859 г. при штурме дагестанского аула Гуниб был пленен имам Шамиль, после чего боевые действия были перенесены на земли черкесов и абхазов. В 1864 г. Кавказская война была полностью завершена, а к концу XIX в. в России проживало уже 18 млн. мусульман, столько же, сколько в Османской империи.[16]

Таким образом, завершение Крымской войны, даже при том, что Османская империя оказалась среди ее победителей, привело к потере последней значительной части своего влияния на мусульман Кавказа, при одновременном росте этого влияния на них со стороны России. Те из них, кто не смог смириться с приходом русских войск, главным образом адыги, убыхи, чеченцы, черкесы, абхазы и аварцы, эмигрировали в Османскую империю (не только в Анатолию, но и в Болгарию, Албанию, Боснию, арабские страны). По разным данным от 200 тысяч до 3-х миллионов кавказских мусульман[17], навсегда покинув свою родину и налаженный быт, оказались на чужбине. Как это всегда было в истории человечества, большое число беженцев не только значительно усилило антироссийские настроения в империи (например, сын Шамиля Кази-Мухаммед в войне 1877-1878 гг. командовал турецкой дивизией, сражавшейся против русских войск), но и значительно повлияло на радикализацию турецких исламских фундаменталистов.

На радикализацию исламского движения в Османской империи оказало влияние также то, что уже в ходе Крымской войны лидеры Англии и Франции усилили свое давление на султана, выдвигая порой требования, выполнение которых дискредитировало бы его как исламского лидера. Например, в 1854 г. английский представитель высказал пожелание, чтобы халиф издал закон, в соответствии с которым мусульманам бы разрешалось свободно переходить в христианскую веру (за подобную смену вероисповедания в то время, а в некоторых исламских государствах и сейчас, в соответствии с шариатом полагалась смертная казнь)[18].

Возрастающая зависимость султана от Англии и Франции, постоянное отступление его от исламских законов, неспособность справиться с повсеместными восстаниями неисламского населения империи и наличие большого числа беженцев с Кавказа послужили в 1859 г. причиной попытки свержения султана, предпринятой учащимися исламских религиозных школ (медресе), фундаменталистски настроенными офицерами турецкой армии и чиновниками.

Огромные затраты на военные нужды Турции в период Крымской войны привели к финансовому закабалению страны Англией и Францией. В 1854 г. Турции был дан первый заем в 75 млн. франков, а в 1876 г. ее задолженность европейским банкирам уже составляла 2,4 млрд. франков.

В послевоенные годы экономика страны была ввергнута в глубочайший кризис. В сельском хозяйстве урожаи были крайне низкими. Долги крестьян перед администрацией провинций порой превышали их доход за три года подряд. Голодные годы следовали один за другим. Так, сильный голод поразил северные и центральные районы Малой Азии в 1873-1875 гг. Это не могло не сказаться на отношении населения к власти.

Мусульманское духовенство вновь получило возможность усилить свое давление на султана, тем более, что в результате танзиматских реформ 50-60-х гг. XIX в. оно еще более утратило свои позиции в обществе (в частности, судебная власть была отделена от административной, а шариатские суды несколько потеснены).

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что в XVIII – XIX вв. Османская империя утратила значительную часть своего влияния в мире ислама, превратившись из лидера исламского мира в одно из рядовых исламских государств.

Как это ни парадоксально, в исламском мире значительно укрепились позиции России (тем более что позднее, в 1886 г., российские мусульмане были уравнены в правах с православным населением) и Великобритании (в колониальных владениях которой к концу XIX в. проживало 82 млн. мусульман, т.е. более чем в два раза больше, чем в России и Османской империи вместе взятых).

В результате Крымской войны в Османской империи усилилось освободительное движение балканских христиан, практически были утрачены реальные возможности влияния центральных властей на внутривосточную обстановку на окраинах империи. Из-за финансовой зависимости Турции от европейских держав и продолжения проведения танзиматских реформ, она потеряла авторитет защитницы мусульман всего мира. Впоследствии это сказалось на отношении населения окраин империи к центральной власти в ходе первой мировой войны и во многом способствовало окончательному распаду Османской империи и полной утрате Турцией лидерства в исламском мире.

Примечания

1. Подробно об этом периоде в истории Османской империи см.: Новичев А.Д. История Турции. Т. 1. Эпоха феодализма: XI - XVIII века. Л. 1963.
2. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 1. М.: Высш. шк., 1998. С.293-294
3. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 2. М.: Высш. шк., 1998. С.140.
4. Подробнее об этом см.: Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии. М. 1967.
5. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 1. С.294.
6. Подробно об этом см: Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. М. 1960; Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в. - 1908 г.). М., 1975.
7. Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи /Пер. с англ. М.Пальникова. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999. С.513.
8. Из речи преемника Решида-паши, Реза-паши перед представителями греков, армян и евреев на о.Митилини. Приводится по книге Ф.И.Успенского История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос / Сост. Л.В.Литвинова. – М.: Мысль. 1997. С.734.
9. Ф.И.Успенский. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос / Сост. Л.В.Литвинова. М.: Мысль. 1997. С.735.
10. Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. С.515.
11. Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. С.534.
12. В.Т.Иминов, Ю.Ф.Соколов. На службе Отечеству. Российские полководцы, флотоводцы и военачальники. М.: ООО «Церера». 2002. С.114.
13. Р.Г.Ланда. Ислам в истории России. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 92-93.
14. Медведко Л.И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. Жуковский; М.: Кучково поле. 2003. С.84.
15. Р.Г.Ланда. Ислам в истории России. С. 110.
16. И.Л.Фадеева. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. М. 1985. С.135-142.
17. Р.Г.Ланда. Ислам в истории России. С. 113.
18. Ф.И.Успенский. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины; Отдел VII. Расчленение империи; Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос. С.739.

НАЁМНИКИ. БЕЛЫЕ ПЯТНА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Мешковский Г.В.

Газета «Вечерний город»

150 годовщина начала Крымской войны разожгла большой интерес среди людей увлекающихся военной историей. Всё больше ранее неизвестных фактов стало появляться в различных печатных источниках в виде статей докладов и даже отдельных книг.

Но чем больше новых архивных материалов появляется на свет, тем больше вопросов остаются без ответов.

Одним из белых пятен Крымской войны является немногочисленная информация об участии наемных войск на стороне союзников против Российской империи.

Первые упоминания о наемниках. встречаются в Египте, где Псаметих I (с 656 г. до Р. Х.) при помощи наемных карийцев и ионян достиг господства над Египтом. Карийцы, по греческим преданиям, первые стали наниматься на военную службу у чужеземцев. Наравне с ними этим же ремеслом стали промышлять и критяне (в эпоху пелопонесской войны), а также аркадяне, которых принуждала искать пропитания вне родины скудная природа их горной области.

В 19 веке они не любили, что бы их называли наемниками, они называли себя легионерами.

Самым известным подразделением наемников в Восточной (Крымской войне) 1853-56 г.г., был **французский иностранный легион**.

Это единственное подразделение, которое приняло непосредственное участие в боевых действиях, находясь в Крыму со дня высадки союзных войск в районе Евпатории.

Иностранный легион был сформирован 9 марта 1831 года указом короля Франции Луи Филиппа. Этим он пытался сохранить стойкость своего расшатавшегося трона. Поначалу людей вербовали из армии Наполеона, потом из Италии, Испании, Швейцарии и других Европейских стран.

Одну из первых удачных своих миссий легион выполнил в Восточной (Крымской) войне 1853 - 1856 годов, выступая на стороне Турции. (1)

Полки Французского иностранного легиона приняли участие в Альминском сражении, где потеряли: 5 офицеров ранеными и 55 солдат убитыми и ранеными (2)

Однако во время осады Севастополя доверия к легионерам не было, их всегда направляли на траншейные работы.

Под Севастополем легионеры получили название «Капустная бригада», так как большей частью занимались добычей продовольствия.

Дезертирство среди легионеров было самым высоким среди всего французского контингента.

На картине Тимма в его художественном листке, где изображены пленные союзной армии из 21 –го рядового, 9 были из иностранного французского легиона.

Под Севастополем, за все время тяжелой осады, оба полка французского иностранного легиона потеряли 12 офицеров убитыми и 66 ранеными, 1625 солдат убитыми или ранеными.

Англо-турецкий корпус

Об этом подразделении известен только тот факт, что 12 марта 1855 года была ратифицирована конвенция о наборе турецких войск на британскую службу от 3 февраля. В соответствии с данной конвенцией, создавался англо-турецкий корпус (командующий - генерал Ф. Чесни, позднее генерал Вивьен) с английскими офицерами и турецкими солдатами (15 тысяч по штату и 5 тысяч резерва). (3) Корпус взял начало с 4 кавалерийских полков под командованием английского и индийского офицеров. С августа 1855 г. по июль 1856 г. это подразделение было расширено до 6 полков кавалерии 6 батарей и 16 пехотных полков. (4) Так же, известно, что некоторые части этого контингента принимали участие в операции по захвату Керчи и Азовского моря.

Британские наемники

В связи с нехваткой живой силы для участия в Крымской кампании британское правительство приняло решение создать три иностранных легиона.

Британо-итальянский легион

Британо-Итальянский легион состоял из 3 полков пехоты, и 1 одного стрелкового полка и был размещен на Мальте. (5)

Британо-германский легион

Британо-германский легион прибыл на Восток для участия в Крымской кампании

1 егерский батальон 11 октября 1855 года

1 легкий полк 26 октября 1855 г.

2 легкий полк 22 декабря 1855 г.

3 легкий полк 24 декабря 1855 г.

Общее число составило 132 офицера и 3615 сержантов и рядовых

В немецком легионе умерло от болезней 2 офицера и 30 рядовых, вернулись инвалидами домой 21 рядовой. 79 рядовых стали дезертирами. Это самый высокий уровень дезертирства в британской армии. (6)

Британо-швейцарский легион

В лесных кантонах Швейцарии поставка наемников для иноземных войн началась еще с XIII в., но особенно усилилась в XV в., несмотря на частые запрещения местных властей. Швейцарские войска за большие деньги нанимались почти всеми западно-европейскими государствами; наемничество (Reislaufen) сделалось любимым занятием не находившей себе дела или пропитания на родине швейцарской молодежи. В XVIII в. началась сильная патриотическая оппозиция против этого обычая, особенно усилившаяся в XIX веке, после того, как в 1830 и 1848 гг. швейцарским гвардиям пришлось выступать, притом всегда с кровавым уроном, защитницами деспотизма во Франции и в Неаполе. (7)

На восток для участия в Крымской кампании 1854-56 г.г. Британо-швейцарского легиона

1 легкий стрелковый полк (2 батальона) прибыл 16 ноября 1855 г.

2 легкий стрелковый полк 1 батальон прибыл 9 февраля 1856 г.

Общее число составило 77 офицеров и 2044 рядовых и сержантов

Прибытие Британо-швейцарского легиона было последним пополнением британских войск в Крымской кампании, перед подписанием Парижского мирного договора в марте 1856 года.

Легион размещался в населенных пунктах Скутари и Смирна, территория Турции.

К 1 апреля 1856 г. из общего числа рядовых 6 человек умерли от болезней, 2 -е дезертировали. (8)

Легион был расформирован в ноябре 1856 года.

Общие затраты на содержание швейцарских легионеров составили 235.486 фунтов стерлингов.

В июле 1859 г. союзный совет издал строгий закон, грозящий за наемничество тюрьмой, штрафом и лишением гражданских прав.

Польско-украинский легион

На территории Валахии (ныне Румыния) был сформирован полк из шести рот, в который были зачислены польские и украинские перебежчики - дезертиры и националистически настроенные фанатики. Данных наемников с трудом можно причислить к легионерам, но в некоторых печатных источниках их называли, султанскими казаками. Эти вояки находились в Придунайских (Молдова, Румыния, Болгария) княжествах. Однако в прямых боевых операциях они не участвовали и на территории Крыма никогда не были.

Данный полк возглавлял Садык-паша, в действительности это был Чайковский Михаил Станиславович. Родился он в деревне Гальцины, Житомирской области в 1804 году и с детства испытывал страшную неприязнь к Российской короне. Начало Крымской войны он воспринял как реальный шанс, чтобы наступить на лапу русскому медведю. Поменяв вероисповедание, приняв ислам, чем поверг в шок польских родственников, среди кото-

рых он тогда находился, Чайковский отправился к турецкому султану и стал Садык-пашой.

Однако по окончании Крымской войны в 1857 году полк был расформирован. Далее последовали политические изменения в Европейских государствах, которые лишали Садык-пашу любой надежды на крушение Российской империи. В 1873 году Чайковский просит о помиловании у Александра II, которого называет вождем всех славян, возвращается в православие, и, получив прощение великодушного Российского императора, поселятся на Украине. Женится. Сходит сума и умирает.

Примечания.

1. Джеймсон С. Французский Иностранный Легион. Париж, 1997.
2. Брюнон Ж. Иностранный Легион 1831-1955 гг. М., 2003.
3. Нечитайлов М. Восточная война 1853-1856 г.г. Униформа и снаряжение турецкой армии // Милитари Крым. 2008. № 8. С.13.
4. Button Lines. London, june 1997. № 93. P. 22.
5. Button Lines. London, january 1997. № 88. P. 16.
6. Colborne J. / Frederic Brine. Memorials of the brave. A list of the Crimea and Scutari. Second edition. London, 1858. P. 61.
7. <http://www.wikiznanie.ru>

**К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ ЗНАЧИМОСТИ
ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ КРЫМУ**

Новикова Е.В.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

В последние годы проблема народного образования в дореволюционном Крыму становится все более активно разрабатываемой. Внесли серьезный вклад в исследования данного вопроса Д. И. Абибулаева, Н. Ф. Дундук, М. А. Канишева, А. В. Кучерганская, Л. А. Маршал, Л. С. Моисеенкова, А. А. Непомнящий, А. Д. Попов, Д. А. Прохоров, В. Ф. Шапапа, С. А. Шуклина. Надо отметить, что в основном эти авторы использовали архивные данные. Но существует также большой корпус печатных источников, без анализа которых невозможно комплексно рассматривать все аспекты развития народного образования в Крыму. Восполнить в определенной степени отмеченный пробел составляет задачу предполагаемого исследования.

Одним из самых важных печатных источников по истории народного образования в дореволюционном Крыму являются исторические записки и отчеты о деятельности различных учебных заведений Крыма. Их авторами были, как правило, директора или очень уважаемые педагоги, которые посвящали свои исследования юбилейным датам образовательных учреждений. В этих публикациях в общих чертах описывалась история возникновения учебных заведений, кратко анализировались достижения. «Некоторые люди дают себе ежедневный отчет в своей деятельности и таким образом проверяют себя, насколько они исполнили свой долг перед Богом и людьми», - писал один из авторов отчета, посвященного 30 – летию Керченско–Александровской гимназии.[1]

В настоящее время достаточно хорошо изучены отчеты Симферопольской мужской гимназии, посвященные 50- и 75 - летнему юбилеям открытия этого учебного заведения. Но существуют и другие исследования, при знакомстве с которыми прослеживается история развития образования в дореволюционном Крыму в целом.

Неоднократно авторы исторических записок и отчетов описывали условия открытия учебных заведений, повествовали о тех трудностях, с которыми пришлось сталкиваться. Первый год существования Керченской Александровской гимназии был очень трудным. Благотворительную помощь учебному заведению оказал купец первой гильдии Деопик, который «взялся на свой счет произвести необходимый на первое время ремонт гимназии; инженер – полковник Починский снабдил гимназию физическими инструментами. Керченское общество устроило в пользу гимназии концерт». Сборы составили 294 руб. и были направлены на открытие гимназии, что в свою очередь, осложнило отношения администрации с родителями гимназистов, которые, принимая участие в сборе средств, наделись на постоянный рост успехов в обучении своих детей независимо от уровня их способностей и прилежания. Однако гимназия твердо стояла на позициях объективности в оценке знаний и поведения своих питомцев.[2]

На городские средства была приобретена необходимая мебель для реального училища в Севастополе. Для этой цели был командирован городской думой в Одессу один из гласных контр-адмирал Савельев. «Этот почтенный общественный деятель блестящим образом выполнил возложенное на него поручение. Нельзя при этом не помянуть добрым словом и администрацию Русского Общества Пароходства и Торговли, сделавшую распоряжение о безвозмездной доставке в Севастополь» мебели.[3] Эти сведения связаны с Севастопольским Константиновским реальным училищем и представляют особую ценность, т.к. сохранился всего лишь единственный архивный фонд из чуть более десяти дел в Государственном архиве города Севастополя. Таким образом, исторические записки дополняют архивные данные.

Ряд публикаций посвящены вопросу развития женского образования в Крыму. Становлению женского образования в г. Феодосии способствовали труды Л. П. Соковниной – супруги контр – адмирала, а также оказывал помощь профессор Императорской Академии

художеств И. К. Айвазовский. В исторической записке содержатся ценные сведения об открытии школы, которая впоследствии стала прогимназией. Из Ливадии был прислан рескрипт от имени Ее Императорского Величества Марии с утверждением Л. П. Соковиной в должности попечительницы, а спустя некоторое время императрица выразила благодарность: «Принимая близко к сердцу, упрочение женского образования в нашем Отечестве, я с особым удовольствием изъявляю вам искреннюю мою признательность за труды ваши по устройству Феодосийской женской гимназии и за просвещенное руководство этим полезным учебным заведением».[4] Эти данные содержатся в исторической записке о Феодосийской шестиклассной прогимназии.

В отчете, посвященном пятидесятилетию Керченской Александровской гимназии, также освещается деятельность градоначальников Керчи И. А. Стемпковского и князя З. С. Хереулидзе «по насаждению просвещения в Керчи. Главное положение, на котором строил свои заботы о просвещении кн. Хереулидзе, заключалось в том, что нужно создать образованных матерей, естественных воспитательниц в семье».[5] С этой целью был открыт Керчь – Кушниковский девичий институт.

Особый интерес вызывают отчеты учебных заведений, по которым вообще не сохранились архивные материалы. Например, только в отчете Севастопольской женской гимназии имеются сведения об этом образовательном учреждении. Женская гимназия была преобразована с начала 1876 - 1877 учебного года из бывшей до того времени женской прогимназии. К 1 января 1889г. она состояла из приготовительного класса, семи основных и VIII – го дополнительного класса. «Учебных пособий по всем предметам находится еще весьма ограниченное количество, хотя гимназия каждый год по мере возможности, пополняет этот недостаток».[6]

Анализ деятельности отдельных учебных заведений имеется в отдельных очерках о состоянии народных училищ. Краткая историческая записка о Феодосийском уездном училище содержится в очерке за 1885 год. В ней привлекают внимание сведения о деятельности попечителя Одесского учебного округа в 40-х годах XIX века Д. М. Княжевича. Он потребовал «оставить гибельную систему заучивания уроков наизусть, за исключением [...] терминов, [...] литературных образцов и догматов веры». По его мнению, «учитель при объяснении урока ничего не должен оставлять непонятым учениками». По его циркуляру педагоги должны были ежемесячно «рассматривать и обсуждать успехи и поведение учеников, пройденное по предметам, а также меры к улучшению. [...] Княжевич первый обратил внимание на наказания, которым подвергали учеников». Он высказывал «гуманный взгляд на воспитание и отношение к детям, [...] требовал, чтобы каждый учитель в отношениях с детьми был кроток и снисходителен, при ошибочных ответах уроков не выходил из себя, не ожесточался, не употреблял ругательств» [7] (подчеркнуто в источнике. – Е. Н.). Система наказаний учеников была отменена попечителем Н. И. Пироговым.

В краткой исторической записке о Евпаторийском уездном училище подробно рассматриваются не только этапы развития учебного заведения, но и имеются сведения о том, какие трудности испытывало местное население во время Крымской войны. В рапорте директора Бобрицкого повествуется о том, что в сентябре 1854 «огромная неприятельская эскадра» подошла к берегу и выстроилась на евпаторийском рейде, «ближайшие к берегу корабли отстояли не далее двухсот сажень от берега». По требованию английского и французского генералов необходимо было «немедленно распорядиться очистить город, вывести войска и сдать его союзникам без малейшего промедления. В случае же сопротивления город будет бомбардирован». «Весь город пришел в смятение. Родители забрали всех детей из училища, не дав окончить уроков. Город начал пустеть».[8] Автор записки смог забрать только книги с отчетом по финансам, три классные иконы и печать училища. Впоследствии он попал в плен и был выслан в Одессу.

Как самое тяжелое время характеризует 1854 – 1857гг. автор исторической записки о Керчь – Кушниковском институте. Начальница этого женского учебного заведения вынуждена была эвакуировать своих воспитанниц в апреле 1854 года в Таганрог, где ученицы обучались в течение года. Но после внезапной высадки неприятеля в Керчи за один день

был подготовлен переезд в Новочеркасск. Невозможно равнодушно читать описание тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться классным дамам Керчь – Кушниковского института. Учительницы «для удовлетворения самых необходимых потребностей должны были тратить большие деньги, и то с немалым затруднением». У них «не было ни лошади, ни лишней прислуги». А в Новочеркасск они «выехали на одноконных повозках с нарочно сделанными для них из парусины верхом, в сопровождении назначенной команды из Донских казаков».[9] После нескольких лет кочевой жизни персонал института и воспитанницы вернулись в Керчь. Но испытания на этом не закончились. Необходимо было приводить в порядок здание института, которое во время войны неприятель использовал в качестве конюшни. Можно только удивляться личному мужеству и преданности своей профессии персонала Керчь–Кушниковского института. Они не только сохранили жизнь и здоровье своих учениц, но и все это время продолжали обучать детей.

Секретарь педагогического совета Симферопольской женской гимназии Н. К. Щербина внесла в написанную ею историческую записку о гимназии данные о помощи русским воинам, участвовавшим в событиях русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. «В 1877 – 1878 гг. во время войны за независимость славян женская гимназия не осталась безучастной к народному бедствию и своим посильным трудом принимала живое участие в судьбе раненых и больных воинов». Были открыты «воскресные мастерские», где девочки с 12 до 16 часов изготовляли «теплые вещи и белье для раненых и больных воинов». К ним присоединялись и добровольные помощники из числа горожан. За несколько месяцев существования мастерских было изготовлено более 2100 различных необходимых вещей для солдат.[10]

Таким образом, при анализе исторических записок, очерков, посвященных различным учебным заведениям, можно проследить историю отдельно взятых учебных заведений, познакомиться с условиями их открытия, источниками содержания, проанализировать социальный и религиозный состав учеников и преподавателей. Труды различных авторов позволяют увидеть отражение исторических условий на деятельности учебных заведений. Увы, издания эти давно стали библиографической редкостью.

Другой важной категорией печатных источников по истории народного образования в дореволюционном Крыму являются очерки состояния народных училищ и обзоры положения народного образования в Таврической губернии за разные годы. Они составлялись директорами народных училищ на основе ежегодных статистических данных, посылаемых в Дирекцию народных училищ из различных учебных заведений. В них, как правило, содержатся общие сведения по Таврической губернии в целом и по уездам в частности. Очерки издавались, начиная с 1881 года, а обзоры - с начала XX века.

Особый интерес вызывают очерки о состоянии народных училищ за 80 – 90 –е годы XIX века, составленные А. Н. Дьяконовым. В этих документах указываются типы учебных заведений и их количество. В очерках неоднократно отмечается, что «количество школ, очевидно, недостаточно для полного удовлетворения осознанной потребности в начальном образовании местного населения».[11] Среди населения в возрасте от 14 до 18 лет около 42% были неграмотны в середине 80 – х годов XIX века.[12] Серьезные изменения происходят в начале 90 –х годов XIX века, т.к. количество учебных заведений в Крыму выросло примерно в 1,5 - 2 раза.[13]

Автор положительно оценивает роль земств в развитии народного образования: «...земства как губернские, так и уездные не только содержат начальные училища подведомственные [...] советам, но и в значительной мере поддерживают училища городские, двухклассные сельские, немецкие, еврейские, татарские. Участвуют в избрании в них почетных смотрителей, блюстителей и попечителей и назначают своих представителей для наблюдения за ходом дела в них, равным образом городские общества не только дают средства на содержание училищ приходских, но и оказывают поддержку училищам и одноклассным частным, еврейским, караимским, татарским и даже армянским, изъятым из ведения Министерства народного просвещения».[14]

А. Н. Дьяконов дает очень подробную характеристику преподавательского состава, а также подчеркивает их роль в системе народного образования: «По отзыву инспектора

народных училищ Крымского района, в учебном и дисциплинарном отношении училища всех категорий, за весьма немногими исключениями, поставлены удовлетворительно, благодаря хорошему составу преподавателей, большинство которых получили специальную подготовку или приобрели достаточную опытность продолжительной практикой и относятся вообще добросовестно к исполнению своих обязанностей [...] религиозно – нравственное состояние вполне удовлетворительно; преподаватели употребляют свои заботы и старания к тому, чтобы школы были вполне достойны своего назначения; дела школьной дисциплины обстоят хорошо».[15]

Положению учителя в системе народного образования вообще уделялось постоянное внимание не только с точки зрения его соответствия занимаемому месту, но и с точки зрения профессионального роста. Так, например, в отчете за 1892 год содержатся данные о том, что за 12 лет было проведено 29 учительских курсов и съездов.[16] В очерке часто анализировалось, какие оклады получали учителя, награды в виде внеочередного получения чинов, денежных пособий, ценных подарков, какова обеспеченность квартирами за счет земств. Это свидетельствует о понимании того, что создание удовлетворительных условий жизни для педагогов обязательно положительно скажется на уровне их профессиональной деятельности. И хотя сложности материального характера имели место, в крымских уездах положение педагогов было чуть лучше, чем в материковых уездах.

Не утратили научного значения обзоры положения народного образования в Таврической губернии. Они были составлены на основе сведений от земских и городских управ, инспекторов народных училищ, уездных отделений и Епархиального училищного совета, а главным образом, от преподавателей различных учебных заведений. Их составляли не только в целом по губернии, но и по отдельным уездам.

В них присутствуют не только статистические данные, но и элементы аналитических исследований: высчитываются проценты открытых и закрытых школ, сопоставляется численность поступивших и выбывших учеников, окончивших курс и переставших посещать школу по разным причинам, соотношение по возрасту и полу и др. Не все дети оканчивали полный курс обучения. В обзоре указывалась причина этого явления: «дети часто нужны как работники, население мало ценит науку без возможности извлечения из нее непосредственной выгоды».[17] Если в начале XX века выбывало до одной трети учеников без окончания полного курса, то уже в 10-х годах XX века это число снизилось.

Обзоры положения народного образования позволяют познакомиться с различными типами школ, которые существовали в начале XX века в Крыму.

Полное среднее образование можно было получить в гимназиях, которые делились на классические и реальные. Обучение в прогимназиях давало неполное среднее образование.

Под контролем Министерства Народного Просвещения находились земские и начальные городские училища, курс которых был рассчитан на три года, городские училища по уставу 1872г. со сроком обучения – 6 лет. Были также и частные народные школы. Увеличивалось количество начальных учебных заведений повышенного образования – 5 – 6-летних городских училищ.

Общеобразовательные начальные школы содержал Священный Синод. Они были представлены двумя типами: школы грамоты и церковно-приходские школы. Сроки обучения в этих заведениях постоянно увеличивались.

Многонациональный состав Крыма (крымские татары, караимы, евреи, греки, армяне, немцы, болгары, чехи и др.) обусловил создание школ национально – религиозного характера.

Все эти типы школ существовали в Крыму. Необходимо отметить, что в 1909 – 1910гг. из 8 гимназий Таврической губернии 7 были расположены в Крыму, из 7 реальных училищ в крымских уездах находилось 3, больше половины женских гимназий Таврической губернии были открыты в Крыму.[18] Если учесть, что до 30% населения Таврической губернии приходилось на крымские уезды,[19] то вывод вполне очевиден. Уровень развития народного образования в Крыму был выше, чем в целом по губернии. Это подтверждает обзор положения народного образования за 1913 – 1914гг.: «В Крымских уез-

дах наблюдается прирост учащихся [...] в среднем школы Крымских уездов делаются многолюднее».[20] На уровень образованности населения оказывало влияние и профессиональная подготовка учителей и учительниц. Неоднократно в печатных источниках отмечается, что их образовательный ценз «надо считать высоким». Он составлял 70%. Для сравнения в Петербурге ценз был 78%, а в Москве – 76%.[21]

Изучение печатных источников по истории народного образования в дореволюционном Крыму продиктовано требованием времени и само по себе представляет огромный интерес с точки зрения исторического наследия, без учета которого мы не можем сегодня конструктивно подходить к вопросу развития современного образования как в Крыму, так и на Украине в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тридцатилетие Керченско – Александровской гимназии (1863 – 1893). Керчь, 1894. С. 1.
2. П. М. Федотов. Пятидесятилетие Керченской Александровской гимназии (1863 – 1913). Историческая записка. Керчь, 1914. С. 26 – 27.
3. Исторические записки о Севастопольском Константиновском реальном училище. Севастополь, 1881. С. 6.
4. Мышкин Д. Историческая записка о Феодосийской шестиклассной прогимназии с отчетом о состоянии ее за 1880 – 1901. Феодосия, 1881. С.54.
5. П. М. Федотов. Указ. соч. С. 12.
6. Отчет по Севастопольской женской гимназии за 1888 год. Севастополь, 1889. С. 3.
7. Дьяконов А. Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1885г. Бердянск, 1886. С.103.
8. Дьяконов А. Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1887г. Бердянск, 1888. С.132.
9. Говоров Д. Историческая записка о Керченском Кушниковском девичьем институте с основания его в 1835 году до 1885. Керчь, 1886. С. 40 – 41.
10. Н. К. Щербина. Историческая записка о Симферопольской женской гимназии со времени ее основания по 1 июля 1881. Симферополь, 1881. С.39.
11. Дьяконов А. Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1885г. Бердянск, 1886. С. 9.
12. Очерки состояния народных училищ Керчь – Еникальского градоначальства. Керчь, 1890. С. 2.
13. Дьяконов А. Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1892г. Бердянск, 1893. С. 8.
14. Дьяконов А. Н. Указ. соч. С. 7.
15. Дьяконов А. Н. Указ. соч. С. 34 - 35.
16. Дьяконов А. Н. Указ. соч. С. 9.
17. Обзор положения начального народного образования в Таврической губернии за 1911 – 1912. Симферополь, 1912. С. 25.
18. Обзор положения народного образования в Таврической губернии за 1908 – 1909, 1909 – 1910. Симферополь, 1911. С. 44 – 45.
19. Сборник по школьной статистике. Вып. 1. Симферополь, 1903. С. 6.
20. Обзор положения начального народного образования в Таврической губернии за 1913 – 1914. Симферополь, 1914. С. 2.
21. Обзор положения начального народного образования в Таврической губернии за 1911 – 1912. Симферополь, 1912. С. 54.

**ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ АРМИИ ВРАЧЕБНЫМИ КАДРАМИ
В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**

Новикова О.В.

**Южноукраинский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского**

Проблема обеспечения армии врачебными кадрами встала еще в самом начале Крымской войны. По состоянию на 1 января 1853 г. в русской армии полагалось иметь:

- медиков—2 007,
- фельдшеров—3 393,
- фельдшерских учеников— 850;

недоставало:

- медиков— 193,
- фельдшеров—172,

фельдшерских учеников—202. [1]

Во второй половине 1853 г., с приведением войск на военное положение некомплект значительно возрос, в то время как возможности для его восполнения были весьма ограничены (средний ежегодный выпуск врачей из Медико-хирургической академии—30 человек, из университетов— около 50). Личный состав военно-медицинского ведомства, выражался следующими числами:

в русской армии полагалось иметь:

- медиков—2 095,
- фельдшеров—3 594,
- фельдшерских учеников— 850;

недоставало:

- медиков— 232,
- фельдшеров—149,
- фельдшерских учеников—270. [2]

Вопрос об их недостатке в России в целом и в частности на Украине встал после эпидемии холеры в 1830 – 1831 гг. Систематическая подготовка врачей на территории Украины началась с открытием Харьковского университета (1805 г.), который около тридцати лет являлся единственным высшим учебным заведением на Украине.

В 1834 г. В Киеве открывается второй на Украине университет. Царский указ об организации в нем медицинского факультета последовал только в 1840 г., а занятия на медицинском факультете в Киеве начались только в сентябре 1841 года. [3]

После начала боевых действий на Дунае правительство принимало различные меры, которые оказались, к сожалению, лишь пассивными и давали весьма скудные результаты. Чтобы восполнить недостаток врачебных кадров – врачей правительство принимает следующие меры.

В первую очередь пытались обойтись своими силами и восполнить недостаток ускоренным выпуском врачей из университетов и Медико-хирургической Академии до окончания их курсов.

12 февраля 1853 г. Было «Высочайше повелено» казеннокоштным выпускникам Медико-хирургической академии и университетов (в городах Москве, Казани, Харькове, Киеве) приступить к экзаменам немедленно (за четыре месяца до окончания полугодия). В результате досрочных экзаменов в войсковые части были направлены из академии 45 врачей, из университетов – 77 врачей. 2 ноября 1853 г. Были досрочно экзаменованы студенты 5-го курса, позже выпускали «врачами» и студентов 4-го курса. В общем, после досрочной сдачи экзаменов академия выпустила 184 специалиста-медика, университеты – 183. Ускоренные выпуски воспитанников медицинских высших учебных заведений продолжались и в 1854 – 1855 гг. в основном за счет студентов 4-го курса. [4]

В течение военных лет были введены льготы для поступления студентов на медицинские факультеты. Министр народного просвещения распорядился принимать «воспитанников» на казенное содержание (казеннокоштных студентов) только на медицинские факультеты и готовить врачей «для пополнения военно-медицинских кадров». При этом со студента бралась подписка, что он по окончании курса на медицинском факультете, обязан отслужить 10 лет по распоряжению правительства. [5]

По примеру Х.Я. Гюббенета (университета св. Владимира) и Н.И. Пирогова (Сакт-Петербургская Медико-Хирургической академии) многие медики отправились в Крым, где выполняли обязанности врача непосредственно в районах боевых действий. (рис.1, 2)

Автор «Истории Императорского Университета Св. Владимира» (1884 г.) профессор М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «В тяжкую годину непосильной борьбы России почти с целою Европой, особенная деятельность медицинского факультета состояла не в ученых трудах профессоров, но в деятельной практической помощи страдавшей армии со стороны нескольких профессоров и студентов, командированных для этой цели в Севастополь. Почин вышел из среды самих профессоров, именно от профессора Гюббенета». [6]

Вслед затем 22 своекоштных студента медицинского факультета Университета св. Владимира подали начальнику округа прошения о дозволении им отправиться в Крым вместе с профессором Гюббенетом. Генерал-губернатор предоставил Гюббенету избрать из числа просившихся четырех студентов, и он вследствие того избрал Давида Выводцева, Людвиг Маровского, Николая Гарниера и Игнатия Вышневого. [7] Профессор Гюббенет был оставлен при армии до сентября 1855 г. [8]

Другая мера, к которой прибегнуло правительство, чтобы восполнить недостаток медицинских кадров состояла из прикомандировании врачей из других ведомств и из вольно-практикующих. Таким образом, в армию перешло из гражданского ведомства – 139, из морского – 18, а из вольно-практикующих – 143 человека, всего – 303 человека. [9]

Следующая мера, которая была принята это призыв иностранных врачей, с помощью посольств правительство обращается к иностранным врачам. Иностранных врачей, откликнувшихся на этот призыв, было немного. За 1854 и 1855 гг. в русскую службу поступило всего 114 человек, одни только немцы и американцы. Часть из них поступила на действительную службу, на одинаковых правах с русскими врачами, другая же и притом гораздо большая – по контракту. При этом правительство установило две категории: к первой принадлежали те, которые выдержали в Германии так называемый государственный экзамен (Staatsexamen), ко второй – защищавшие только диссертацию или имевшие только аттестаты. Первые получали содержание вдвое больше нежели последние, т.е. одни получали 1.200 рублей в год, другие – 600 рублей. [10]

Иностранные были поставлены в гораздо лучшие условия, чем русские военные врачи, получая наравне с вольнопрактикующими, принятыми на военную службу, двойные оклады. [11]

Эта мера была оскорбительная для наших врачей. В «Докладной записке о наградах и содержании военных врачей» от 24 декабря 1855 г., предоставленной директору медицинского департамента, Н.И. Пирогов настаивал на приравнении военных врачей к иностранцам и вольнопрактикующим. [12]

Большая часть иностранных врачей была распределена в осажденный Севастополь меньшая рассеялась по госпиталям Симферополя и Керчи. Уже по одному незнанию русского языка, эти врачи не могли принести нашим больным той существенной пользы, какую приносили им наши врачи. Главного врача военно-временного госпиталя Х.Я. Ульрихсон писал, что такие врачи в госпитале были распределены в палатах для совместных занятий с теми ординаторами, которые знали немецкий язык. [13]

Это были по большей части молодые, неопытные люди, часто даже не обладавшие необходимыми познаниями. Только весьма незначительная часть их имела некоторый навык в операциях; опытных же хирургов между ними не было ни одного. [14]

До лечения же внутренних болезней, по невозможности объясниться с больными, они не допускались, поэтому иностранным медикам приходилось заниматься только перевязками.

Американские врачи, хотя мало знакомые с нашим госпитальным устройством и с нашею рецептурой и фармакопеей, более или менее все пригодились для производства операций. «Впрочем, их было мало, но все почти они были джентльмены, каковы: Turner, Draper, Morton и др.». [15]

Помимо госпиталей, меньше всего оказывали пользу иностранные врачи и при транспортировке. На пути где ни врач больного и ни больной врача не понимает, и где невозможно было найти никого кто бы мог служить переводчиком или посредником, дело лечения иногда так затруднялось, что врачи эти, при проезде через город, совсем бросали транспорт, отлучаясь куда попало. [16]

Судя по приведенным цифрам, казалось бы, во врачах не должен был ощущаться такой сильный недостаток, а между тем он ощущался. Это объясняется из-за упомянутым способом вербовки врачей из студентов, иностранных медиков и врачей без разбора прикомандированных из других ведомств. [17]

Недостаток чувствовался и в помощниках врачей и в фельдшерах. В течение четырех лет, с 1853 по 1856 гг. на службу поступило 2.270 фельдшеров и 1.489 учеников фельдшеров, всего 3.759 человека, из которых 2.684 поступило в трудное время 1854 и 1855 гг., но в это же самое время выбыло из 1.664 человека, как больными так и умершими, то есть до 50%. Недостаток в лекарственной помощи чувствовался постоянно, поэтому Крымское медицинское управление вынуждено было набрать фельдшеров большей частью из войск, где и без того было не очень много, а под конец приходилось довольствоваться и цирюльниками 11-й, 12-й, 16-й, 17- и 14-й пехотных дивизий. [18]

Госпитальную прислугу заменили музыканты из полков. И если бы не прибыли из России, по высочайшему повелению, сестры попечения и сердобольные вдовы, то раненые и больные остались бы без перевязки и без лекарств. [19]

Деятельность командированных в Крым видна из следующего приказа по севастопольскому гарнизону (28 апреля 1855 г.): «В настоящее время обороны Севастополя медицинские чиновники, подвизающиеся на трудном поприще, явили опыты примерного самоотвержения; большая часть из них перенесли тяжкие болезни, и многие сделались жертвою неимоверных трудов. Неисчисленные заслуги имеют в особенности операторы, подвизающиеся, при самом малом отдыхе, денно и ночью до истощения сил». [20]

В знак благодарности и увековечивания погибших «Государь Император Высочайше повелел учредить траурные доски в церквах Университетов или в актовых залах и внести на них имена убитых или умерших от ран медиков, полученных ими во время военных действий при исполнении ими своих обязанностей». [21]

В итоге, за время войны вступило в состав армии 1238 врачей: из Медико-хирургической академии – 449, из университетов – 375, вольнопрактикующих – 142, отставных – 96, из других ведомств – 55, иностранцев – 121. [22]

Русская армия мало выиграла от этой меры: молодые люди, едва приступившие к изучению клинической науки, должны были оторваться от занятий и ринуться в омут непривычной и трудной практической жизни. Почти все они переболели тифом. [23]

Статистика показывает, что смертность между врачами была значительная. За этот период выбыло врачей 479; умерло – 340, убито – 2, умер от ран – 1, уволено в отставку – 124; переведено в другие ведомства – 15. Из 121 иностранных врачей уволено было в ходе войны 47, умерло – 14 (один убит). [24]

Таким образом, если бы наши врачи с самого начала были поставлены в такие же условия как иностранные, то вакансии пополнились бы гораздо раньше и не оказалось бы надобности прибегать к таким крайним мерам, как ускоренный выпуск врачей из университетов и Медико-хирургической Академии до окончания их курсов, проблемы недостатка врачебных кадров не было бы.

Примечания.

1. Столетие Военного министерства (1802-1902): В 13 тт. / Гл. ред. Д.А. Скалон. - Спб., 1902. – Т 8., ч. 4. – С. 155.
2. Там же. – С. 155.
3. Владимирский-Буданов М.В. История Императорского Университета Св. Владимира. – К.: тип. Императорского университета Св. Владимира, 1884. – Т.1. – Университет св. Владимира в царствование Императора Николая Павловича. – с. 674.
4. Столетие Военного министерства (1802-1902): В 13 тт. / Гл. ред. Д.А. Скалон. - Спб., 1902. – Т 8., ч. 3. – С. 81-82.
5. Владимирский-Буданов М.В. История Императорского Университета Св. Владимира. – К.: тип. Императорского университета Св. Владимира, 1884. – Т.1. – Университет св. Владимира в царствование Императора Николая Павловича. – С. 632-633.
6. История Императорского Университета Св. Владимира. – К.: тип. Императорского университета Св. Владимира, 1884. – Т.1. – Университет св. Владимира в царствование Императора Николая Павловича. – С. 683.
7. Там же. – С. 683.
8. Высочайшие повеления за март месяц 1856 год //Журнал министерства Народного Просвещения. – часть XC. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1856 (апрель). – С. 55.
9. Гюббенет Х.Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854-1855 гг. – СПб., 1870. – С. 21.
10. Там же. – С. 19-20.
11. Пирогов Н.И. Начала общей военно-полевой хирургии. Ч. 1. севастопольские письма// Собр. Соч.: В 8 т. – М.: Медгиз1961.- Т.5. – С. 579.
12. Докладная записка о наградах и содержании военных врачей. Его превосходительству г. Директору Военно-медицинского департамента тайному советнику и кавалеру Пеликану № 29195 // Пирогов Н.И. Начала общей военно-полевой хирургии. Ч. 1. севастопольские письма// Собр. Соч.: В 8 т. – М.: Медгиз1961.- Т.5. – С. 505 – 506.
13. Ульрихсон Х.Я. Тяжелые дни Севастопольского военно-временного госпиталя во время осады города в 1854-55 гг.- СПб., 1890. - С. 54.
14. Столетие Военного министерства (1802-1902): В 13 тт. / Гл. ред. Д.А. Скалон. - Спб., 1902. – Т 8., ч. 4. – С. 175-176.
15. Гюббенет Х.Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854-1855 гг. – СПб., 1870. – С. 20.
16. Донесение генерал-майора Остроградского генерал-штаб-доктору Шрейберу 20-го апреля 1855 г., № 187 // Соловьев Н. Скорбные листы Крымской кампании. //Русский вестник. - СПб., 1872, №9. – С.344.
17. Гюббенет Х.Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854-1855 гг. – СПб., 1870. – С. 21.
18. Там же. – С. 22.
19. Ушаков Н. О состоянии госпитальной части в Южной и в Крымской армиях во время войны в 1853, 1854, 1855 и 1856 гг. //Военный сборник., 1867., № 6. – С. 213.
20. История Императорского Университета Св. Владимира. – К.: тип. Императорского университета Св. Владимира, 1884. – Т.1. – Университет св. Владимира в царствование Императора Николая Павловича. – С. 684.
21. Официальная часть. Постановления и распоряжения правительства //ВМЖ. – 1858. - № 4. – С. 6.
22. Комментарии к тексту I труда Н.И. Пирогова «Начала общей военно-полевой хирургии» // Пирогов Н.И. Начала общей военно-полевой хирургии. Ч. 1. севастопольские письма// Собр. Соч.: В 8 т. – М.: Медгиз, 1961.- Т.5. – С 582.
23. Гюббенет Х.Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854-1855 гг. – СПб., 1870. – С. 20.
24. Комментарии к тексту I труда Н.И. Пирогова «Начала общей военно-полевой хирургии» // Пирогов Н.И. Начала общей военно-полевой хирургии. Ч. 1. севастопольские письма// Собр. Соч.: В 8 т. – М.: Медгиз, 1961.- Т.5. – С 582.

**КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ ФАКТОР В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ КРЫМУ:
И.И. ГРАПЕРОН И ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ**

ПЕТРОВА Э.Б.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Культура – та область человеческого бытия, которая далеко не всегда поддается рациональному объяснению и таит в себе некую мистическую сущность, отражая душевное состояние личности, группы индивидуумов и целых народов. Даже если культура глубоко национальна, но представлена образцами высокого класса, она становится понятной всем, и уже безразлично представителями какого народа создана, потому что она становится частью мировой культуры.

Культура Крыма – явление уникальное, ярчайший пример того, как на протяжении веков и тысячелетий представители многочисленных появившихся и оседавших на полуострове народов Запада и Востока приносили с собой багаж достижений своих соплеменников и вмешивали его в общий «котел». Знакомясь с этой культурой и вникая в нее, человек погружается в мир, в котором царит дух невероятного многообразия и удивительного единства. Это нетрудно проследить на множестве примеров. Самый яркий, пожалуй, и не требующий специальных разъяснений – крымские дворцы и частные имения XIX – начала XX в. В их архитектуре, внутренней отделке, убранстве причудливо переплетены мотивы Запада и Востока, а имена их создателей – лучшая демонстрация той многонациональности, которая присуща культуре Крыма в целом.

Не менее показательный пример – научный мир Крыма XIX–XX вв., важнейшей частью которого были и остаются историческая наука и археология, теснейшим образом связанные с деятельностью многочисленных крымских музеев различных профилей [1].

Феодосийский музей древностей (ФМД) – не просто один из них, а первый археологический музей в Крыму и на всем юге Российского государства. На примере его истории можно проследить многие процессы, характерные для Крыма от времени присоединения его к России и вплоть до 1917 г., в том числе, например, этнический состав населения Тавриды в XIX – начале XX в., а также процесс создания ее науки и культуры представителями разных национальностей.

Вот неполный перечень имен людей, связанных с организацией и жизнью музея, археологическими раскопками в Феодосии и ее округе: градоначальник Феодосии, собиратель предметов старины и инициатор создания ФМД С.М. Броневский, городской голова, торговец и коллекционер В. Галлера, карантинный врач, коллекционер И.И. Граперон, член карантина, археолог, заведующий ФМД Е.Ф. де Вильнёв, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов, министр внутренних дел и министр уделов граф Л.А. Перовский, военный, работник МВД, археолог и известный в России нумизмат князь А.А. Сибирский, художник И.К. Айвазовский, директор Керченского музея, археолог А.Е. Люценко, президент Одесского Общества истории и древностей (ООИД) В.Н. Юргевич, секретарь, а затем вице-президент ООИД Н.Н. Мурзакевич, городской голова, купец С. Крым, директор Феодосийской мужской гимназии, филолог, автор первого сочинения о Феодосии В.К. Виноградов, инженер, археолог и нумизмат А.Л. Бертье-Делагард, заведующие музеем Д.И. Писаревский, Н.А. Чекалев, И.С. Безкровный, С.И. Веребрюсов, О.Ф. Ретовский, Л.П. Колли. Они – представители разных народов – русских, украинцев, белорусов, поляков, армян, караимов, итальянцев, немцев, французов. Наш перечень – яркое свидетельство того, что культура Крыма по сути своей была интернациональной (и остается таковой). Лишь некоторые из этих людей стали профессиональными историками и археологами, остальные – любители. Но все они были людьми образованными, испытывали огромный интерес к истории полуострова, стремились по мере сил и возможностей поделиться своими знаниями с широкой публикой, они были подвижниками, первооткрывателями, бескорыстными служителями науки и культуры. Их стараниями мы обязаны тому, что сохранилось от былого великолепия античной Феодосии и средневековой Каффы-Кефе.

Мои многолетние занятия античной Феодосией сопровождались постоянным интересом к истории Феодосийского музея древности (ныне краеведческого), поиском в архивах и мемуарной литературе материалов о музее и связанных с ним людях. Результаты этой работы вылились в публикации, специально посвященные жизни и деятельности С.М. Броневского, Е.Ф. де Вильнёва, Н.Н. Мурзакевича, В.К. Виноградова, Л.П. Колли. Неоднократно на разного рода крымских научных и научно-практических конференциях ко мне обращались с вопросом: кто такой И.И. Граперон, где найти литературу о нем, почему о нем так мало пишут? Действительно его имя обычно лишь упоминается в работах, посвященных Крыму времени Отечественной войны 1812 г. и музейному делу Крыма первой половины XIX в. [2].

Французский дворянин Жан Граперон (Грапперон) родился в 1774 г. в Орлеане. Там же получил классическое образование. В 1791–1796 гг. обучался на медицинском факультете Парижской академии и закончил его с дипломом доктора медицины. Практика молодого специалиста складывалась успешно. Он работал в отделении инфекционных болезней главного парижского госпиталя, приобрел известность. О нем прослышал Наполеон I и рекомендовал его российскому послу во Франции князю А.Б. Куракину.

В 1809 г. в соответствии с подписанным на 10 лет контрактом 35-летний Жан Граперон прибывает в Петербург. После успешно выдержанных экзаменационных испытаний в Императорской медико-хирургической академии получает диплом доктора медицины I класса и поступает на работу в петербургский военный госпиталь. Однако, узнав о начавшейся в Крыму эпидемии чумы, уже в мае 1810 г. переезжает в Феодосию и до конца жизни служит в ее в Центральном карантине (карантины – санитарные учреждения, создававшиеся на государственных границах в целях выявления действительных или предполагаемых больных и проведения гигиенических мероприятий). Очень скоро практикующий врач и автор научных трудов по медицине Иван Иванович (так он стал именоваться в России) Граперон становится известным в Крыму и во всем Новороссийском крае. В 1821 г. назначается главным медицинским чиновником Феодосийского центрального карантина (бывшего довольно большой организацией: на 1848 г. в нем числилось 46 чиновников).

Новороссийский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов считал необходимым привлечь Граперона к борьбе с эпидемическими заболеваниями на всем юге России. Особенно известна его роль в борьбе с эпидемией чумы, в 1812 г. охватившей значительную часть Новороссии включая Крым.

24 августа (по ст. ст.) 1812 г. феодосийский градоначальник С.М. Броневский доложил генерал-губернатору Новороссии, что тремя днями раньше в городском лазарете умерло четыре человека, а 25 августа – еще трое со всеми признаками чумы. Болезнь молниеносно распространилась по городу, проникла в войска. Ежедневно умирало от 10 до 20 человек. По приказу градоначальника город оцепляется и отрезается от остальной части Крыма, закрываются присутственные места, сурово наказываются нарушители порядка. В это страшное время (к чуме добавились сильнейший недостаток продовольствия, дров, угля и жестокие холода зимой 1812–1813 гг.) у Броневского было немало противников, людей, стремившихся использовать в собственных целях ситуацию, в которой оказались феодосийцы. Граперон стал его главным помощником. Вместе они устраивали карантин и изоляционные кардоны, делали все необходимое для изоляции Крымского полуострова от внешних связей. Благодаря их титаническому труду эпидемия была ликвидирована уже к концу 1812 г., то есть менее чем за полгода.

Находясь в очаге эпидемии, Иван Иванович наблюдал за течением болезни, вел записи и позже изложил свои научные изыскания в работе «Мои наблюдения и заключения по лечению от чумы». В 20–30-х гг. он ведет борьбу с чумой в придунайских областях, Одессе, Севастополе, Евпатории, удостоивается орденов св. Владимира IV степени, св. Анны II степени и других наград, в 1827 г. получает чин надворного советника (7 класс табеля о рангах), а вместе с ним и дворянство. Огромный практический опыт, приобретенный за время работы на юге России, он излагает в докладе «Мои исследования по чуме», который представляет в Министерство внутренних дел.

При всей любви к медицине этот высокообразованный и увлекающийся человек, по воле судьбы оказавшийся в Крыму, сравнительно недавно ставшем частью Российской империи, не мог остаться равнодушным к его историко-культурному прошлому, и, как многие культурные люди того времени, со всей страстью погрузился в поиски и изучение античных и средневековых реликтов полуострова. Его бьющая ключом жизнь протекала в двух плоскостях: на медицинской поприще он выступал как специалист, неустанно трудился в разных городах Крыма, часто выезжал из Феодосии ради исполнения своих профессиональных обязанностей; на исторической ниве – как любитель, довольно скоро приобретший славу коллекционера и краеведа.

Увлечение древностями, а также членство в масонской ложе «Иордан», которая была открыта в Феодосии в 1812 г. и которой в 1812–1848 гг. (36 лет) заведовал Граперон, способствовали его знакомству с известными людьми в Феодосии (С.М. Броневским, В. Галлерой), Керчи (П. Дюбрюксом), Одессе (А.Ф. Ланжероном, Э.В. Тетбу де Мариньи). Занятые общественными обязанностями, все они страстно увлекались науками и коллекционированием. Узы дружбы, совместные труды на благо Феодосии и Крыма, любовь к географии, истории, археологии особенно связывали Граперона с Броневским.

Иван Иванович собирал историческую библиотеку, много читал, изучал историю края, принимал активное участие в поисках памятников старины. (Нужно сказать, что тогда в Феодосии и ее округе проводились интенсивные земляные работы, в городе шло большое строительство, разбирались старые постройки, в земле и стенах зданий довольно часто находили камни с надписями, рельефными изображениями, фрагменты каменных скульптур, керамических изделий, монеты античного и средневекового времени.) Все это не осталось незамеченным теми, кто хорошо знал работоспособность Граперона и разделял его увлеченность древностями.

13 (25) мая 1811 г. благодаря хлопотам С.М. Броневского в маленькой Феодосии был открыт Музей древностей. Его возглавил принявший российское подданство дворянин из Савойи В. Галера – городской голова Феодосии, торговец, известный своим увлечением нумизматикой и коллекционированием древностей. Граперон, хорошо знавший и Броневского, и Галеру, наверняка был частым посетителем музея, прекрасно знал всю его коллекцию, тогда еще совсем небольшую. Возможно, оказывал помощь в формировании музейного собрания.

Когда в 1818 г. музей остался без заведующего, Иван Иванович Граперон был приглашен на эту должность. В течение 30-ти лет, до конца жизни (он навсегда остался в России после истечения 10-летнего срока его контракта), оставался на этом посту, не имея никаких помощников и не смотря на то, что на протяжении всего этого времени продолжал верой и правдой служить на медицинском поприще в Крыму и во всем Новороссийском крае.

Теперь его увлеченность прошлым Крымского полуострова становится более профессиональной: он углубленно изучает географию Северного Причерноморья (видимо, сказалось влияние Броневского – автора объемной книги по географии Кавказа), историю Боспорского царства, генуэзских колоний в Крыму, нумизматику, геральдику, составляет чертежи, планы, делает копии надписей, зарисовки, списки монет (в том числе собственного весьма солидного собрания), описи Феодосийского музея, пишет исторические сочинения [3].

Современники отзывались об Иване Ивановиче, как о человеке общительном. Он переписывался и часто встречался с учеными и любителями древностей, принимал их в своем доме, демонстрировал личную коллекцию (монеты, камни с надписями и пр.), сопровождал при осмотре генуэзских памятников Феодосии, обязательно водил в музей.

Жизнь И.И. Граперона завершилась трагично. В 1847 г. он выехал в Петербург для участия в работе комиссии по выработке закона о борьбе с эпидемией чумы, да так и не вернулся в Феодосию. Человек, всю жизнь боровшийся со страшными эпидемиями и ходивший, что называется, по лезвию ножа, был убит обычными грабителями 20 марта (по ст. ст.) 1848 г. по дороге из Петербурга в Крым. Ему было 74 года. Л.П. Колли, феодосий-

ский ученый-краевед, заведовавший ФМД в 1900–1918 гг., посвятил И.И. Граперону статью, в которой признал его деятельность «скромной, но неутомимой и полезной».

Музей на некоторое время лишился заведующего и пребывал в полном упадке. Началась переписка таврических властей с Одесским обществом истории и древностей, которое предложило на должность заведующего своего корреспондента – француза на российской службе, члена Феодосийского карантина Евгения Францевича де Вильнёва, а заодно и выразило желание взять музей под свою опеку.

Нужно, однако, признать, что Граперон, как и его предшественник Галлера, весьма занятый служебными делами, и, судя по всему, немало времени и сил отдававший собственному собранию раритетов, не имел возможности целиком посвящать себя музею и систематически заниматься его проблемами. Так что при двух первых заведующих музей оставался бедным, его собрание пополнялось медленно. Только с приходом в 1849 г. Е.Ф. де Вильнёва и передачей музея в 1851 г. в ведение ООИД ситуация изменилась в лучшую сторону.

Дореволюционная история музея охватывает более ста лет. На протяжении всего этого времени он испытывал немалые трудности и не все в его в организации было благополучно. Значительное количество найденных в Феодосии и ее округе вещей, в первую очередь, конечно, лучшие, оказывались в частных коллекциях, отправлялись в другие музеи, в том числе за границу. Безвозвратно терялась масса рядовых находок. И сегодня в Феодосийском музее хранится немало памятников неизвестного происхождения, а это значит, что мы не можем с уверенностью сказать, откуда пришла та или вещь – из Феодосии и ее ближайшей округи или из более отдаленных мест. Не все ясно с хронологией некоторых памятников. Не хватало и тех небольших средств, которые музей получал на благоустройство и приращение коллекции, на реставрацию или хотя бы поддержание в порядке памятников средневековой архитектуры. Слишком многое держалось на энтузиазме и преданности людей, связанных с музеем.

Нужно сказать, что и в наше время Феодосийский краеведческий музей с коллекцией в около 80 тысяч экспонатов испытывает трудности все того же свойства: не хватает отпускаемых государством средств на его содержание, не достает научных кадров, в городе и его округе уже давно не ведутся археологические исследования.

В то же время коллекционеры (особенно нумизматы) весьма активно пополняют свои частные собрания античными и средневековыми раритетами, происходящими из Юго-Восточного Крыма. Неужели мы вернулись в те времена, когда в стране еще не было профессиональных археологов, не существовало законов о борьбе с хищническими раскопками, не было музеев, куда можно отнести случайные находки, в те времена, когда незаконные раскопки, продажа предметов древности и собирание частных археологических коллекций не считались незаконными и не осуждались обществом?

Примечания:

1. Достаточно взять в руки, например, книгу И.В. Тункиной «Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX в.» (СПб.: Наука, 2002. 676 с.), чтобы в этом убедиться: ее страницы буквально пестрят именами, фамилиями и биографиями людей разных национальностей, связавших свою жизнь с изучением античных памятников Тавриды и ее музеями.
2. Единственная специальная работа: Колли Л.П. Иван Иванович Граперон // ИТУАК. 1905. №38. С.38–47. См. также: Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели. Симферополь, 2000. С.349; Петрова Э.Б. Античная Феодосия. Симферополь, 2000. С.14–17, 253; Петрова Э.Б. Граперон И.И. // Крым в лицах и биографиях. Симферополь, 2008. С.178–180; Тункина И.В. Указ. соч. С.653.
3. Все это, к сожалению, не было опубликовано ни при его жизни, ни после. Архив И.И. Граперона после его смерти был вывезен в Одессу, в центр мasonicкой организации. В 1874 г. секретарь ООИД Н.Н. Мурзакевич собрал его документы за 1818–1848 гг., благодаря чему они не пропали и ныне хранятся в фонде ООИД Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Ф.5. Д.1130–1185). См. об этом: Непомнящий А.А. Указ. соч. С.29–30.

**ПРИХОДНО-РАСХОДНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХЕРСОНЕССКОГО МОНАСТЫРЯ**

ТЕРЕЩУК Н.М.

Государственный архив г. Севастополя

Огромный интерес исследователей к документам Херсонесского первоклассного Святого Равноапостольного князя Владимира монастыря прослеживается как в прошлом, так и в настоящем времени. За последние годы по документам архивного фонда монастыря проведены интересные научные исследования.[1] Но до сих пор внимание исследователей в большей части было сосредоточено на деятельности монастыря, как церковной структуре, в меньшей степени, как хозяйственной единице. Вместе с тем, за внешними проявлениями и проведением религиозных праздников, церемониалов и другими мероприятиями, свидетелями которых становилось общество, монастырь вел внутреннюю повседневную жизнь. Ставя своей целью ввести в научный оборот как можно больше исторических источников и рассказать о выявленных документах, я попыталась на примере таких документальных источников, как приходно-расходные книги Херсонесского монастыря раскрыть экономическую и хозяйственно-бытовую жизнь. Состав источников позволяет проследить связи монастыря с этническими группами, социальным составом населения, выявить торгово-экономические связи не только внутри Севастополя, но и за его пределами, отметить интересные, на мой взгляд, сведения бытового и финансового характера, что существенно дополнит исследования об экономическом и хозяйственно-бытовом аспекте деятельности монастыря. Всего сохранилось 17 приходно-расходных книг за 1857-1919 годы. За вторую половину XIX века, книги сохранились только за 1857, 1860, 1867-1868, 1873-1874 годы, но вместе с тем за этот период имеются краткие годовые ведомости о приходе и расходе церковных денег. Гораздо лучше сохранились книги с 1900 по 1919 годы. Более глубокий анализ проведен по документам XIX века. Первая сохранившаяся книга имеет следующий заголовок: «Черновая книга, в коей записан приход и расход сумм по Херсонесской Св. Равноапостольного князя Владимира киновии, от самого начала ее восстановления в 1857 году; Книга сия должна находиться в архиве Херсонесского первоклассного Св. Владимира монастыря для отчетности вместо подлинной шнуровой книги, которая была выдана из консистории и которая будучи по истечении 1857 года представлена на ревизию Благочинному монастырей архимандриту Николаю, обратно от него не возвращена и вероятно им утрачена, в чем свидетельствую мая 2 дня 1872 года. Благочинный монастырей Таврической епархии, Херсонесский архимандрит Евгений».[2]

Приходно-расходные книги выдавались Таврической духовной консисторией и содержат записи о приходе и расходе денежных средств. На их примере можно судить об этноконфессиональном составе купечества, торговавшем с монастырем, что является дополнительным источником уже накопленных знаний о купечестве. Место той или иной этнической группы определялось на примере одной социальной группы, в частности купцов, так как в книгах делались подробные записи о приобретении у купцов товаров для монастыря. Если в 1857 году Херсонесский монастырь, тогда еще киновия, поддерживал коммерческие отношения с 10 купцами, то в начале XX века в пределах года круг расширился до 30 купцов. Всего выявлено почти 250 фамилий данного сословия, большая часть которых были севастопольскими купцами. Отнесение их к той или иной этнической группе проводилось условно по написанию фамилии. Вместе с тем, если таких купцов, как Энглези, Христопуло, Мавриди, Гинали, Экзархиди можно однозначно отнести к грекам, то при выяснении других требовались дополнительные сведения. Купца Харченко Д.О. у которого на протяжении многих лет в писчебумажном магазине монастырем закупались канцелярские товары по написанию фамилии можно отнести к украинцам. Вместе с тем, он был караимского вероисповедания о чем указано в документах Севастопольского полицмейстера в «Списке присяжных заседателей по городу Севастополю и Балаклаве в 1908 году». [3] В 1897 году он также баллотировался на выборах в городскую думу в числе 90 кандидатур и получил 36 голосов, что позволило ему быть избранным в думу. [4]

Анализируя выявленные сведения, было установлено, что среди купцов, торговавших с монастырем было 15,7% евреев, 10,7% греков, 6,2% караимов, 1,6% армян, 2,5% татар, у 8,2% национальность не установлена. Около 60% славянских купцов можно условно разделить, как я уже говорила, на русских и украинцев только по написанию фамилии, что составило 42,5,3% и 12,4% соответственно. Других этнических групп не выявлено. Практически всех их можно отнести к коренному населению Севастополя. В основном это было гильдейское купечество. Купцы, как правило, имели практический опыт в сфере торговли, владели капиталом, ориентировались в хозяйственной конъюнктуре рынка, большинство из них специализировалось в торговле на определенных товарах. Например, начиная с 1902 года монастырем постоянно закупалась негашеная известь у балаклавского купца 2-й гильдии, директора Балаклавского общественного банка грека А.Х.Христопуло, который имел на горе Гасфорта известковые печи. [5], керосин закупался у купца иудейского вероисповедания С.Берлина [6] чай разных сортов и колотый сахар – в магазине купцов Д. и А. Расторгуевых. [7] Бакалейные товары закупались у севастопольского купца 3-й гильдии, торговавшего в городе, а затем на Северной стороне еще во время первой обороны Севастополя Н.П. Крыжановского, у купца 2 - гильдии, присяжного заседателя в 1895 году К.П.Гаврилова, купцов Н.И.Горичева, В.Печурина, А.Тарасенко, Михайловского и др. В винной лавке севастопольского купца 2-й гильдии, присяжного заседателя 1908 года, чей имущественный ценз оценивался в 5800 рублей С.М.Мачука закупалось вино. Например, в 1900 году у него было закуплено 332 бутылки вина на сумму 117 руб. 70 коп. (для сравнения – в период становления монастыря в 1857 году было куплено 69 бутылок вина). Всего в 1900 году монастырем было закуплено 770 бутылок вина, а к храмовому празднику еще 10 бутылок английской горькой, 6 бутылок зубровки, 16 бутылок шампанского, 40 бутылок пива. За все это монастырь заплатил 376 рублей 15 коп. Также к храмовому празднику к 15 июля в день Св.Владимира в этот год было закуплено 4 ведра водки за сумму 31 рубль 20 коп. у одного из крупных севастопольских купцов, караима Б.Б. Койчу. Украшением праздничного стола явились вина, приобретенные в Императорском Никитском саду. Это черный и белый сухой мускаты, пиногри, педро, пино красное и белое, магарачское красное. [8] Интересные данные бытового характера дополняют официальные документы о праздновании соборного праздника. В этот день для пения всенощной литургии приглашался регент с Адмиралтейского собора, для приготовления праздничного обеда приглашался повар, с морского собрания – официант с 5 товарищами для прислуживания, делались фотографии для продажи в монастырской лавке, приглашался полотер для натирки паркетных полов, в посудном магазине бралась напрокат посуда, сдавались в аренду места для торговли. Их стоимость составляла от 6 руб. за место для палатки до 50 руб. купцу Ивану Тер-Семенову. [9]

В приходно-расходных книгах монастыря практически отсутствуют сведения о закупках мясных продуктов. Исключение составили храмовый праздник, когда в июле 1901 года было куплено в мясной лавке Лисавенко для военного хора 25 фунтов колбасы по 18 коп. фунт, 20 фунтов сала по 15 коп. и 25 фунтов мяса по 12 коп. [10] и еще раз, когда епископ Николай направил почти на два месяца в монастырь трех воспитанников С-Петербургской духовной семинарии, «снабдив их 100 рублями». Для них было закуплено у мясного торговца Кефели 3 пуда 20 фунтов мяса. [11]. Иногда покупалось сало для рабочих, работавших в лесу. [12] Объясняется это тем, что монастырь, имея свой скот, обеспечивал себя мясом, исключая, конечно дни постов. В большом количестве и ассортименте монастырем закупалась рыба и рыбопродукты, особенно к праздникам. Например, в июле 1900 года было закуплено в рыбной лаке грека В.Сидерато 4,5 фунтов икры, 145 штук дунайской селедки, 1 пуд и 30 фунтов судака, 9 фунтов балыка, 85 штук скумбрий, 7 пудов и 23 фунта севрюги и осетрины, 1 пуд и 23 фунта соленой белуги.[13]

Торговало с монастырем не только купеческое сословие. Сохранились сведения, что помещица Елена Бларамберг жена генерал-лейтенанта продавала монастырю дрова. [14] Монастырь перестал закупать дрова, когда ему был выделен участок леса и, как указывалось в книгах, монастырь платил татарам селений Уркуста и Узенбаш «за рубку и складку дров»[15] В мае 1901 года у нижних чинов крепостной артиллерии было закуплено 20 пу-

дов соленой капусты по 60 коп. за пуд. [16], а у барона Врангеля несколько раз закупались саженцы деревьев для посадки в монастыре. [17]

С ремесленниками связи были не настолько обширными, как с купцами, так как «монастырь имел швейную, малярную, сапожную, кузнечную и столярную мастерские» [Катунин, 2000, с.108] Для швейной мастерской даже в 1900 году была приобретена в магазине «К^о Зингер» швейная машинка за 105 руб.[18]

Из приходно-расходных книг складывается определенная картина стоимости товара и оплаты труда. Перед пасхой в марте 1901 года монастырем было закуплено у купца А.Тарасенко 1600 штук яиц и уплачено за них 32 рубля, то есть стоимость яйца составляла 2 коп. [19] Самая дорогая селедка была дунайская, стоившая 15 коп. за 1 штуку. Вместе с тем керченскую можно было приобрести 100 штук за 2 рубля, то есть 2 коп. за штуку. По такой же цене стоила 1 кефаль в рыбном магазине А. Баращука. Стоимость лимонов оценивалась от 3 до 3,5 коп.за штуку. Одно ведро водки в 1857 году стоило 4 руб.60 коп. [20], в 1873 году 5 руб. [21] а в 1900 году уже 7 руб.80 коп. [22] Вино, закупавшееся монастырем в 1857 году, обходилось монастырю в 50 коп. за 1 бутылку, только херес стоил 2 руб.[23] в 1900 году церковное вино в винной лавке С. Мачука стоило 40 коп. за 1 бутылку, а обычное, по-видимому ординарное или купожированное вино стоило от 20 до 30 коп. за 1 бутылку. [24] Самым дорогим вином, купленным в 1900 году на храмовый праздник, в Императорском Никитском саду был черный мускат, стоивший 2 руб.15 коп. [25]

Отдельно хочется сказать о хлебе. Его, как видно из документов покупалось много. В 1857 году его приобрели (в переводе с пудов и фунтов) 173 кг, заплатив 124 руб.34 коп. то есть стоимость 1 кг составляла 7 коп. В течение 1900 года было куплено 11,5 тонн хлеба, стоимость которого за килограмм составляла уже 16 коп. Эти данные приведены только по ржаному хлебу. Приобретался также белый хлеб, булки, сухари, бублики, пирожки, проч. Какую-то статистику потребления хлеба вывести невозможно, так как монастырь покупал много муки, следовательно, хлеб также выпекался в монастыре.

Говоря о количестве потребленного хлеба, следует, конечно, учитывать количество людей. Но, к сожалению точного количества монастырской братии в 1857 году нет. В первые десятилетия существования штат монастыря составлял 22 единицы, но не всегда был укомплектован. Например, в 1878 году «не доставало до штата 5 иеромонахов, 3 иеродьяконов, 2 монахов и 2 послушников. [26]

Сведения о жаловании, которое ежемесячно выплачивалось монастырским служащим по найму, имеются только с 1900 года. Их количество в тот год составляло от 13 до 16 человек. [27] Кучеру выплачивалось 12 руб., его помощнику-10руб., повару 20 руб., плотнику – 12 руб., скотнице, прачкам и пастуху по 5 руб. [28] Садовнику платили дифференцированно, в зависимости от времени года - от 15 до 22 руб. [29] Учитель ежемесячно получал по 25 руб. [30]

Минимальная оплата труда в монастыре поденным работникам, которую стали указывать в приходно-расходных книгах с 1900 года составляла 30 коп. в день «за разные работы в виноградниках, в саду и огороде [31] (в 1901 году встречается оплата по 10, 15 и 20 коп. в день) [32]

Экономические связи монастыря не оставались внутри города. Из Сергиева Посада Московской губернии от Никиты Митрейкина поступали для монастырской лавки ложки и различные деревянные изделия, [33] из Воронежа от Андрея Михайлова серебряные иконки. [34] Серебряные образа также готовились в Костромской губернии [35], а из Варшавы присылали стеклянные, янтарные, костяные крестики. [36] Различные церковные вещи, как одежда на престол, шелковые шнурки и прочее. поступали из Москвы от фабриканта Сергея Мешкова [37] В Ярославле П.И.Кузнецов изготавливал для монастыря финифтевые образки [38], а в Черниговской губернии крестьянин Тимофей Веремеев делал для монастырской лавки деревянные ложки. [39] Деревянные изделия также закупались в Нижегородской губернии [40], а серебряные в Москве в магазине Сергеева. [41]

подавляющая часть монахов и послушников состояла из людей, имеющих достаточно высокий уровень образования – офицеров, интеллигенции, детей купцов и детей священно- и церковнослужителей. Это подтверждается записями о приобретении книг, а

также ежегодной подпиской монастырем печатных изданий. Из приходно-расходных книг выявлены сведения и стоимость подписки, проводившаяся монастырем многие годы. В их числе газеты: «Крымский вестник» (издававшаяся в Севастополе), «Крым» и «Таврические ведомости» (г.Симферополь), «Россия» (издавалась в Москве в книжном магазине Москвича), С-Петербургская газета «Свет», «Колокол»; журналы: «Душеполезное чтение», «Церковный вестник» и христианские чтения», «Миссионерское обозрение», «Русский паломник», «Русский инок», «Троицкое слово» и даже журнал «Садоводство и огородничество».[42] Подписка на газету «Крымский вестник» продолжалась до 1919 года. Стоимость годовой подписки составляла 8 руб., с 1901 года – 9 руб. а в январе 1919 года уже было уплачено 36 рублей за подписку на январь-март.[43] Также заказывались и оплачивались книги, как для монастыря, так и для монастырской лавки получаемые из Киево-Печерской и Почаевской лавры. [44]

С 1901 года в монастыре имелся телефон, оплата которого производилась один раз в полугодие в сумме 37 руб. 50 коп. [45], паровое отопление, [46] освещение, для пожаротушения имелся пожарный насос. [47]

Не сохранившийся некрополь Херсонесского монастыря не позволяет узнать о захоронениях граждан города на территории монастыря. Частично это можно выявить все в тех же приходно-расходных книгах. В них делались записи подобно этой: «29 февраля 1900 года получено от вдовы контр-адмирала Евгении Вальронд за могилу на монастырском кладбище для мужа ее контр-адмирала Константина Вальронд 500 руб.» [48]

Предоставляя места для захоронений на кладбище, Херсонесский монастырь также пополнял свои доходы. Жертвовались деньги от 300 до 500 рублей. Так, например, 15 января 1902 года севастопольский градоначальник Е.П.Феодосьев уплатил 300 руб. за погребение своей жены [49] а от адъютанта штаба 13 пехотной дивизии капитана Сорокина поступило 500 рублей за место для погребения начальника 13 дивизии генерала В. Христиани.[50]

В приходно-расходных книгах монастыря имеются отдельные факты, связанные с его настоятелями. «В награду за особенные труды на пользу монастыря» в соответствии с указом Таврической духовной консистории 17 апреля 1902 года настоятелю монастыря архимандриту Михею было выдано 700 руб. [51] А вот соборный праздник в 1900 году был омрачен смертью настоятеля монастыря архимандрита Александра. В погребальной конторе Якова Дегтярева был заказан дорогой гроб за 150 руб. (обычный гроб оценивался в 15 руб. [52], а в типографии Н.Ковалева одновременно печатались 120 приглашений к празднику и 60 извещений о погребении архимандрита. [53]

Начиная с 1857 года, монастырь приобретал ценные бумаги, которые размещал в Государственном банке и казначействе для «приращивания капитала». Иногда пожертвования в пользу монастыря тоже делались ценными бумагами. Свой вклад в развитие Херсонесского монастыря вносил, как частное лицо городской голова потомственный почетный гражданин А.А.Максимов. Систематически им приобретались и передавались монастырю 3,5 и 4% Государственные непрерывно доходные билеты вечно вклада на 50, 100, 500 руб. [54] Пожертвованные 5 октября 1874 года великим князем Владимиром Александровичем и его супругой 500 руб. также были отосланы в Государственный банк для наращивания процентов. [55] Процентные бумаги, государственная рента, билеты внутреннего и выигрышного займа, сберегательные книжки – все это способствовало экономическому подъему монастыря.

Казну обители существенно и постоянно пополняла сдача в аренду монастырской земли. В 1868 году эта сумма исчислялась всего лишь 1489 руб., в 1876 году – 6492 руб.80 коп., в 1887 году-14413 руб.80коп., в 1895 году-18354 руб.18коп., достигнув в 1901 году 19733 руб. 04 коп. (для примера выбраны внутри десятилетий самые крупные суммы). Связано это было и с увеличением земельных наделов. К началу XX века общее владение в Мелитопольском уезде составляло 1388 десятин и 1 тысяча десятин в Бердянском уезде [56] Земля сдавалась в наем по контракту, что подтверждается подробными записями в приходно-расходных книга. Например, 15 января 1873 года «получено от арендатора монастырской дачи Крещатик в Бердянском уезде, бердянского 2-й гильдии купца Тимо-

фея Николаевича Панова, по контракту заключенному с ним 20 июня 1870 года, за отданную ему в оброчное содержание на шесть лет, сроком с 1 июля 1870 года по 1 июля 1876 года замлю дачи Крещатик за вторую половину третьего оброчного года» - 1350 руб. [57] В период гражданской войны в 1919 году казначей игумен Августин и эконом о.Ипполит самолично выезжали в Мелитопольский и Бердянский уезды для получения арендных денег наличными [58] Вместе с тем хотя аренда земли и приносила значительный доход, но когда в 1899 году встал вопрос о выделении земли на берегу Карантинной бухты Военному ведомству под батарею, а затем под строительство тоннельных погребов, то участок был выделен бесплатно, получив благословение и согласие ерхиепископа Таврической духовной консистории. «Стыдно было бы православному монастырю, а тем паче Епископу брать деньги с правительства за такое дело, как это, тем более, что и самый Херсонесский монастырь живет милостями Правительства...».[59] Но на очередную просьбу в 1906 году о безвозмездной дополнительной прирезке земли, настоятель ответил отказом, предложив вместо запрашиваемых 18,5 десятин 14 десятин земли по цене 21 коп. за квадратную сажень [60].

Менее значительный, но постоянный доход приносили: продажа свечей и просфор, кошельковый и кружечный сбор, требоисправления, монастырская лавка, пожертвования, погребение на кладбище, продажа камня и дров, скота, аренда квартир в Севастополе, гостиница, аренда огородов и земли для выпаса скота в Карантинной бухте. Закупив в 1857 году 9 пудов 64 фунта свечей (173 кг) на сумму 199 руб.78 коп. и продав их на 137 руб. 79 коп., монастырь не получил дохода (Подсчет велся без учета продажи огарков). [61] В последующие годы монастырь не оставался внакладе. В 1870 году было продано свеч на сумму 277 руб.83 коп., в 1880 году – 600 руб. 50 коп., в 1890 году-1256 руб.25 коп. Начиная, с 1901 года за свечи выручалось более 3 тысяч рублей. Просфоры продавались на сумму от 68 руб.40 коп. в 1883 году до 638 руб.05 коп. в 1901 году. То есть от продажи свечей составляли от десятой части до 40%. [62]

Кошельковый и кружечный сбор приносили небольшой доход. 1092 руб.38 коп. зафиксирован в 1901 году, минимальная сумма была собрана в 1883 году - 38 руб.70 коп. Интересен факт, что помимо, так скажем общей кружки, были еще братские кружки, состоящие из «молебных, проскомидных, от посетителей и за маяк». В 1897 году в них было собрано: 1551 руб.15 коп., 487 руб.71 коп., 1131 руб.17 коп. и 249 руб.96 коп. соответственно. [63] А в 1900 году была еще установлена «кружка умершего архимандрита» из которой было вынута 208 руб.13 коп. [64]

Все это в совокупности с трудом монахов позволяло ежегодно увеличивать доход до несколько тысяч. Расходы состояли, говоря современным языком, из коммунальных услуг, налогов на землю и здания, на «усиление» Таврической духовной консистории, включающей в себя как разъезды благочинного монастырей и делопроизводство, духовно-учебных заведений. Непредвиденные расходы включали, например 7 руб. перечисленные Севастопольской пожарной команде, участвующей в тушении пожара в феврале 1900 года [65], 56 рублей, уплаченные Д.Хаскину 20 декабря 1913 года за «оковку попорченных ушей доставленного из Парижа пленного колокола...» [66] С 1915 года монастырь стал отчислять средства на раненых, на военно-промышленные организации, для приобретения посуды для госпиталя, оборудование и содержание лазарета. [67]

Все вышеприведенные сведения подтверждают, что приходно-расходные книги являются важнейшим источником по истории деятельности монастыря, представляют интерес в деле восстановления объективного исторического изучения монастыря, служат фиксацией ушедших форм старого быта и что немаловажно, в силу простого и удобного ведения бухгалтерского учета позволяют работать историкам с такими документами и вносить свой вклад дополнительного освещения в историографии новых источников.

ПОКАЗАТЕЛИ ПРИХОДА И РАСХОДА МОНАСТЫРСКИХ СУММ
ЗА 1883,1886-1890,1892-1897,1900 ГОДЫ

в рублях

Выдача жалования	Ремонт и разные расходы (без продуктов)	За сдачу в наем помещений и аренду земли	Кошельковый и кружечный сбор	Расход на приобретение свечей	Приход от продажи свечей	
254,65	1147,94	7672,0	38,70	нет сведений	765,50	1883
423,94	8913,58	10555,90	88,30	143,73	1082,0	1886
431,78	4574,96	14413,80	93,55 129,68	нет сведений	1159,30	1887
771,56	4917,29	13827,23	129,14 212,67		1747,15	1888
754,0	1546,02	14075,80	125,78 154,87		1337,25	1889
684,0	1754,75	13045,44	162,76 35,65		1256,25	1890
296,0	776,25	11768,80	162,76 35,65		1569,0	1892
158,20	436,34	11768,80	147,83 327,30		1742,50	1893
281,39	2083,59	15464,93	259,01 311,75		2000,0	1894
740,37	3540,35	18354,18	275,43 594,77		1999,67	1895
474,0	2127,30	14583,44	284,61 528,35		2314,23	1896
1087,90	10183,58	18693,94	313,15 285,53		2495,84	1897
1973,35	5132,0	16818,90	291,17 194,42	2942,21	1900	

ПОКАЗАТЕЛИ ПРИХОДА И РАСХОДА МОНАСТЫРСКИХ СУММ
ЗА 1857-1858,1868-1871,1873-1878,1880,1882 ГОДЫ

в рублях

	1857	1858	1868	1869	1870	1871	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1880	1882
Приход от продажи свечей	137,79	нет сведений	488,18	524,54	456,75	463,50	640,50	713,50	612,0	643,50	562,50	633	723,0	808,0
Расход на приобретение свечей	199,78	116,30	121,18	157,54	178,92	109,10	158,0	210,0	135,0	187,0	192,0	188,50	122,45	201,60
Кошельковый и кружечный сбор	53,53	нет сведений	94,39	201,19	103,01	117,72	239,29	276,77	99,62	103,66	115,26	504,73	416,68	17,60
За сдачу в наем помещений и аренду земли	-	-	1489,0	3028,81	5203,50	4861,0	5115,0	4271,0	6304,58	6492,80	4666,50	4533,0	6117,45	6064,66
Ремонт и разные расходы (без продуктов)	-	20,25 – рытье колодца	2383,39	3230,½	4652,78	5270,82	753,54	639,05	6812,56	6011,61	5138,94	5507,08	5525,66	6512,69
Выдача жалования	51,35	52,67	51,35	нет сведений			175,30	302,0	нет сведений					

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Бабинов Ю.А. Херсонесский Свято-Владимирский монастырь и раскопки древнего Херсонеса // Крымский архив. 1999. № 5. С.38-45.; Катунин Ю.А. Монастыри Крыма в XIX-XX веках // Симферополь. 2000.; Крестьянников В. Взаимоотношения Военного ведомства и монастырей при строительстве крепости «Севастополь» // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Сборник научных докладов. 2003. С.103.; Шевякова Д.П. Роль архиепископа Иннокентия, великого князя Константина Николаевича и контр-адмирала Бутакова в сооружении храма Владимира в Херсонесе // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Сборник научных докладов. Севастополь. 2003. С.106-113.
2. ГАГС, ф.19, оп.1, д.5.
3. ГАГС, ф.27, оп.1, д.5, лл.19об.-20.
4. Крымский вестник, 1897, 02.04.
5. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.242.
6. ГАГС, ф.19, оп.1, д.50, л.5.
7. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, лл.10,19,32, д.505,19,30.
8. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.87.
9. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.89, 16об.,66об., 85об.90.
10. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.72.
11. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.83.
12. ГАГС, ф.19, оп.1, д.49, л.3.
13. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.93.
14. Там же. д.25, л.2.
15. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.7.
16. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.46.
17. ГАГС, ф.19, оп.1, д.22, л.15, д.50, л.41.

18. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.131.
19. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.33.
20. ГАГС, ф.19, оп.1, д.5, л.12об.
21. ГАГС, ф.19, оп.1, д.25, л.2.
22. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.87.
23. ГАГС, ф.19, оп.1, д.5, лл.11,15.
24. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.95.
25. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.87.
26. ГАГС, ф.19, оп.1 д.29, л.5об.
27. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, лл.17,53.
28. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, лл.147,175,181,187
29. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, лл.17,53,63.
30. ГАГС, ф.19, оп.1, д. 47, л.43.
31. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.39,147.
32. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.29.
33. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.40.
34. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.28.
35. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.126.
36. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.108.
37. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.131, д.47, л.28.
38. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.127.
39. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.28.
40. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.85.
41. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.84.
42. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.70, д.57, лл.163,199.
43. ГАГС, ф.19, оп.1, д.66, л.2.
44. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.70, д.58, л.2.
45. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.14, д.47, л.5.
46. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, лл.5,37.
47. ГАГС, ф.19, оп.1, д.37, л.47.
48. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.13об.
49. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.173.
50. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.173.
51. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, л.211.
52. ГАГС, ф.19, оп.1, д.50, л.109.
53. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, лл.91,89.
54. ГАГС, ф.19, оп.1, д.47, лл.82об.,224об.
55. ГАГС, ф.19, оп.1, д.26, лл.25об.,28.
56. Катунин Ю.А. Указ. соч. С. 108.
57. ГАГС, ф.19, оп.1, д.25, л.2об.
58. ГАГС, ф.19, оп.1, д.66, л.39.
59. Крестьянников В.В. Указ. соч. С. 103.
60. Там же.
61. ГАГС, ф.19, оп.1, д.5.
62. ГАГС, ф.19, оп.1, д.22.
63. Там же.
64. Там же.
65. ГАГС, ф.19, оп.1, д.43, л.18.
66. ГАГС, ф.19, оп.1, д.62, л.114.
67. ГАГС, ф.19, оп.1, д.64, л.10.

**ПОСЕЩЕНИЕ НИКОЛАЕМ I СЕВАСТОПОЛЯ
И ПОРТОВ ЧЕРНОГО МОРЯ В 1837 ГОДУ
(К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
АДМИРАЛА М.П.ЛАЗАРЕВА И ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I)**

Черноусов А.А.

Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

В сентябре 2006 года исполнилось 170 лет со дня посещения императором Николаем I Севастополя. Традиционно считается, что начало преобразований города и флота положено именно адмиралом М.П.Лазаревым. Однако никто не рассматривал роль Николая I в проводимых реформах, хотя очевидно, что инициатива по преобразованиям такого масштаба должна была исходить от императора. В этой связи интересно рассматривать преобразование города и флота в контексте взаимоотношений М.П.Лазарева с императором. Этой проблемы ученые вообще не касались.

Есть основания полагать, что личностный контакт М.П.Лазарева с Николаем I установился после 1830г., когда герою Наваринского сражения император поручил расследование пожара на корабле «Фершампенуаз». Этот корабль, возвращаясь из-за границы, сгорел при входе на Кронштадтский рейд. На нем находились документы с отчетами об истраченных суммах по управлению эскадрой за 5 лет. Произведя «строгое исследование», Лазарев установил, что пожар произошел из-за неосторожного обращения с огнем и, несмотря на уверенность императора в том, что произведен поджог с целью скрыть хищения, отстоял свою версию и дал понять императору, что оскорблен недоверием с его стороны.[1] В то время немногие могли позволить себе так независимо разговаривать с императором, и, возможно, поэтому молодой адмирал обратил на себя внимание государя.

Вероятно, этот факт, помимо прочего, определил решение императора о назначении Лазарева начальником штаба, а в последствии и Главным командиром Черноморского флота и портов, военным губернатором Николаева и Севастополя. Император знал, что на Черноморском флоте сложилась тяжелая обстановка в связи с коррумпированностью флотского руководства, что привело к упадку флота и потере им боеспособности. Флот необходимо было восстанавливать, Севастополь строить как крепость и полноценную базу флота, для чего нужны были огромные финансовые вложения, которым при скудости государственной казны необходимо было обеспечить целевое использование. Поэтому можно предположить, что Лазарев был назначен на эту должность как человек, в чьих личных и организаторских качествах император не сомневался. 28 февраля 1832г. М.П.Лазарев в письме А.А.Шестакову писал: «... я, сверх всякого чаяния и в особенности против желания моего, назначен начальником штаба Черноморского флота. Как кн. Меншиков и другие ни старались назначение сие переменить, но не удалось...».[2]

Можно предположить, что именно поддержка императора обеспечила Лазареву успешность в борьбе с коррупцией на Черноморском флоте (не имевший такой поддержки капитан 1 ранга А.И.Казарский при попытке вскрыть злоупотребления на флоте был просто отравлен).

Необходимо отметить, что резкое увеличение финансирования Черноморского флота и Севастополя происходило на фоне сокращения военного бюджета. Так, если в 1835г. он составил 213.407.003 рублей, то в 1836г. всего 179.000.000 рублей. Военный министр Чернышев докладывал императору, что «...усиленными мерами способы сокращения смет доведены до крайних пределов», а по России в целом «по собственному удостоверению Министра Финансов, запасы капиталов оборотных и особенных совершенно оскудели... сборы поступают с такой неисправностью, что правительство решилось во многих местах ввести военные экзекуции».[3] 17 сентября 1836г. произошла встреча Лазарева с императором в Чембаре, после чего Морскому ведомству было выделено 6 миллионов рублей (2-на строительство адмиралтейства в Севастополе и 4-на кораблестроение)[4], а также на

строительство укреплений Севастополя на 1837г. был выделен 1 миллион рублей (в 1836г. около 100 тыс.).[5] И это на фоне сокращения военного бюджета на 16%!

Все это говорит о том, что Николай понимал стратегическое значение Севастополя и уделял его развитию пристальное внимание.

В 1837 году Николай I совершил путешествие по России. Вполне естественно, что он не мог не осмотреть город, который стремился развивать, и флот, куда выделялись огромные финансовые средства. В плане путешествия было посещение Николаева и Севастополя, осмотр только что построенной Черноморской береговой линии на Кавказе. О приезде императора и плане поездки Лазарев был извещен еще в апреле 1837г. и ознакомившись с планом с возмущением писал: «... видно те, кто составляли оный (маршрут-А.Ч.) не спросили Главного то Хозяина, который ветрами управляет и назначено время на переплытие по морю аки по суху!».[6]

К визиту императора Лазарев готовился очень тщательно «... столько нужно приготовлений, что не знаю, как и следить» писал он.[7]

Прибыв в Николаев 5 сентября 1837г. (здесь и далее все даты приводятся по старому стилю), император произвел смотр сухопутных войск и осмотрел адмиралтейство. «Смотр сухопутных войск в Николаеве его прогневал, но адмиралтейство порадовало!» писал позже М.П.Лазарев (в 1837 г. вице-адмирал) своему другу А.А.Шестакову.[8] Император был приятно удивлен уровнем мастерских, а также качеством изделий. На стапелях стояли пять кораблей, готовых к спуску, которые по приказанию императора были торжественно спущены на воду. Также 5 сентября императором был утвержден фасад, план и профиль Владимирского собора по проекту архитектора К.А.Тона, который планировался к постройке на Херсонесе. Но в 1842г. по ходатайству Лазарева строительство перенесено на центральный городской холм, а строительство начато в 1848г.[9]

9 сентября царская фамилия отправилась из Одессы в Севастополь на пароходе. М.П. Лазареву, как генерал-адъютанту и Главному командиру Черноморского флота и портов, было приказано находиться при особе императора.

План пребывания императорской фамилии в Севастополе предусматривал:

– 10 сентября 1837г. - прибытие, осмотр Александровского, Константиновского, Николаевского укреплений, доковых работ.

– 11 сентября - смотр 2-х пехотных дивизий, госпиталя, строящейся казармы.

– 12 сентября - смотр флота на рейде, туннеля и водоводного канала. (В это время в Севастополе шли интенсивные работы по строительству корабельных доков. Для наполнения доков пресной водой был предусмотрен канал от реки Черная. По гористой местности канал проходил через три туннеля и 6 акведуков, общая длина канала составляла около 18 км.)

– 13 сентября - отъезд в Бахчисарай.[10]

Главной целью посещения Севастополя императором было ознакомление с состоянием Черноморского флота и крепости, состояние доковых работ и адмиралтейства.

10 сентября в 7 часов утра флот встречал государя в 20 милях от Севастополя. Были проведены разные маневры под парусами. Император остался очень доволен внешним видом и подготовкой Черноморского флота. В этот же день пароход с царской фамилией на борту, а за ним и весь флот вошли в Севастополь. Смотр был назначен на 12 сентября, но по причине шторма с проливным дождем был отложен на следующий день, чем Лазарев был очень раздосадован и позднее писал, что «... в ожидании и перемочили всех напрасно...».[11] 13 сентября весь флот в 30 вымпелов был собран на Севастопольском рейде. Николай I с большой свитой на малом военном пароходе «Северная звезда» обошел строй кораблей. Он посетил многие корабли и остался чрезвычайно доволен. В тот день царем было вручено около 250 наград. Сам Михаил Петрович Лазарев был награжден орденом Св. Александра Невского. Не имея под рукой в готовности орденской ленты, Николай I снял ленту с Начальника Главного Морского штаба князя А.С.Меньшикова и надел на М.П.Лазарева. Об этом Михаил Петрович писал А.А.Шестакову: «Поверь ты мне, что какие бы красивые ленточки и украшения на меня не надели, ничто бы на меня не имело особенного влияния, потому, что, не будучи воспитан при дворе, я не привык

красоваться ими; но приятно было то, что государь нашел все в том виде, в каком ему хотелось и в каком мне хотелось».[12]

Однако, оставшись довольным состоянием флота, император, очевидно, не был удовлетворен состоянием города. Этот вывод можно сделать по отдельным воспоминаниям очевидцев и тому, что после отъезда императора началось бурное строительство города. Со времени основания Севастополя в городе был известен район на центральном городском холме, населенный, как писали современники, «сбродным сословием», который получил название «Хребет беззакония». М.Лазарев писал: «В Севастополе лучшая часть города, именуемая «Хребет», выходящая к рейдовой бухте и к морю... с давнего времени заселена мелкими частными домиками, хижинами, неправильными, безобразными, без плана улиц и без фасадов. Строения эти ... крайне поражают взор бедностью, неопрятностью дворов и неприличием их вида...».[13] В литературе стало расхожим мнение, что инициатива по сносу «Хребта беззакония» принадлежит Лазареву, однако это не так. Современник Лазарева Закревский вспоминал, что указание на это дал император Николай I: «В 1837 году, при посещении Севастополя Августейшей фамилией, ... Император Николай Павлович, взойдя на Графскую пристань, ... взглянув на Хребет беззакония - остановился и, не обращая ни к кому спросил: «что это?» Адмирал Лазарев, которому следовало бы отвечать, не придумал ответа на царский вопрос, но капитан 1 ранга Польской, стоя в стороне - ответил: «Хребет беззакония Ваше Величество!» Государь сделал движение рукой, как будто хотел столкнуть лачужки с хребта - сказал, ни к кому не обращаясь: «срыть долой».[14]

После осмотра Севастополя, Император признал нужным отменить использование для работ по каменной ломке в Инкермане нижних чинов 5-го пехотного корпуса и поручил Новороссийскому и Бессарабскому Генерал-губернатору для производства этих работ взамен солдат сформировать несколько рот по образцу арестантских из цыган Таврической губернии.[15]

При проведении смотра пехотных дивизий выяснилось, что в Модлинском пехотном полку большое количество заболевших Крымской лихорадкой, значительное количество которых умирает. По просьбе медиков, император повелел больных освободить от работ, давать вино, сбить с перцем, отвар из саго, закупить хинную соль, а работающим выдавать ежедневные винные и мясные порции.[16]

Такое отношение к людям со стороны императора, получившего в народе прозвище «Палкин», очень интересно. Обращает на себя внимание и тот факт, что в сохранившихся документах нет упоминания о том, что Николай I за время пребывания в Черноморских портах кого-либо наказал. Даже священника севастопольской церкви, грубо нарушившего ритуал литургии в присутствии высочайших особ, император распорядился не наказывать.[17]

Осмотрев город, строящиеся доки, казармы, госпиталь император убыл на пароходе в Ялту, свита же отправилась берегом.

Следующим пунктом посещения в плане путешествия императора значилась только что построенная Черноморская береговая линия на кавказском побережье. Она представляла собой непрерывную цепь укреплений по побережью. Однако еще на этапе планирования путешествия в высшем руководстве возникли разногласия по поводу места высадки императора. Первоначально планировалась высадка императора в Потти. Лазарев, получив об этом сообщение, через Начальника Главного Морского Штаба предложил императору в качестве пункта высадки Редут-Кале, мотивируя это тем, что при юго-западных ветрах и там и здесь фарватеры заносятся песком, так, что пройти невозможно; но в Потти продолжается это до 5-6 суток, тогда как у Редут-Кале течением реки фарватер очищается в одни сутки.

Следуя совету Лазарева, император принял решение высаживаться в Редут-Кале, несмотря на то, что командир Отдельного кавказского корпуса генерал-адъютант, генерал, барон Г.В.Розен настаивал на высадке императора в Потти, аргументируя тем, что, корабли в Потти могут подойти ближе к берегу, укрепление Редут-Кале предполагалось оставить

и все военные принадлежности были уже перемещены в Потти, а также тем, что опасность нападения горцев в Редут-Кале выше.[18]

Дальнейшее путешествие сам Лазарев описывал так: «Из Севастополя в Ялту, из Ялты в Геленджик (все на том же пароходе). В Геленджике выстояли 2-х дневные жесточайшие штормы. Государь успел съехать на берег, откуда было еще тихо, но обратно приехать на пароход не мог и ночевал на берегу. Из Геленджика в Анапу и в Керчь. Из Керчи вдоль Абхазского берега в Редут-Кале где 27-го Сентября сквозь сильный на боре бурун высадили Государя благополучно и проводили далее на Кавказ; сами же возвратились к 29-му в Севастополь а 1-го в Николаев. 3-го Князь (Начальник Главного Морского штаба князь А.С.Меньшиков- А.Ч.) уехал в Петербург, а мы покамест припеваючи отдыхаем!».[19]

В Редут-Кале Николай пожаловал экипажам пароходов «Северная Звезда» и «Громносец», участвовавшим в перевозке императорской фамилии, за высокий уровень подготовки, четкость и слаженность действий 3000 рублей.[20]

Затем император провел совещание с генерал-лейтенантом Вельяминовым, генералом Розеном, князем Меньшиковым, вице-адмиралом Лазаревым по вопросу о действиях в будущем 1838г. по занятию восточного берега Черного моря. По результатам совещания Николай 1 принял решение: «1. Осеннюю экспедицию в землю натухайцев для разорения их земель вовсе не предпринимать... а вместо того принудить их к покорству прекращением нынеже продажи им соли, как необходимой жизненной потребности, без которой они обойтись не могут, и которую им иначе, как от нас достать нельзя.

2. за тем предпринять экспедицию только вдоль морского берега для построения в удобных к тому местах укреплений, долженствующих препятствовать контрабандным судам приставать к Черкесскому берегу.

3. экспедицию сию произвесть морем, а не сухим путем...».[21]

После Редут-Кале император продолжил свое путешествие по России.

Внимательно рассмотрев обстоятельства путешествия императора, можно сделать следующие вывод, что Лазарев был назначен на должность как человек, способный реализовать задуманные Николаем масштабные преобразования на юге России. Император, понимая стратегическое значение Черного моря для России, поставил главную задачу на развитие Черноморского флота и портов Черного моря, предоставив Лазареву самому решать частные задачи. Николай 1 внимательно следил за преобразованиями и живо интересовался результатами деятельности Лазарева, практически ни одно его предложение не было отклонено, если только это не было связано с отсутствием финансовых средств.

Посещение императором Севастополя дало существенный толчок к развитию города и флота. Фактически началась перестройка всего города. Спустя короткое время был разработан Генеральный план строительства города, по сути – концепция развития, которая во многом определила современный вид города, а адмирал Лазарев вошел в историю Севастополя как один из его великих строителей.

Примечания

1. Хрипков А. Рассказы об адмирале Лазареве// Р.А., № 2, 1877. С.474.
2. Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г.Красный Смоленской губернии // Морской сборник, 1918, №2-3. С.110-112.
3. Записка военного министра гр. Чернышева «О сокращении бюджета военного министерства на 1836г»// РГВИА Ф.970, оп.2. Д.96, - Л.11-12, 23.
4. Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной. Геополитика и стратегия. СПб, 2003. С.14.
5. Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997. С.80-82.
6. Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г.Красный Смоленской губернии // Морской сборник, 1918, № 7-8. С.120.
7. Там же. С. 121.
8. Там-же. С. 124.
9. Апошанская М.П. Собор Святого равноапостольного князя Владимира- усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского Флота. Симферополь.: Бизнес-Информ, 2004. С. 14-15.

- 10.РГВИА Ф.970, оп.1, д. 166. Л.153.
- 11.Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г.Красный Смоленской губернии // Морской сборник -1918, №7-8. С.124 .
- 12.Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г.Красный Смоленской губернии // Морской сборник -1918, № 7-8. С.124 .
- 13.История города- героя Севастополя 1783- 1917. Под ред. Найда С.Ф.. Киев: Изд-во АН УССР, 1960. С. 92.
- 14.Закревский Н. Записки врача морской службы// Морской сборник, 1861г. №4. С.311.
- 15.РГВИА Ф.970, оп.2 д.158 Л.8 -8об.
- 16.Там же. Л. 1-4.
- 17.РГВИА Ф.970, оп.2, д.144. Л. 21.
- 18.РГВИА Ф.970, оп.1, д.166. Л.37.
- 19.Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г.Красный Смоленской губернии // Морской сборник, 1918, №7-8. С.125.
- 20.РГВИА ф.970, оп.1,д.166. Л.199.
- 21.РГВИА Ф.970, оп.2, д.170 Л.1-4.

III НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**СЕВАСТОПОЛЬ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ. 1942-1944 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ
СИМФЕРОПОЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ «ГОЛОС КРЫМА»)**

Задорожная Н.Ф.

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя

В оккупированном гитлеровцами Крыму в 1941-1944 гг. выходило 7 печатных изданий:

1. «Феодосийский вестник».
2. «Евпаторийские известия».
3. «Земледелец Тавриды».
4. «Дойч Крым-Цайтунг» («Крымская немецкая газета») – на немецком языке.
5. «Азамат Крым» («Свободный Крым») – на татарском языке.
6. Журнал «Современник».
7. Ведущим печатным изданием была газета Горуправы Симферополя «Голос Кры-

ма».

Газета выходила на русском языке с 12 декабря 1941 г. по 8 апреля 1944 г. – 338 номеров. С июля 1942 г. она становится общекрымской газетой. В 1943 г. ее тираж вырос с 5 тыс. до 80 тыс. экземпляров.

Редакция, размещавшаяся на ул. Салгирной д. 26, получала заказы на подписку из Франции, Болгарии, Германии.

Это было прогерманское, профашистское издание, служившее целям установления и укрепления «нового порядка» в Крыму.

Для меня, как исследователя, тема «Севастополь в период оккупации 1942-1944 гг.» интерес представляют 3-я и 4-я полосы газеты, где печатались материалы рубрики «Жизнь Крыма», приказы, распоряжения оккупационных властей. Они дают возможность выявить хотя бы отрывочные сведения о жизни оккупированного Севастополя и Балаклавы.

Июльские номера 1942 г. – это эпофеос победы генералу Манштейну под Севастополем. Газета за 1 и 2 июля публикует «Особые сообщения из главной квартиры фюрера», сводки, количество военнопленных, телеграмму фюрера Манштейну о присвоении ему звания фельдмаршала:

«Главнокомандующему Крымской Армией ген-полковнику фон Манштейну. В ознаменование Ваших особенных заслуг, нашедших свое достойное завершение уничтожением противника под Керчью и взятия сильнейшей Севастопольской крепости в победоносных боях на Крымском полуострове, я произвожу Вас в генерал-фельдмаршалы. Производством Вас в ген-фельдмаршалы и учреждением почетного знака для всех боровшихся на Крымском полуострове... отмечаю я перед всем германским народом героические достижения сражавшихся под Вашим командованием войск. Адольф Гитлер».

Стремясь втянуть Турцию в войну на своей стороне, придать взятию Манштейном Севастополя большую значимость Гитлер привлекает внимание дипломатов, военачальников, корреспондентов зарубежных изданий, приглашая их посетить Крым и Севастополь.

Июльские, августовские номера сообщают о посещении Севастополя гостями: «4 июля в Симферополь по приглашению Верховного командования прибыла группа иностранных корреспондентов с целью личного ознакомления с блестящими результатами боев под Севастополем, т.к. Московское информбюро... всячески старается принизить значение взятия этой крепости. Под руководством немецких офицеров, участников боев под Севастополем представители итальянской, японской, турецкой, французской, греческой, словацкой, датской, финской, аргентинской, шведской, испанской прессы осмотрели места боев и ознакомились со всеми фазами военных действий под Севастополем...»

5 июля иностранные гости провели в Севастополе и его окрестностях, а рано утром 6 июля вылетели на самолете обратно в Берлин, чтобы сообщить мировой общественности о том, «что они видели» (газета «Голос Крыма» 8 июля 1942 г.).

14 августа 1942 г. газета публикует редакционную статью «Посещение Крыма турецкими деятелями». «...В конце июля в Германию прибыла делегация из 6-ти турецких представителей... Все делегаты принадлежат к влиятельнейшей в Турции группе общественных деятелей – сторонников турецко-германской дружбы...

...8 августа делегация отбыла в Севастополь, где подробно осмотрела город и весь прилегающий к нему огромный район бывшей Севастопольской крепости... Делегация имела случай убедиться не только в исполинской мощи германского оружия, но и в явной лживости советских утверждений о неподготовленности Севастополя к обороне со стороны суши...

...9 августа турецкие гости отбыли ... в Будапешт...».

Из июльских же номеров газеты мы узнаем о посещении Севастополя Румынским королем Михаем I и о награждении им фон Манштейна Орденом Михаила Храброго II ст.

В настоящем сообщении хотелось бы хотя бы конспективно показать, как отражена жизнь оккупированного Севастополя, Балаклавы в газете «Голос Крыма». Это можно проследить по рубрике «Жизнь Крыма», по обзорным и проблемным статьям городского головы Супрягина, зав. отделом здравоохранения горуправы Севастополя О.Л. Леденевой, зав. отделом просвещения и культуры Н. Бачурского, отдельных корреспондентов газеты, бывавших по заданию редакции в Севастополе.

О работе предприятий города говорят только короткие строки хроники: «Открылась фабрика искусственных минеральных вод» - 21.04.1943 г.

«Начал работать мраморный завод городской управы, изготавливающий памятники из местного розового мрамора, чернильные приборы и пепельницы с видами Севастополя. Возобновляется добыча мрамора из карьеров у д. Кадыковка и в Мраморной балке...».

25.04.1943 г.: «Балаклавские рыбаки начали заготовку дельфиньего жира для мыловаренного завода».

«Рыбацкая община готова к весенней путине. 26 апреля сдан первый успешный улов...».

«Ремонтно-строительная контора горуправы произвела крупные работы в бывшем военном городке на Пироговке... Подготавливается ремонт Покровского собора» и т.д.

Публикации газеты дают представление и о развитии торговли, сельского хозяйства, о здравоохранении, работе школ, Севастопольской почты, о культурной жизни оккупированного города.

8 марта 1944 г. в разделе «Хроника» газета сообщала: «В Севастополе имеется 112 кустарно-промысловых предприятий, охватывающих 33 профессии. Имеются портные, сапожники, фотографы и т.д...».

25.05.1943 г. при Горуправе Севастополя создан отдел торговли. В начале своей деятельности он имел 1 розничную торговую точку, в феврале 1944 г. – 4 магазина, 1 ларек кондитерских изделий и 2 хлебопекарни, 1 столовую закрытого типа. За это время месячный оборот вырос в 2,5 раза.

25.02.1944 г. газета сообщала «Городская торговля Севастополя представлена 6 купеческими торговыми фирмами, преимущественно фруктово-овощными и бакалейными, расположенными на городском базаре».

С 1 января 1943 г. разрешена торговля на рынке частным лицам. Газета публикует нормы денежного сбора за право торговать: от 5 руб. (для кустарей, продающих изделия своего производства) до 30 руб. – для торговли с весов продуктами сельского хозяйства и дровами.

Специальным постановлением полиции от 8.02.1943 г. запрещалось заниматься торговлей детям. «Дети в возрасте до 16 лет... будут задерживаться, а обнаруженные у них товары – конфисковываться.

Родители этих детей за допускаемую безнадзорность будут подвергаться штрафу до 500 руб. или аресту до 10 суток». (Газета «Голос Крыма» 8.02.1943 г.).

Специальным распоряжением Германского командования в Крыму категорически запрещалось немецким офицерам и солдатам что-либо продавать или покупать на рынке.

Газетные публикации отмечают высокие, спекулятивные цены в Севастополе. На 1-7.01.1943 г.:

Можара плохих дров – 1,5-2 тыс. руб.;

Пальто мужское – от 500 до 600 руб. иногда до 1.400 руб.;

1 кг сала – 1 тыс. руб.;

1 кг пшеницы – 80-100 руб.;

1 десяток яиц – от 150 до 200 руб.;

Буханка хлеба – 20 руб. и т.д.

Средняя зарплата работающего составляла 250 руб.

Публикации газеты «Голос Крыма» и объявления, распоряжения, извещения, печатавшиеся в основном на 4-й полосе, дают возможность представить и схему работы Севастопольской почты.

Она состоит в следующем:

Во всех деревнях и городах Крыма работало более 30 почтовых отделений.

21 апреля 1943 г. открыто почтовое отделение при Горуправе Севастополя, а с июня 1943 г. – городская почта.

Почту развозили и собирали разъездные почтовые работники. Два раза в неделю они ездили по линии Симферополь-Джанкой-Керчь-Евпатория-Симферополь-Севастополь. По пути они обслуживали все почтовые пункты.

С июня 1943 г. почта в Севастополь приходила по ж/дороге по вторникам в 6 час. 30 мин. Здесь ее встречали уполномоченные связи при железнодорожной станции.

Восхваляя немецкий «новый порядок», газета публикует хвалебные материалы о состоянии здравоохранения Севастополя. В номере от 13.12.1942 г. газета публикует отчетный доклад зав. отделом здравоохранения Севастопольской горуправы О.Л. Леденевой. В нем интересные цифры:

В июне 1943 г. в полуразрушенном здании школы № 14 организована больница для гражданского населения. На 200 коек – 4 отделения, в ней работали 35 медиков. Сообщается об оборудовании при больнице душевых, бани, рентгенкабинета, аптеки. Называются цифры: «За февраль 1943 г. больница приняла 205 человек, произведено 45 операций, принято 10 родов... Рентгеновский кабинет пропустил 281 больного Аптека отпустила 4130 рецептов. ...Медиками Севастополя проведено 4 научные конференции, на которых выступили профессор Славский, хирург Липкин и др. ...»

Для амбулаторной помощи в городе открыты 3 поликлиники и 2 амбулатории (на Северной стороне и в Инкермане)...» - (газета «Голос Крыма», 13.12.1942 г.).

Несколько ранее официальный отдел опубликовал «Порядок пользования бесплатной медицинской помощью работающих в предприятиях».

Работа севастопольских школ нашла широкое отражение на страницах газеты «Голос Крыма». Из публикаций газеты стали известны следующие сведения:

Новый учебный (1942-1943 гг.) год начался в ноябре 1942 г. и закончился 14 июля 1943 г. Всего в Севастополе работали 4 школы (две – десятилетки, одна – семилетка, одна – начальная). Обучалось 767 учащихся. Общий процент успеваемости 87,54%. 106 учащихся получили похвальные грамоты. В работе школ участвовали 48 преподавателей, из которых 25 – с высшим образованием, 3 – незаконченным высшим, 17 – со средним образованием.

С 26 мая во всех школах проходили экзамены. Характерно, что ежегодно, начиная с 4-го класса, учащиеся должны были сдавать экзамен по немецкому языку.

Газета за 2.01.1944 г. сообщала о новой программе по литературе для учащихся 8-10 классов. Убраны из программы Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, В. Писарев. Введено изучение проповедей Серапиона Владимирского, «Вечернее размышление о Божьем величии» М. Ломоносова, «Бог» Г. Державина, поэтов Фета, Тютчева, Майкова, Полонского, А.К. Толстого. Самостоятельной темой введен Достоевский, подробно разбирается творчество поэтов К. Бальмонта, В. Брюсова, Н. Гумилева, А. Ахматовой.

И еще один штрих к работе школы. В газете за 1.12.1942 г. дается объявление Горуправы Симферополя, в котором учащимся настоятельно предлагается «в 10-ти дневный срок сдать в полицию все имеющиеся у них учебники, учебные пособия и карты советского периода...». Освобожденные от понятий о совхозах, колхозах, комсомоле, от всего советского учебники были возвращены учащимся для занятий. Школа должна была воспитывать верно-подданных Германии свободных от идей социализма.

Отдельные публикации газеты дают представление и о культурной жизни Севастополя.

4.02.1942 г.: «Открыт общедоступный городской театр, в котором в дни рождественских праздников успешно выступали перед школьниками цирковые артисты и состоялся ряд концертов камерного ансамбля...».

Газета за 4.02.1943 г. сообщает также о концертах артистов Симферопольского театра: 25.04.1943 г. – об организации по воскресным дням бесплатных литературных вечеров.

15.03.1944 г. в газете опубликована заметка «Пушкинские дни в Севастополе».

«...107-ую годовщину со дня смерти русского поэта А.С. Пушкина Севастопольский городской театр отметил концертом-спектаклем из произведений поэта. ...В программу вошли две сцены из трагедии «Борис Годунов», арии и дуэты из опер «Евгений Онегин», «Русалка», «Пиковая дама», «Руслан и Людмила», а так же несколько поэм и стихов поэта. До начала концерта с докладом «Жизнь и творчество А.С. Пушкина» выступил зав. отделом просвещения Горуправы г-н Бачурский...».

По воскресеньям в театре проводились лектории для молодежи, на которых выступали представители Германского командования, добровольцы из РОА, бывшие перебежчики из Красной Армии, демонстрировались документальные фильмы о Германии, военная хроника и т.д.

Таким образом и через театр Германское командование проводило свои идеи нацизма.

Свою идеологическую политику оккупационные власти проводили и через передачи по радио. Газета публиковала программы передач. Вот одна из них:

«22.03.1943 г. Понедельник.

6.15 – Последние известия. Сводка Верховного командования;

14.30 – Обзорение «С микрофоном по свету»;

15.45 – Последние известия;

16.00 – Передача из цикла «Победа Германии – свобода народов России»;

18.00 – Сводка Верховного Германского командования;

18.30 – Политический фельетон;

19.35-21.00 – Концерт.

Дважды по радио выступал певец П. Лещенко. Офицер Румынской армии, он принимал участие в боях в Крыму, на Перекопе. Газета пишет: «После ряда прекрасно исполненных песен на румынском языке он спел несколько новых – на русском языке».

В газетах «Голос Крыма» за 1943 г. есть два сообщения о работе Севастопольских музеев:

25.01.1942 г.: «Директор Херсонесских раскопок археолог г. Тахтай заканчивает подготовку музеев Херсонеса к весеннему экскурсионному сезону. Феодальный отдел готов к обзорению посетителей... Пересмотрен путеводитель по этому отделу... При последних раскопках найден ажурной работы наперстный крест и остатки лаковой посуды...».

21.04.1943 г.: «...В Севастополе учреждается городской музей. Центральным отделом музея будет отдел «Возрождающийся Севастополь», в котором намечено отразить всю работу учреждений, организаций и отдельных лиц по восстановлению города.

Материалы музея послужат базой для будущей выставки, намеченной к открытию в годовщину освобождения города от большевиков – 1 июля 1943 г. Городская управа возбудила вопрос о восстановлении здания Музея обороны Севастополя. Часть здания отводится под городской Музей». Было ли это осуществлено – необходимо исследовать.

В своем выступлении я очень конспективно осветила жизнь оккупированного гитлеровцами Севастополя по материалам газеты «Голос Крыма». Но даже эти краткие данные свидетельствуют, что немецкая газета Горуправы Симферополя «Голос Крыма» при внимательном и аналитическом изучении ее публикаций служит источником по освещению наиболее неизученного периода истории Севастополя – периода временной оккупации 1942-1944 гг.

**ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИТУАЦИИ В РОССИИ**

Иванов К.В.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Послания президента как форма связи между законодательным собранием и главой государства имеет глубокие традиции не только в российской практике, но и в мире. Одной из древнейших и относительно аналогичных парламенту структур в России можно считать Боярскую Думу. Боярская Дума структура совещательная, а потому присутствие на заседании правителя государства, было хоть и не обязательным, но вполне естественным. Обращение государя к Боярской Думе были нередким явлением и являлись инструментом направления работы этого органа в необходимое русло. Аналогичной была ситуация и в Сенате. Петр I и Екатерина II довольно часто обращались к Сенату с определенными "посланиями", хотя обязательность такой формы связи не была обозначена законом, а диктовалась скорее обычным правом. Обращения императора к дворянскому собранию, т.е. дворянству как носителю и опоре власти были при каждом восшествии на престол и при особо важных событиях в стране. Обращался император и к Государственной Думе начала XX века. Обращения не были регулярными, но в то же время довольно частыми. В эпоху советской власти высшим органом власти был съезд Советов, а съезд партии оказывал не меньше влияние на внутреннюю и внешнюю политику СССР. Каждое заседание Съезда либо партии, либо Советов начиналось с речи Генерального Секретаря (или I секретаря партии). Автор вовсе не настаивает на точности проведенных аналогий уже потому, что созданное в соответствии с Конституцией 1993 г. Федеральное Собрание существенно отличалось по своим реальным полномочиям от всех совещательных, представительных, законодательных и т.д. структур в истории России. Таким образом аналогии условны, но тем не менее обращение Президента к парламенту не есть, с точки зрения автора, прямое заимствование западной модели, а имеет определенные исторические корни, имеет твердую историческую традицию в основе.

Первое послание Президенту Федеральному Собранию датировано 24 февраля 1994 г. Последующие послания за редким исключением выходили именно во второй половине февраля. Структура посланий практически неизменна.

Каждое послание разделено на несколько глав, например, "Обеспечение суверенитета, независимости и целостности", которые в свою очередь делятся на параграфы, например, в том же разделе "1.1 Экономический потенциал и будущее России"; "1.2 Федерализм и местное самоуправление" и т.д. Таким образом, послание Президента последовательно охватывается абсолютно на всех аспектах внутренней и внешней политики.

Все же выделим основные разделы в посланиях:

1. Экономические реформы, их ход, промежуточные результаты, обычно этот раздел содержит информацию о социальных аспектах реформы.
2. Законодательство и его совершенствование
3. Проблема федерализма, дальнейшее совершенствование системы органов местного самоуправления, проблема баланса власти и полномочий между центром и регионами
4. Гражданские права и свободы и развитие либеральных ценностей в России. Проблема гражданского общества и правового государства.
5. Взаимоотношение государственной власти и общественных институтов
6. Ориентиры в информационной политике и отношении Президента к СМИ
7. Политика в области науки, культуры и образования
8. Приоритеты в области оборонного строительства и национальной безопасности
9. Направления внешней политики

Таким образом, мы видим насколько широк спектр затрагиваемых вопросов. Последовательность этих вопросов меняется, что, видимо, отражает интерес Президента, акцентировать внимание парламентариев на определенных вопросах.

Центральной проблемой для Президента всегда остаются экономические реформы. Введение рыночной экономики и развитие ее институтов является главной для Президента задачей, это заметно по тому как часто Президент акцентирует внимание на этой проблеме в любом послании. Взаимоотношения с регионами по вопросам бюджетного финансирования, дефицит федерального бюджета, инфляция, финансовая система, приватизация – лишь немногие их тех проблем и вопросов, которые отмечает Президент в посланиях.

Законодательство и его совершенствование является второй наиболее часто затрагиваемой темой посланий Президента. Как и проблемы экономики, несовершенство законодательство красной нитью проходит через все послания и очень часто внимание парламентариев акцентируется на этой проблеме.

Дальнейшее строительство федерации, взаимоотношения центра и регионов и строительство совершенной структуры местного самоуправления также встречается в разных разделах посланий при критике уже достигнутого, при постановке задач и при формулировке долгосрочной концепции развития, то есть также является приоритетной, с точки зрения Президента, проблемой.

При формулировании выше описанных вопросов Президент формулирует основные задачи в русле либеральной концепции развития общества. Надо заметить, что в данном аспекте заметна определенная динамика. Чем ближе к 2000 г., тем больше заметно преобладание либеральных компонент при формулировке направлений во внутренней политике РФ. Наиболее показательным здесь является раздел гражданских прав и свобод, а также вопросов построения гражданского общества и правового государства. Можно сказать, что вышеперечисленные проблемы и вопросы служат цели именно построения в России гражданского общества, то есть послания сформулированы в русле концепции либерализма.

Оставшиеся разделы лишь служат развитию этой модели в Российской Федерации. С точки зрения Президента, большая роль отводится здесь общественным институтам и СМИ, а потому Президент всегда настаивает на свободе этих структур от вмешательства государства, естественно в разумных пределах.

Проблемы обороны и внешней политики всегда формируют отдельный раздел в посланиях. Как и в других главах наблюдается некоторая идеалистичность в формулировке задач и целей. Если при рассмотрении вопросов внутренней политики Президент более или менее трезво оценивает положение дел в стране, то в вопросах внешней политики, а особенно относительно положения России на международной арене, слова Президента, на взгляд автора, не соответствуют сложившейся обстановке. Президент отталкивается от того, что Россия сохраняет положение сверхдержавы.

Если говорить о социальной составляющей, то информативность посланий также весьма и весьма высока. Некоторая сложность заключается в разрозненности информации. В отличие от других компонент: власть и экономика, военная реформа, инвестиции и внутренний рынок, послания не содержат сконцентрированной информации по социальной проблематике, за редким исключением. Однако, социальная составляющая содержится абсолютно во всех разделах посланий, что делает их весьма важным источником при изучении социальной политики.

Начиная с первого послания (1994 г.) все большее и большее внимание Президента уделяется социальной политике и социальным последствиям экономической реформы. Именно так первоначально и подходили к проблеме социальной сферы – как составляющей экономической политики, то есть ей уделялась второстепенная роль. Однако удельный вес социальной составляющей увеличивается от послания к посланию. Наконец в 1997 г. Президент переходит от критики пережитков прошлой системы, точнее их отражения в социальной сфере, к постановке задач по их преодолению. «...уже в текущем году начать коренную реформу в социальной сфере».

Можно выделить несколько крупных разделов в социальных проблемах, привлекающих внимание Президента:

1. **Проблема государственной поддержки малоимущих слоев населения.** Резкая дифференциация доходов и массовое распространение бедности – именно эта сторона чаще всего упоминается Президентом в посланиях. Однако острее всего эта проблема встала в 1997 г. Президент в 1997 г. поставил перед парламентом и правительством задачу о реализации пенсионной реформы, которая разрабатывалась под давлением Президента с 1994 г.
2. **Жилищно-коммунальная сфера.** Программа разработана в 1997 г., а Президент поставил задачу завершить ее реализацию к 2000 г. Главной проблемой, и это упоминалось при разработке пенсионной реформы, является несовершенство налоговой системы, особенно прямых налогов. «Чтобы выплачивать даже их, (очень низкие по размеру пенсии – К.И.) приходится взимать с предприятий пенсионные взносы, равные 28% фонда оплаты труда». Это стало одной из причин начала разработки реформы ЖКХ – которая станет очень непопулярной среди населения. Суть ее заключалась в переходе к полной оплате населением расходов на содержание жилья. За счет реформы Президент надеялся перейти к предоставлению адресных субсидий на ЖК услуги, при переходе к полной их оплате.
3. **Занятость.** В основном проблема занятости редко выделяется в отдельный блок, однако ей уделяется очень большое внимание Президентом. Такая ситуация вполне объяснима, так как с упразднением практики государственных заказов развалилось огромное количество предприятий, а значит на улице оказалась масса очень квалифицированных работников, которые, в большей массе, не смогли переквалифицироваться или адаптироваться к изменившимся условиям.
4. **Налоговая система.** Как важная составляющая экономической политики реформа налоговой системы, начиная с 1994 г. всегда выделяется Президентом. Здесь Президент делает акцент на сокращение льгот и привилегий, что приводит к неравномерному распределению налогового бремени на разные слои населения. Это способствует уклонению от налогов, что приводит к дефициту государственного бюджета.
5. **Проблема федерализма.** Вопросы федерализма являются одной из наиболее волнующих Президента темой. В этом разделе Президент больше внимания уделяет бюджетному федерализму. В связи с этим встает проблема федеральных трансфертов. Другой важной составляющей является проблема местного самоуправления – «полноценному и серьезному партнеру в экономическом и **социальном** реформировании страны».

Наконец, последним по важности поднимаемых вопросов, является **проблема гражданских прав и свобод**. Здесь Президент выступает с крайне либеральных позиций. Как и в большинстве вопросов, затрагиваемых президентом, здесь его больше волнует экономическая составляющая. Провозглашенный в конституции статус РФ как социального государства упоминается Президентом только в связи с проблемой гражданских прав и свобод, гражданского общества и правового государства, что всегда составляет единый блок в посланиях.

Послания Президента формируют совершенно отдельный комплекс источников, весьма информативный при рассмотрении любых проблем внутренней и внешней политики. Президент останавливается абсолютно на всех моментах, причем наблюдается четкая динамика при формулировании задач и целей в последующих посланиях. Строятся послания примерно следующим образом: критика сложившейся ситуации и ошибок власти, постановка задач и целей, формулирование концепции дальнейшего развития. Послания Президента 90-х гг. позволяют проследить процесс зарождения социальной политики РФ и первые шаги по ее реализации. Этот факт выделяет послания на первое место по важности, как источника по изучению социальной политики РФ в 90-х гг. Таким образом, любой аспект жизни общества, государства и даже личности не остается за рамками посланий Президента, а значит, ценность источника трудно переоценить.

**НАУЧНОЕ КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ
МУЗЕЯ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ И ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ**

Никитина И.В.

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя (МГО и ОС) – музей первой категории историко-художественного профиля, ведущее музейное учреждение города. Создан в 1960г на основе объединения Панорамы «Оборона Севастополя 1854-1855гг.» и Диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944гг.». Кроме этих двух памятников его объектами также являются: Оборонительная башня Малахова кургана, Собор Святого Равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся российских адмиралов, Дом-музей севастопольских подпольщиков. Музей проводит: большую научно-исследовательскую работу по изучению истории Севастополя с 1783 г., момента основания, по настоящее время, научному комплектованию фондов, осуществляет экспозиционную деятельность, работу по постоянному усовершенствованию экскурсионного обслуживания на своих объектах, проводит разнообразные массовые мероприятия. Активно развивается также и издательская деятельность музея.

Центральное место в научной деятельности музея занимает научно-фондовая работа. Научно-фондовая работа включает в себя мероприятия по учету, хранению, всестороннему изучению предметов музейного значения, составляющих фондовую коллекцию музея, а также научное комплектование фондов. Научное комплектование фондов – это комплекс мероприятий по выявлению, сбору, отбору и научному описанию (паспортизации) музейных предметов. Данный аспект работы МГО и ОС слабо освещен в научной литературе.

Цель настоящей статьи – на основе источников и литературы охарактеризовать историю и современное состояние одного из направлений научно-фондовой работы в МГО и ОС – научного комплектования фондов.

В 1960 г. в фондах музея насчитывалось 1320 музейных предметов, основу коллекции составляли: Панорама «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.», этюды Ф.А. Рубо, автора севастопольской панорамы, фрагменты полотна Панорамы «Штурм 6 июня 1855 г.», спасенные 25 июня 1942г., реликвии участников боев за Севастополь в годы Великой Отечественной войны, Диорама «Подземно-минная война» в зале панорамы, Диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.» и др. [1]. На 2006г. в фондах МГО и ОС насчитывалось 150 тыс. музейных предметов (около 120 тыс. единиц основного и вспомогательного учета), которые охватывали практически все периоды истории Севастополя с 1783 г. по настоящее время. Комплектование в 1960-2006 гг. являлось постоянной планомерной работой. Динамика роста количества музейных предметов в фондах музея составляла: в 1960-1970 гг.– 2-3 тыс. в год, в 1970-1990 гг.– примерно 4 тыс. единиц в год, в 1990-2006 гг. около 2,5 тыс. в год. В целом в 1960-2006 гг. фондовая коллекция МГО и ОС выросла в количественном выражении примерно в 100 раз. Наибольший рост фондовой коллекции наблюдался в 1970-х гг., фонды увеличивались примерно в 5-6 раз [2]. Тогда как средние мировые показатели составляют: увеличение фондовых коллекций каждые 20-25 лет происходит в среднем в 2 раза [3].

Источники поступления предметов музейного значения можно условно подразделить на следующие группы:

1. Передача музейных предметов основного и материалов вспомогательного фондов из фондов центральных музеев и архивов СССР, музеев и архивов России, Украины. Например, Золотая медаль «За защиту Севастополя» для сестер милосердия из фондов Государственного исторического музея (г. Москва) [4].

2. Поступление предметов музейного значения периодов Крымской и Великой Отечественной войн, найденные при строительных и земляных работах в разных районах г. Севастополя и его окрестностях.

3. Проведение раскопок собственными силами на полях сражений периодов Крымской кампании и Великой Отечественной войны. В частности, в 1974 г. были проведены подобные работы в сотрудничестве с ветеранами 134 гаубичного полка 172 стрелковой дивизии приморской Армии, участниками обороны Севастополя 1941-1942 гг., и комсомольцами Севастопольского Морского завода им. С. Ордженикидзе на высоте 64.4. на месте бывшего КП полка. В ходе раскопок были обнаружены: в первом блиндаже останки бойцов, их личные вещи, предметы быта, в т.ч. ложка с надписью «Капустин», солдатский котелок – «Одесса. Чкалова. Куприянов Венья»; в землянке связистов останки бойцов, томик сочинений Ленина, полуистлевший журнал с заметками и др. Результатом раскопок стало, помимо перезахоронения останков советских воинов, также уточнение места расположения позиций одного из соединений, участвовавшего в обороне Севастополя 1941-1942 гг. Одновременно вызванными саперами были обезврежены боеприпасы. Найденные реликвии поступили в фонды МГО и ОС [5]. В том же году на Малаховом кургане были обнаружены кирка, медальон и часть оружия периода обороны Севастополя 1854-1855 гг., которые после поступления в фонды музея были помещены в экспозицию Оборонительной башни Малахова кургана [6]. Подобные мероприятия проводились неоднократно в 1970-1980 е гг.

4. Закупки предметов музейного значения. Например, коллекции открыток с видами Севастополя и его окрестностей до 1917 г.; негативы фотокорреспондента газеты «Слава Севастополя» А.В. Баженова, фотокорреспондента газеты «Красный Флот» Б.А. Шейнина, внештатного корреспондента газеты «Флаг Родины» А.Г. Кузенкова, картины севастопольских художников и т.д.

5. Поступление музейных предметов от физических лиц, выступающих дарителями, участниками определенных исторических событий, или их родственниками и потомками. Этот источник поступления наиболее распространенный. Именно на работу с дарителями направлены основные усилия научных сотрудников музея при осуществлении мероприятий по научному комплектованию фондов.

6. Прием музейных предметов из фондов музеев на общественных началах в случае их расформирования. (Музей ГРЭС, Народный музей истории Балаклавы).

Методика комплектования фондов в МГО и ОС включает в себя четыре этапа: 1) подготовительный этап; 2) научное планирование, составление тематики комплектования; 3) сбор материалов; 4) выявление среди собранных материалов предметов музейного значения и материалов научно-вспомогательного фонда, научное описание предметов. В ходе подготовительного этапа проводятся изучение фондовой коллекции музея для выявления слабо укомплектованных тем. На втором этапе важным фактором выступает установление необходимых контактов с потенциальными дарителями, выявление потенциального наличия у них музейных предметов, наличие желания у них передать музею эти предметы. Непосредственно сбор музейных предметов в МГО и ОС производится с использованием следующих традиционных методов научного комплектования: путем проведения экспедиций, обследования мест сражений, памятников, переписки и текущего посещения потенциальных дарителей, обращений к населению Севастополя с помощью средств массовой информации с призывом передать семейные реликвии, посещения севастопольских предприятий, организаций и воинских частей, проведения фотофиксаций современных событий, зданий, памятников и др. Неоднократны случаи, когда участники событий севастопольской истории или их потомки, проживавшие в других городах, после посещения объектов музея, прежде всего, Панорамы «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.», присылали в музей свои семейные реликвии. Активный поиск научных сотрудников потенциальных дарителей способствовал пополнению фондов многими уникальными предметами. В частности в 1975 г. в фонды музея поступила рубашка участника обороны Севастополя 1854-1855 гг. Н.П. Жмаченко, рядового Волынского полка, которую подарил музею его внук, полковник в отставке Ф.Я. Жмаченко. Рубашку вышила невеста героя [7]. На последнем этапе осуществляется отбор предметов с целью выявления в собранном комплексе тех из них, которые смогут поступить на основной учет. А также проводится научная паспортизация вновь поступивших музейных предметов.

Среди основных принципов комплектования фондов в МГО и ОС выделим следующие: 1) в музее четко придерживаются разработанных и утвержденных норм собирательской работы; 2) при комплектовании фондовой коллекции превалирует комплексный подход, т.е. вводя в историю человека или событие, сотрудники музея стараются по возможности собрать о нем музейные предметы нескольких видов; 3) большое внимание уделяется сбору персональных комплексов; 4) непосредственно сбору музейных предметов предшествует значительная проработка теоретических вопросов истории Севастополя; 5) музеем проводится большое количество фотофиксаций современных исторических событий в Севастополе, что позволяет динамично формировать негатеку музея по соответствующим темам; 6) на 2007 г. активно использовалось сканирование фото и документальных материалов для записи их на цифровые носители. В целом, внимание МГО и ОС привлекают, прежде всего, такие потенциальные предметы музейного значения, которые: отражают наиболее важные события истории Севастополя, Черноморского флота, Военно-Морских Вооруженных Сил Украины; характеризуют вклад в его историю наиболее выдающихся деятелей города, его уроженцев; раскрывают участие севастопольцев в общегосударственных мероприятиях (в 1960-1991 гг. – общесоюзных или республиканских; с 1992 г. – событиях в Украине), свидетельствуют о наиболее важных таких событиях; о международных связях Севастополя. За 1960-2006 гг. в результате планомерной собирательской работы нескольких поколений научных сотрудников музея был собран ряд комплексов музейных предметов. Например.

1. Видовые коллекции музейных предметов: коллекция открыток с видами Севастополя, Балаклавы, Инкермана, с датировкой до 1917 г.; коллекция графики по истории Черноморского флота в XIX в.; коллекции негативов по обороне Севастополя 1941-1942 гг., освобождению города в мае 1944 г. (авторы Н. Аснин, А. Соколенко, Е. Халдей и др.), восстановлении Севастополя после Великой Отечественной войны (Б. Шейнин), негативы по истории города и Черноморского флота 1950-2000-е гг. (авторы А. Баженов, В. Докин, И. Никишов, Н. Григорьев, А. Кузенков); коллекции личных документов участников различных исторических событий в городе, в т.ч. и рукописные (например, дневник В.Д. Ревякина, руководителя Коммунистической подпольной организации в тылу немцев в 1943-1944 гг.). Большая коллекция наград: Российской империи, Советского Союза, России и Украины, (образцы и персональные): ордена, медали, в т.ч. юбилейные; наградные знаки и значки.

2. Персональные комплексы музейных предметов на Героев Советского Союза, получивших это звание за участие в боях за Севастополь, получивших его за другие заслуги, но внесших вклад в историю города, Героев Социалистического Труда, севастопольцев, награжденных правительственными наградами, удостоенных почетных званий, государственных премий и т.д. В частности, коллекция Дважды Героя Советского Союза И.Д. Папанина, уроженца Севастополя, исследователя Арктики (фотографии, личные документы, награды, мебель из кабинета и др.) [8].

3. Комплекс музейных предметов по истории панорамного искусства, в т.ч. буклеты панорам Польши, Германии, Нидерландов.

4. Образцы продукции севастопольских предприятий, орудия труда. Например, сувенирные керамические изделия Балаклавского завода строительных материалов (1960-1990-х гг.), школьная форма производства швейной фабрики им. Н. Ониловой, (2003 г.) секатор Л. Краниной, бригадира виноградарей совхоза «Золотая балка», молоток ударного бурения, использовавшийся на Балаклавском рудоуправлении им. А.М. Горького. (1970е гг.)

5. Литографии периода Крымской войны В. Симпсона (альбом) и В. Тима (выпуски «Русского листка») и мн. др.

В связи с историко-художественным профилем МГО и ОС музей активно формирует коллекцию живописи, графики, прикладного искусства. В 1960-2006 гг. собраны фронтовые рисунки Л. Сойфертеса и К.Г. Дорохова, участников обороны Севастополя 1941-1942 гг., картина «Последний из равелина» Н.С. Присекина, одного из авторов диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.», работы В.К. Коваленко, А.Л. Шадрина, Г.Я. Брусенцова (в т.ч.

«Миндаль зацвел») и других профессиональных севастопольских художников, портреты советских военных деятелей С.М. Буденного, К.В. Ворошилова, портреты участников боев за Севастополь в период Великой отечественной войны: Героя Советского Союза Н.А. Острякова, командующего Военно-воздушными Силами Черноморского флота в 1941-1942 гг., Дважды Героя Советского Союза Т.Т. Хрюкина, командующего 8 Воздушной Армии в 1944 г. и др. [9,10].

Как уже отмечалось выше, большая часть музейных предметов поступила в состав музейной коллекции благодаря планомерной и целенаправленной работе научных сотрудников музея по их комплектованию. В частности, Е.И. Сорокина (на 2007 г. старший научный сотрудник отдела истории Севастополя с 1917 г.) в середине 1980-х гг. провела экспедицию в Балаклаву, в результате которой были выявлены адреса работников и ветеранов Балаклавского рудоуправления им. А.М. Горького. По итогам экспедиции и посещений самого предприятия Е.И. Сорокиной удалось собрать музейные предметы на Героя Социалистического Труда Н.И. Семенца и кавалера ордена «Знак Почета» И.М. Ковалева, экскаваторщиков рудоуправления, выполнить фотофиксации производственных процессов на предприятии. Собранные материалы послужили характеристикой развития добывающей отрасли севастопольского региона [11]. В рамках программы «Старый город» сотрудниками отдела дореволюционного периода истории Севастополя в 1993-1994 гг. организованы фотофиксации зданий с датировкой до 1917 г. на набережной в Балаклаве, на центральном городском холме Севастополя, ул. Большая Морская и Щербака (сотрудники Е.Н. Гавришева, О.А. Завгородняя, И.А. Дьяконова) [12]. Н.Ф. Задорожная, зав. отделом севастопольского подполья, Заслуженный работник культуры Украины, внесла большой вклад в формирование коллекции предметами о судьбах севастопольцев – узников фашистских концентрационных лагерей. Л.М. Смутьская, зав. филиалом «Диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.» в 2003 г. сдала в фонды музея комплекс документов, личных вещей, наград Героя Советского Союза

М.К. Байда (1920-2002 гг.), участницы обороны Севастополя 1941-1942 гг., в т.ч. орден «Богдана Хмельницкого», врученный ей в 1999 г. И.С. Попова в период работы зав. отделом «Музей истории Севастопольской Краснознаменной комсомольской организации» в 1980-е гг. собрала ряд комплексов о севастопольцах – участниках войны в Афганистане.

Что касается научного описания предметов музейного значения, то этот вид работы осуществляется в музее с момента его создания, т. е. с 1960 г. Первоначально паспорта на музейные предметы, поступавшие в фонды музея, представляли собой инвентарную карточку, с включением чрезмерно кратких сведений об истории музейного предмета, персоналий и исторических событий, связанных с этим предметом. Составление паспортов часто проводилось после поступления музейных предметов в фонды и занесения сведений об их поступлении в соответствующие инвентарные книги. Так, комплекс о А.С. Грошеве, управляющем Балаклавского рудоуправления им. А.М. Горького в 1951-1960 гг. и в 1963-1968 гг., поступил в фонды МГО и ОС в 1969 г., а паспортная документация была составлена В.С. Лосевым в 1972г. [13]. Такой подход обуславливался как общими требованиями на составление паспортной документации, так и ограниченностью источниковой базы при описании некоторых видов музейных предметов на тот момент, общим состоянием региональной истории, большими масштабами поступлений в фонды музейных предметов в тот период. Со второй половины 1970-х гг. начался процесс постепенного усложнения научных паспортов. Произошли частичные изменения требований по формулировке наименований, инвентарных описаний и музейных значений. Описание музейных предметов стало производиться только перед их поступлением в фонды. В 1980-е гг. научно-методическим отделом музея во главе с В.Г. Шавшиным были составлены методические рекомендации по составлению научных паспортов на фотодокументы, личные документы, грамоты, приглашения, ордена и медали. В этих рекомендациях были сформулированы основные требования к паспортизации музейных предметов, в т.ч. к «легенде» музейного предмета (информации, собранной «вокруг предмета»). При составлении паспортов стало правилом давать не только более четкое определение наименования, инвентарного описания, музейного значения предмета, но и максимально полно давать характеристику тех исторических

событий, которые связаны с этим предметом, биографические данные персоны, которая через комплекс личных предметов вводится в историю и т.д. Впоследствии требования к составлению научных паспортов претерпели еще ряд изменений, но в методических пособиях музея это не отразилось, так как выпуск подобных изданий в музее прекратился. Полностью трансформация научных паспортов от инвентарных карточек до краткого и одновременно полного исследования бытования предмета завершился в начале 2000-х гг. Что касается методики научной паспортизации музейных предметов в СССР и в Украине, то она представлена следующим образом. В 1980 е гг. общесоюзные музейные требования предписывали заносить основные сведения о музейных предметах в специальных инвентарных книгах после поступления их в фондовую коллекцию [14]. В практику украинских музеев в настоящее время постепенно входит унифицированный музейный паспорт, теоретически сочетающий в себе характеристики инвентарной карточки и научного паспорта. Однако, например, при научном описании музейных предметов в Музее книги и книгопечатания Украины в паспорте практически не отражается история их бытования [15]. А именно «легенда» музейного предмета позволяет интенсивнее проводить изучение фондовой коллекции при создании выставок, экспозиций, написания каталогов и обзоров фондов. Оформление же паспортной документации на предмет музейного значения до его поступления в фонды позволяет оперативно собирать всю необходимую информацию о нем.

Таким образом, кратко проанализировав научное комплектование фондов в МГО и ОС, можно сделать следующий вывод: комплектование фондов в МГО и ОС осуществляется по всем основным темам исследования, при комплектовании фондов в музее используются все традиционные формы подобной деятельности. В музее сохраняется достаточно высокий темп роста музейной коллекции, который значительно превышает среднемировые показатели. Научная паспортизация проводится таким образом, чтобы в небольшом исследовании музейного предмета сконцентрировать все основные сведения о нем. При формировании музейной коллекции превалирует комплексный подход.

Примечания.

1. Государственный архив г. Севастополя (ГАГС). Ф. Р-183. Оп. 1. Д.172. (Отчет о работе МГО и ОС за 1960 г.) Л. 6
2. Примерный подсчет по данным отчетов музея.
3. Лысикова О.В. Музеи мира: уч. пос. к интегрированному курсу «Музеи мира»/ 2-е изд.-М.:Флинта: Наука.2004. С.19.
4. ГАГС. Ф.Р-183. Оп.1. Д.422. Л.45.
5. Игумнова Е.И., Любин И.Г.. Раскопки на местах боев//Музейное дело в СССР. Роль музеев в военно-патриотическом воспитании. М., 1976. С.89-92.
6. Шавшин В.Г. Новь старой башни//Слава Севастополя 1974 . 9 авг. С.1.
7. Данные картотеки сектора учета фондов МГО и ОС.
8. Там же.
9. Грекова Н. Непобедимая и легендарная// Слава Севастополя 1980. 15 фев. С. 4.
10. Данные картотеки сектора учета фондов МГО и ОС.
11. Данные отдела истории Севастополя с 1917 г.
12. Архив ученого секретаря МГО и ОС. (Отчеты о работе МГО и ОС за 1993-1994 гг. (черновые экземпляры)).
13. Фонды МГО и ОС Научный паспорт АФ-1030.
14. Кучеренко М.Е., Фомин В.Н.Положение о музейном фонде СССР и значение научно-фондовой работы в музеях // Музейное дело в СССР. Сб. научных трудов. М. 1987. Вып.№17. С.23-59.
15. Погонець О.. Комплектування музейної колекції та науковий опис// Музеї України 2006 №5. С. 30-31.

**ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ
БАЛАКЛАВЫ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ
И ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ**

НИКИТИНА И.В.

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя

Музей героической обороны и освобождения Севастополя (МГО и ОС) – музей историко-художественного профиля, ведущее музейное учреждение города. До 2008 г. – музей первой категории, в мае 2008 г. по Указу Президента Украины ему присвоен статус «Национальный». Создан в 1960 г. на основе объединения Панорамы «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.» и Диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 гг.». Кроме этих двух памятников, его объектами также являются: Оборонительная башня Малахова кургана, Собор Святого Равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся российских адмиралов, Дом-музей севастопольских подпольщиков.

Музей проводит: большую научно-исследовательскую работу по изучению истории Севастополя с 1783 г., момента основания, по настоящее время, научному комплектованию фондов, осуществляет экспозиционную деятельность, работу по постоянному усовершенствованию экскурсионного обслуживания на своих объектах, проводит разнообразные массовые мероприятия. Активно развивается также и издательская деятельность музея.

В 2004 г. в составе музея был образован отдел «Музей истории Балаклавы» с целью создания постоянной экспозиции по истории Балаклавы с VIII в. до н.э. по настоящее время. В связи с чем, первоочередной задачей стала работа по выявлению в составе фондовой коллекции НМГО и ОС музейных предметов и материалов научно-вспомогательного фонда по истории Балаклавы. В результате данной работы автором было установлено, что в фондах музея сосредоточено достаточно большое количество музейных предметов, в разной мере раскрывающих различные этапы истории Балаклавы и Балаклавского района.

Цель настоящей статьи – кратко охарактеризовать этапы формирования тематической коллекции по истории Балаклавы, выветив ее особенности, проблемы и перспективы дальнейшего пополнения на основе данных фондов музея.

На основе анализа коллекции удалось установить:

- 1) В связи с тем, что хронологические рамки научных исследований в НМГО и ОС по основным темам с 1783 г. по настоящее время, предметы с более ранней датировкой по истории Балаклавы до 2004 г. практически не комплектовались;
- 2) Комплектование музейных предметов по истории Балаклавы в ходе Крымской войны шло в общей работе по изучению данной темы;
- 3) Комплектование музейных предметов с датировкой 1783-1917 гг. проходило в рамках отдельной темы исследования и имело планомерный характер;
- 4) Комплектование музейных предметов по истории Балаклавы с 1917 г. происходило до 2004 г. в рамках тем по истории Севастополя с 1917 г.-1941 гг., в 1941-1944 гг. и с 1944 г. по настоящее время;

Однако, не смотря на то, что по большей части истории Балаклавы сбор музейных предметов велся в рамках других тем исследования, значительная часть подразделов темы комплектовалась достаточно динамично. Предварительный количественный подсчет позволяет считать, что на 2005 г. предметов, характеризующих разные этапы истории Балаклавы и современного Балаклавского района было собрано около 5 тыс.ед., более точный подсчет еще предстоит произвести, так как в настоящий момент такая задача не ставилась.

Относительно полно представлены следующие коллекции предметов по этой теме:

- 1) предметы, найденные на местах полей сражений периода Крымской войны 1853-1856 гг. и обороны Севастополя 1854-1855 гг.;
- 2) коллекция открыток с видами Балаклавы и ее окрестностей до 1917 г., которая формировалась в два этапа;
- 3) тематическая коллекция (фото, документы, личные вещи, нумизматика) по истории становления Экспедиции подводных работ особого назначения;
- 3) материалы на участников обороны Севастополя

1941-1942 гг. и освобождения Севастополя в мае 1944 г., принимавших участие в боях на землях Балаклавского района; 4) тематические коллекции по деятельности предприятий района таких как: Балаклавское рудоуправление им. А.М. Горького, Балаклавский завод строительных материалов, Севастопольская теплоэлектростанция, агрофирма «Золотая балка», совхоз «Севастопольский»; 5) коллекция материалов по современному периоду истории Балаклавы. Из персональных комплексов необходимо отметить: материалы о пребывании в Балаклаве русского писателя А.И. Куприна, комплекс Ф.А. Шпаковича, главного водолазного специалиста ЭПРОНа, начальника Балаклавского Военно-Морского водолазного техникума в 1930-1938 гг., награды и документы А.Т. Кудланова, первого секретаря Балаклавского районного комитета ВКП (б) в 1944-1948 гг., А.С. Грошева, управляющего Балаклавского рудоуправления им. А.М. Горького в 1951-1960 гг. и в 1963-1968 гг. и др.

Анализ хронологических этапов формирования коллекции показывает, что по большинству периодов истории Балаклавы оно началось с 1968 г. с создания в НМГО и ОС отделов дореволюционного и советского периодов истории Севастополя [2]. Одним из первых материалов по советскому периоду в коллекции стали предметы, рассказывающие о разных формах морального поощрения трудящихся, принимавших участие в социалистических соревнованиях на Балаклавском рудоуправлении им. А.М. Горького (БРУ): так в июне 1968 г. в фонды музея из отдела кадров предприятия поступило свидетельство о присвоении звания «Коллектив коммунистического труда» смене Н.Д. Светличной (Петровской) Балаклавской дробильно-обогащительной фабрики БРУ. Подобные материалы собраны по всем предприятиям Севастополя советского периода. Данное свидетельство является документом своего времени, одним из ярких его характеристик. Оно интересно еще и тем, что этот коллектив удостоился такого звания первым в г. Севастополе [3]. В 1970 г. так же от представителей БРУ поступили образцы орудий труда горняков: например, ручной молоток ударного бурения, применявшийся на предприятии в 1930-е – 1960-е гг. В 1969 г. от семьи А.С. Грошева удалось получить ряд музейных предметов, характеризующих его жизнь и деятельность: в частности, поступил его значок с удостоверением «Отличник Наркомата черной металлургии СССР», фото групповое, запечатлевшее его с товарищами во время службы на Северном флоте в 1942 г. Сбор данного материала был осуществлен Л.В. Богданченко.

В 1970-е гг. было сформировано большинство подразделов фондовой коллекции музея по истории Балаклавы и Балаклавского района. Данное десятилетие отмечено в целом очень большой динамичностью пополнения всех разделов фондовой коллекции НМГО и ОС. Фондовая коллекция выросла примерно в 5-6 раз. Так, например, в 1971 г. в фонды музея поступило 2858 ед.: из них 1941 предмет музейного значения и 917 ед. материалов научно-вспомогательного фонда. К нашему разделу коллекции из поступивших, в частности, относится комплекс музейных предметов на И.Т. Пехенько, электромонтера Сев. ГРЭС (Сев. ТЭЦ) (предприятие располагается в Инкермане, город с 1963 г. входит в состав Балаклавского района) [1]. В этом же 1971 г. в фонды НМГО и ОС поступил еще один очень интересный предмет – знамя рыболовецкого колхоза «Путь к социализму» (затем «Путь Ильича»), располагавшегося в Балаклавской бухте в 1929-1957 гг., в настоящее время в Балаклаве находится одна из его бригад.

Анализ предметов коллекции, поступивших в течение 1970-х гг. позволяет вычлени следующие ее блоки, которые были сформированы в то время:

1) Основная часть материалов А.И. Куприна, жившего в Балаклаве в 1904 и в 1905 гг., благодаря работе С. В. Венюковой: музейные предметы поступали из разных источников, в т.ч. из центральных архивов, ряд предметов был получен от дочери писателя Ксении Куприной, приезжавшей в Балаклаву в 1971 г.;

2) Большая часть материалов на Е.М. Аспиза, балаклавского фельдшера в 1900-1922 гг., друга А.И. Куприна, в т.ч. его фонендоскоп и книга. Э. Ланг. Руководство по болезням кожи. СПб. 1905 г. из его библиотеки (С.В. Венюкова) [5];

3) Фотодокументы по деятельности предприятий и организаций района, полученные в рамках планомерной собирательской работы по деятельности севастопольских предприятий такими сотрудниками музея как: В.С. Лосев, А.А. Абрамова, М.Г. Рябова.

4) Коллекции фото документов, фото и негативов, по обороне Севастополя 1941-1942 гг. и освобождения Севастополя в мае 1944 г. фотокорреспондентов А.А. Соколенко, А.Н. Аснина и др., в рамках комплектования соответствующих тем по истории Севастополя в годы Великой Отечественной войны, среди которых есть снимки по истории Балаклавы данного периода. В т.ч. фото документы по 456-му стрелковому полку, оборонявшему Балаклаву;

5) Значительная часть коллекции открыток с видами Балаклавы и ее окрестностей с датировкой до 1917 г. Открытки поступали как по дарению от жителей Севастополя, так и по закупкам от коллекционеров. В пополнении и изучении коллекции открыток приняли участие С.П. Лесдорф (Гюннерфаут), ныне зав. филиалом «Панорама «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.», Е.Н. Гавришева и др. Среди подобных музейных предметов выделим открытку с изображением дач графа Апраксина, которые не сохранились [4];

6) Материалы на командира 109 стрелковой дивизии генерал-майора П.Г. Новикова, коменданта 1-го сектора обороны Севастополя 1941-1942 гг., в который входила Балаклава;

7) Большая часть тематической коллекции по истории ЭПРОНа (Экспедиция подводных работ особого назначения): в т.ч. фотоматериалы по поиску английского парохода-фрегата «Принц»;

8) Материалы на Героев Социалистического Труда К.П. Кукушкину, овощевода совхоза «Севастопольский», и Я.И. Ляха, бригадира виноградарей совхоза «Золотая балка». Например, в составе комплекса Кукушкиной поступило свидетельство об утверждении ее участником ВДНХ СССР в 1967 г., большая часть музейных предметов этого комплекса была получена непосредственно от самой героини.

Значительно пополнились следующие подразделы коллекции: история образования в Балаклавском районе в 1970-е гг., история Инкерманского завода марочных вин, в т.ч. Диплом серебряного призера II Международного конкурса вин, коньяков и бренди в г. Слечнев Бряг (Болгария) Инкерманскому заводу марочных вин за вино мускатное игристое. 1972 г. К 1970-м гг. относится и начало формирования вещевых коллекций: бутылок, емкостей для пищевых продуктов, курительных трубок и др. – английских, турецких и сардинских войск, базировавшихся в Балаклаве и ее окрестностях в период Крымской войны.

Е.М. Негодовой был собран комплекс наградных знаков донорского движения СССР, принадлежавших Н.П. Симоновой, главврачу городской больницы № 9 (Балаклава) в 1962-1971 гг. Главной проблемой состояния коллекции по истории Балаклавы, собранной в указанный период, является ее недостаточная исследованность. Большая часть паспортной документации на эти предметы требует значительной доработки. В настоящее время работа по усовершенствованию такой документации находится в начальной стадии.

В 1980-е гг. темпы пополнения коллекции несколько снизились, хотя и незначительно. В этот период удалось продолжить постоянное ее пополнение предметами с мест сражений Крымской кампании, выявлено наличие материалов балаклавской тематики среди поступивших в 1980-е гг. предметов по истории боев за Севастополь в 1941-1944 гг., к 1980-м гг. была сформирована и большая часть коллекции по деятельности Балаклавского партизанского отряда. Из материалов советского периода хотелось бы отметить фото работников Балаклавской рыбоконсервной фабрики «Пролетарий», выполненное в 1924 г., в день ее открытия после первой советской реконструкции [6]. Большой интерес представляют образцы керамических изделий, выпущенных на Балаклавском заводе строительных материалов к XXII летним Олимпийским играм. В частности, образцы су-

венирных керамических фигурок талисмана олимпиады «Олимпийского Мишки», авторами эскизов данных фигурок выступили М.С. Сихарулидзе и А.М. Грабченков.

Важным этапом в формировании тематической коллекции по истории Балаклавы стало осуществление Е.И. Сорокиной экспедиции в Балаклаву с целью выявления адресов работников Балаклавского рудоуправления им. А.М. Горького, внесших наибольший вклад в развитие горнорудной промышленности в регионе. Одновременно была проведена работа в отделе кадров предприятия по получению биографических сведений о его знатных людях. По согласованию с администрацией организована фотофиксация всех производственных процессов на предприятии. В результате в фонды НМГО и ОС в 1984-1985 гг. и в конце 1980-х гг. поступили материалы на ряд орденоносцев БРУ и передовиков производства: в т.ч. комплексы на Героя Социалистического Труда Н.И. Семенца, бригадира экскаваторщиков, и И.М. Ковалева, кавалера ордена «Знак Почета», экскаваторщика. Фото-негативный фонд пополнился снимками карьеров, цехов и передовых коллективов предприятия по состоянию на 1985 г.

В конце 1980-х гг. фонды музея пополнились репродукционными открытками по истории пребывания под Севастополем союзных войск. Открытки были выпущены в Италии с литографий, фотографий периода Крымской войны и картин второй половины XIX века. К нашей тематике из них можно отнести, в частности, открытки «Турецкая армия. Исмаил паша» и «Балаклава. Английский госпиталь».

В этот же период в музее стала реализовываться Программа «Старый город», в рамках которой в 1990-е гг. и в начале XXI в. сотрудниками музея: Е.Н. Гавришевой, О.А. Завгородней, И.А. Дьяконовой было организовано проведение фиксирования объектов, построенных до 1917 г. в разных частях Севастополя, в т.ч. и в Балаклаве. Зав. фотолабораторией музея О.Н. Самойлова выполнила снимки церкви Святых Двенадцати Апостолов, ряда домов центра Балаклавы, в 2001 г. – здания бывшего коньячного завода Шита на Западном берегу Балаклавской бухты и др. В 1998 г. поступила картина Дегтярев А.Г. Мыс Фиолент. Георгиевский монастырь, иллюстрирующая период восстановления монастыря (основная часть коллекции по истории монастыря до 1917 г. была сформирована в 1970-е гг.).

В 1999 г. музей закупил большую коллекцию фотоснимков, фото и негативов, у А.В. Баженова, фотокорреспондента газеты «Слава Севастополя» в 1950-1998 гг., работа по ее обработке позволила значительно пополнить коллекцию фотоснимков по всем разделам истории Севастополя в указанный период. Среди снимков А.В. Баженова можно выделить и фотографии, выполненные в Балаклавском районе. Наибольшее количество таких снимков относится к деятельности Балаклавского рудоуправления им. А.М. Горького, агрофирмы «Золотая балка», совхоза «Севастопольский». В их обработке в начале XXI в. приняли участие И.В. Островская, В.В. Сошникова, И.В. Никитина. Необходимо отметить, что обработка данной коллекции в музее продолжается, и, возможно, будут выявлены еще снимки, характеризующие какой-либо раздел истории Балаклавы. В 2001 г. Л.В. Барановская собрала комплекс фотографий и документов на балаклавского скульптора В.Е. Суханова, в т.ч. фото его работ.

В 2002 г. совместно со специалистом по геомагнитной разведке В.М. Побоченко сотрудниками Е.Н. Гавришевой, О.А. Завгородней, И.А. Дьяконовой были проведены экспедиции на территории бывших селений Узеньбаш (Озенбаш), Кучки, Ай-Тодор (ныне территория Балаклавского района г. Севастополя). Результатом данных мероприятий стало обнаружения многочисленных предметов быта народов Крыма, проживавших в данной местности. Датировка большинства предметов: вторая половина XVIII – начало XX вв. Например, подвеска, деталь национального костюма народов Крыма кон. XIX – начала XX вв. Перед оформлением научной документации на подобные предметы большая часть из них прошла реставрацию.

В 2003 г. в связи с расформированием Народного музея истории Севастопольской ТЭЦ, его экспонаты поступили в фонды НМГО и ОС. Работу по их изучению и подготовке к поступлению в состав фондовой коллекции музея провела научный сотрудник Ю.В. Волкова. Одновременно ею были проведены мероприятия по сбору дополнительных му-

зейных предметов от ветеранов предприятия. Из данного материала, хотелось бы выделить: фотографию строителей и первого персонала Сев. ГРЭС.

В этот же период в рамках планомерного научного комплектования раздела коллекции по истории агрофирмы «Золотая балка» И.В. Островской был получен комплекс материалов на К.Д. Знаменского, Заслуженного рационализатора Украины, в т.ч. поступила Почетная грамота Министерства аграрной политики Украины 2001 г.

2004 г. ознаменовался 150-летием Крымской войны 1853-1856 гг. и обороны Севастополя 1854-1855 гг. и 2500-летием Балаклавы. По первой теме в фонды музея поступили, прежде всего, фотоснимки памятных мероприятий, посвященных этой дате, в т.ч. Открытия памятника гусарам Киевского полка, погибшим в Балаклавском сражении 13/25 октября 1854 г., автор снимка О.Н. Самойлова. Мероприятия, посвященные 2500-летию Балаклавы, также достойно представлены в фондах музея: это негативы, запечатлевшие торжественное собрание по данному случаю, церемонию открытия памятника Л. Украинке на площади 1-го мая, шествие представителей творческих коллективов и членов Ассоциации национально-культурных обществ Севастополя; газета «Балаклавский вестник», посвященная юбилею, программа праздничных мероприятий, юбилейная памятная монета, конверты, марки и др. Часть материалов по 2500-летию Балаклавы было собрано автором.

В этом же году по Распоряжению Севастопольской городской государственной администрации был создан филиал (ныне отдел) «Музей истории Балаклавы» и была поставлена задача начать подготовку к созданию экспозиционного проекта по истории Балаклавы, под который выделили здание бывшего Балаклавского военкомата по ул. Калича 35. В настоящее время из-за проблем с финансированием ремонтных работ в здании его реализация задерживается. Однако, к 2008 г. автором была разработана расширенная структура постоянной экспозиции, ведется работа по созданию научной документации (тематико-экспозиционного плана) ее размещения. Одновременно, с созданием отдельной структурной единицы, которая призвана вести всестороннее изучение истории Балаклавы, в музее впервые была введена тема исследования «История Балаклавы с 1917 г. по настоящее время», что дает возможность сделать более планомерным формирование фондовой коллекции музея по данной теме. Изучение истории Балаклавы в 1783-1917 гг. остается пока за филиалом «Панорама».

В 2005 г. в связи с расформированием Народного музея истории Балаклавы его влили в состав НМГО и ОС с подчинением отделу «Музей истории Балаклавы». Экспозиция Народного музея была свернута в октябре 2005 г., из-за того, что второй этаж здания по ул. 7 ноября 6, где она располагалась, пришел в аварийное состояние. После этого в НМГО и ОС началась работа по официальному приему предметов этой коллекции. По предварительным подсчетам она составляет ок. 1,5 тыс. музейных предметов, в настоящее время сотрудники практически всех научно-исследовательских подразделений НМГО и ОС проводят их изучение для подготовки паспортной документации на них. В фонды уже поступило более 500 музейных предметов и материалов научно-вспомогательного фонда. Коллекция содержит много уникальных предметов, многие предметы дополняют ранее собранные материалы в фондах НМГО и ОС, например, материалы на А.С. Грошева, Ф.А. Шпаковича, М.Н. Тригони и пр.; ряд материалов имеет идентичные аналоги в фондах, это относится, в частности, к английским бутылкам и открыткам с датировкой до 1917 г. Из уникальных предметов, уже поступивших в основную фондовую коллекцию НМГО и ОС, отметим: фрагменты свай с набережной в Балаклаве сер. XIX в., фрагмент блюда с изображением трехмачтового английского корабля сер. XIX в., фото балаклавских греков во время нахождения на спецпоселении на Урале в 1944 г., материалы А.Н. Лукаш, ударницы завода «Пролетарий» (фото, знак «Отличник рыбной промышленности»), пифос (по паспортной документации продатирован периодом позднего средневековья), чернолаковый светильник античного периода, банка от медицинского медвежьего жира фирмы Д. Аткинсон, Великобритания сер XIX и др. В период существования Народного музея истории Балаклавы вклад в формирование его коллекции внесли: В.А. Китрова, Л.В. Кожевникова, Ф.И. Канева.

Из поступлений в фонды НМГО и ОС последних трех лет хотелось бы отметить: флакон аптекарский из балаклавской аптеки Золотницкого начала. XX в. получен в 2008 г. от одного из жителей Севастополя благодаря работе научного сотрудника О.М. Тупоты; комплекс фотодокументов о жизни и деятельности Н.Ф. Селивановой, Почетного гражданина г. Севастополя, председателя исполкома Балаклавского районного Совета народных депутатов в 1962-1984 гг., полученных автором от ее мужа в 2007 г., воспоминания (копия) об обороне Севастополя и Балаклавы в 1941-1942 гг. Р.С. Холодняк (Ивановой), председателя Балаклавского райкома комсомола в 1941-1942 гг. Уникальный музейный предмет был получен в 2006 г. автором от С.Р. Булаха, в 1965-1990 гг. начальника Севастопольского лесхоззага. Он передал в музей Знамя памятное Центрального комитета КПУ, Президиума Верховного Совета УССР и Украинского Совета профсоюзов, врученное Севастопольскому лесхоззагу как победителю соцсоревнования в честь 50-летия Великого Октября в 1967 г. Знамя хранилось в лесхоззаге, в 1990-х гг., в период фактического развала предприятия, Р.С. Буллах забрал его к себе домой и тем самым уберег от уничтожения или продажи.

Мы привели лишь основные примеры музейных предметов тематической коллекции по истории Балаклавы в контексте основных этапов истории ее формирования. Разделы коллекции, безусловно, представлены неравномерно. Так, практически единичны предметы по истории Балаклавы в период первой мировой войны. Малочисленны предметы, позволившие бы охарактеризовать древнюю и средневековую историю Балаклавы, причем большая их часть еще ждет своей атрибуции. Недостаточно изучена та часть коллекции, которая была собрана в 1970-е гг., процесс ее дальнейшего изучения только в самом начале. Не достает предметов с датировкой 1921-1941 гг. Аналогичная ситуация и с разделом по истории Балаклавы в 1917-1920 гг. Основными перспективами в дальнейшем пополнении коллекции являются: продолжение работы с дарителями, как физическими лицами, так и предприятиями, активизация фотофиксирований современных событий в истории Балаклавы и Балаклавского района; обращение к музейным и архивным организациям с целью получения копийного документального материала по ряду исторических периодов. Важным источником пополнения фондовой коллекции по истории Балаклавы может, в какой-то мере стать продолжение обработки коллекции фотодокументов А.В. Баженова, коллекции предметов, найденных на месте ликвидированных деревень, коллекции, поступившей из расформированного Народного музея истории Балаклавы. Как перспективное направление следует рассмотреть и работу с коллекционерами, фотографами и художниками.

В целом, же, необходимо отметить, что собранная тематическая коллекция достаточно подробно характеризует многие страницы истории Балаклавы и ее района. В ней представлены все возможные виды музейных предметов и материалов научно-вспомогательного фонда, ряд таких предметов является уникальным по своим свойствам, они ярко отражают те или иные особенности того периода времени, в котором возникли и бытовали. Дальнейшее изучение и структурирование коллекции позволит более полно исследовать все ее составляющие, спрогнозировать пути ее развития и пополнения. Предметы данной коллекции, безусловно, используются во всех видах работы НМГО и ОС, что позволяет активизировать такое изучение.

Примечания.

1. ГАГС Ф Р-183. Оп. 1. Д.611. Л. 53
2. Никитина И.В. Музей героической обороны и освобождения Севастополя: история становления и развития музейного комплекса// Культура народов Причерноморья. 2007 г. № 116. С.50-55.
3. Фонды НМГО и ОС КП 2371 А 807.
4. Фонды НМГО и ОС. КП14721 Б239.
5. Фонды НМГО и ОС. Научные паспорта на КП 3730 В 379 и КП 61608 К 2840.
6. Фонды НМГО и ОС. Научный паспорт на АФ 4408.

УЧИТЕЛЯ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ГИМНАЗИСТА ИГОРЯ КУРЧАТОВА

Новикова Е.В.

Таврический национальный университет им В.И. Вернадского

Огромный вклад в развитие фундаментальной науки внес Игорь Васильевич Курчатов (1903 – 1960), физик, академик АН СССР, трижды Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. Становление личности любого человека начинается не только с воспитания в семье, но и с началом его обучения, формированием умений и навыков в учебном труде, который является индивидуальным для каждого ребенка. Но огромное влияние на процесс обучения оказывает личность наставника.

Впервые фамилии этих учителей встречаются в исследовании В. И. Шостка [1]. Но в указанных работах их имена лишь упоминаются, В. И. Шостка не ставил своей задачей осветить личности педагогов, степень их профессионализма.

Учеником гимназии И. В. Курчатов был с 1912 по 1920гг. Директором гимназии в этот период был действительный статский советник Семен Федорович Коропачинский (1851 – 1922). Он в 1873 году закончил историко-филологический факультет Новороссийского университета и был назначен учителем Ришельевской гимназии в Одессе. С 1874 года Семен Федорович занимал должность учителя русской словесности в Одесском институте благородных девиц. А в гимназии с течением времени стал секретарем педагогического совета, а затем инспектором. Уже через 10 лет ему доверили должность председателя педсовета Одесской Марьининской гимназии. В 1886 году Семен Федорович получает очередное звание – статский советник.

С 1892 года С. Ф. Кропачинский трудится в Таврическом губернском училищном совете. За свою работу в Таврической губернии он получил в общей сложности 15 благодарностей от попечителя Одесского учебного округа. С. Ф. Кропачинский был награжден бронзовой медалью в честь 300-летия царствования дома Романовых, орденами Св. Владимира 3 и 4-ей степеней, Св. Станислава 1, 2, 3-ей степеней, Св. Анны 2, 3-ей степеней и серебряной медалью. Увы, ни одна из властей в Крыму в 1917 – 1922гг. не оценила заслуг педагога, продолжавшего трудиться на ниве просвещения.

Статский советник Леонид Васильевич Жирицкий преподавал гимназисту Курчатову русский язык, словесность и пропедевтику философии. Он закончил Императорский историко-филологический институт и был назначен учителем древних языков в Ревельскую гимназию, а затем в Ставропольскую. С 1915 года исполнял обязанности инспектора Симферопольской мужской гимназии и председателя Симферопольской женской гимназии, учрежденной Е. И. Оливер. Был членом испытательной комиссии по педагогике и дидактике при производстве на звание учителя или учительницы Высшего начального училища до 1919 года. За труд был награжден орденами Св. Станислава 2-ой и 3-ей степени, Св. Анны 3-ей степени, медалью в память 200-летия Полтавской битвы.

Классным наставником и преподавателем древних языков И. В. Курчатова был статский советник Густин Анастасьевич Грищинский - один из старейших и уважаемых преподавателей Симферопольской мужской гимназии. Г. А. Грищинский, сын священника, с 1898 года стал учителем древних языков в Симферопольской мужской гимназии.

Не менее уважаемым учителем – профессионалом своего дела был преподаватель истории Александр Игнатьевич Сеницкий, инспектор, статский советник. Он окончил курс в Императорском Новороссийском университете на историко-филологическом факультете и выдержал специальные испытания на звание учителя гимназии и прогимназии в 1888 году. Через год Сеницкий стал учителем приготовительного класса Симферопольской мужской и женской гимназий. Имел пять благодарностей за аккуратное исполнение преподавательских обязанностей. Он водил своих учеников на экскурсии. В 1915 – 1916 учебном году под его руководством И. Курчатов посетил городище Неаполь Скифский.

Надворный советник Николай Иванович Александров был назначен в Симферопольскую гимназию учителем физики и математики. В прогимназии Е. Н. Свищева Александров

ров постоянно был в комиссии по экзаменам. В 1913 году его командировали в Тифлис на 13-й съезд русских естествоиспытателей и врачей.

Надворный советник Митрофан Всеволодович Смирнов в 1906 году закончил физико-математический факультет Императорского Санкт – Петербургского университета и был назначен учителем природоведения Аккерманских мужской и женской гимназий. Но в 1906 году был перемещен в Симферопольскую мужскую гимназию, где преподавал географию И. В. Курчатову. Кроме того, как опытному педагогу ему поручили проверять преподавание географии и природоведения в частной Бахчисарайской прогимназии, учрежденной Е. Н. Анненской. М. В. Смирнов неоднократно проводил экскурсии с учениками. Класс, где учился И. Курчатов, посетил под его руководством казенное имение «Салгирка».

Дмитрий Федорович Игнатенко, законоучитель и настоятель Александро-Невской гимназической церкви. Отец Дмитрий преподавал Священную историю, Катехизис и церковный устав в Симферопольском духовном училище. В 1897 году назначен настоятелем церкви и законоучителем Керченского – Кушниковского Девичьего института, а с 1901 года назначен попечителем Одесского учебного округа на должность законоучителя Симферопольской мужской гимназии. Был награжден скуфьей и набедренником. Под его руководством для класса, где обучался гимназист Курчатов, была организована экскурсия на Епархиальный свечной завод.

Французский язык И. Курчатову преподавала Ольга Евгеньевна Усольцева, 1885 года рождения, дочь статского советника. Ольга Евгеньевна воспитывалась в Белостокском институте Императора Николая I и закончила его с золотой медалью в 1904 году. В 1908 году она окончила специальный класс учительниц французского языка Ведомства учреждений Императрицы Марии и получила право на преподавание иностранных языков. Усольцева усовершенствовала свои знания в Дижонском университете в Париже, а затем была назначена в Феодосийские мужскую и женскую гимназии. С 1913 года она преподавала в Симферопольской мужской гимназии. Кроме того, Усольцевой доверили проверить знания по французскому и немецкому языкам в частных гимназиях.

Многие преподаватели разделяли со своими учениками все трудности, связанные с Первой мировой войной, Февральской революцией, трагическими событиями 1917 – 1920гг. Учителя признавали на заседаниях педагогических советов, что эти события не могли не отразиться на функционировании гимназии, и «не только на обучении, но и на воспитании» [2]. Классный наставник Игоря Курчатова отмечал, что «состав класса очень пестрый». Наряду с очень хорошими учениками, как Курчатов, «есть ученики очень слабые». В классе обучалось около 45 человек, но успевающих среди них было только 34% [3]. Ученики не всегда стремились получать знания. Учителя жаловались на «переполненность улиц учащимися, на бесцельное их шатание и предрассудительное поведение. Эта пустота накладывает глубокий след на характер учащейся молодежи» [4].

На протяжении всего периода обучения в классе Игоря Курчатова было много неуспевающих. В качестве причины учителя называли «нежелание учиться и неаккуратное посещение уроков, плохое внимание» [5]. Тем не менее, сам гимназист И. Курчатов заканчивал учебный год с наградами за успехи в учебе и примерное поведение.

Анализ протоколов педагогических советов показывает, что преподаватели считали важнейшим средством «пробуждения самостоятельности учащихся интересное, живое и увлеченное преподавание» [6]. Несмотря на трудности военного времени, учителя постоянно совершенствовали свое мастерство. В Одессе для преподавателей русского языка и истории были организованы курсы. «Задача курсов – усовершенствование в методах преподавания в связи с повышением научного уровня преподающим» [7]. Среди 4 человек, поехавших на месячные курсы, были и три преподавателя И. Курчатова: А. И. Сеницкий, Г. А. Грищинский, А. И. Семенец (он преподавал латинский язык гимназисту Курчатову).

Были внесены изменения в организацию учебного процесса. Начиная с 1916 года, в гимназии экзамены для учащихся старших классов заменили ежемесячными письменными и устными опросами по пройденному материалу, оценки за год стали выставлять на

основании четвертных, а время с апреля по июнь использовали «исключительно на занятия военным строем» [8].

К 1917 году учебников и письменных принадлежностей катастрофически не хватало. Педагоги высказались «категорически против занятий гимнастикой при таких тяжелых условиях жизни [...] (недостаток питания учащихся, необходимость особенно бережно обращаться с одеждой и обувью, ввиду их крайне дороговизны). В настоящее время условия жизни стали еще более тяжелыми» [9]. В протоколах имеется много сведений об отчислении гимназистов из учебного заведения по причине смерти. В 1919 году директор Симферопольской гимназии Л. Жирицкий неоднократно отговаривал учащихся от поступления в Добровольческую армию. А педагогический совет просил всех учителей, «преподающих в гимназии, проявить в исполнении лежащих на них обязанностей все свое усердие, знания и опыт и служить во всем для своих учеников добрым живым примером» [10]. Чтобы уберечь детей от дурного влияния улицы, устраивали турниры по шашкам, шахматам, нардам, музыкальные вечера. Учителя И. Курчатова (Сеницкий, Александров, Семенец и преподаватель гимнастики) возглавили специальные комиссии по организации игр на свежем воздухе, а также открыли секции плавания и гребного спорта.

Таким образом, исследование архивного материала, связанного с гимназическими годами обучения И. Курчатова, дали возможность ответить на важные вопросы: что способствовало выработке устойчивых познавательных интересов ученика, развитию потребности в умственном труде, каково влияние условий организации учебно-воспитательного процесса на формирование творческой личности гимназиста Игоря Курчатова. Личный пример педагогов во многом определил в дальнейшем отношение будущего ученого к своему труду.

Примечания

1. Шостка В. И. Высшая радость – радость открывать и творить. //Таврический университет. 2008, янв. февр. № 1 – 2.
2. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). Ф. 104. Оп. 1. Д. 1066. Л. 54.
3. Там же. Л. 57.
4. Там же. Д. 1089. Л. 67.
5. Там же. Л. 89.
6. Там же. Д. 1066. Л. 76.
7. Там же. Д. 1078. Л. 59.
8. Там же. Л. 20.
9. Там же. Д. 1152. Л. 70.
10. Там же.

**ВЛИЯНИЕ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА 1937-1938 ГОДОВ
НА КУРОРТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА**

Плужник П.Б.

Крымское республиканское учреждение «Ливадийский дворец-музей»

В 1930-е гг. в СССР идет становление политической системы, полностью ориентированной на индустриализацию и форсированное развития экономики. Предельная централизация устанавливается во всех сферах жизни. Рычаги власти от государственных органов переходят к партийным.

По мере разрастания масштабов экономики идет небывалый рост аппарата управления, значительно укрепляется бюрократия. Желая снизить отрицательный эффект от бюрократизации, руководство страны стало прибегать к практике прямого вмешательства партии в деятельность хозяйственных органов на местах. Политбюро, предопределявшее все основные направления развития страны, заодно начинает рассматривать и массу мелких, второстепенных проблем.

Усиление бюрократизма и жесткая централизация власти порождают в обществе протест и сопротивление, особенно в среде старой интеллигенции, изначально скептически воспринявшей советскую власть. Появляются оппозиционные настроения и в самой партии. На недовольных сталинским правлением обрушились репрессии, под которые была подведена соответствующая идеологическая база.

«Массовые операции» по выявлению и разгрому враждебных элементов, проведенные органами НКВД в годы Большого Террора, стали причиной многих необоснованных арестов и судебных процессов по делу руководителей всех уровней. Годом самых масштабных репрессий, ударивших по судьбам миллионов людей и трагически отразившихся на всех сторонах жизни общества, стал 1937 год. Отзвуки событий тех лет в Крыму хранят архивные документы ГА АРК.

К середине 30-х годов на курортах ЮБК сложилась крайне напряженная ситуация. Объявленный еще при В.Ленине, в 1921 году, всероссийской пролетарской здравницей, Крым теперь оказался не в состоянии принять на лечение всех нуждающихся. При этом вопрос стоял не столько в восстановлении здоровья, сколько о восстановлении трудоспособности - стране были крайне необходимы рабочие руки. Напряженный, с работой на износ, ритм первых пятилеток не прошел бесследно для здоровья советских людей. Коллективизация, индустриализация, массовый принудительный труд на фоне крайне низкого уровня жизни, основательно подорвали здоровье трудящихся. Неуклонно росла заболеваемость по многим тяжелым болезням, включая расстройства нервной системы и туберкулез. Население остро нуждалось в оздоровлении. На ЮБК начинался неконтролируемый приток больных. Архивные документы свидетельствуют – «...уже с марта месяца курорты ЮБК не в состоянии удовлетворить спрос на туберкулезные койки и в первую очередь для открытых форм туберкулеза... Туббольные приезжают самотеком, устраиваясь на частных квартирах... Невозможность, получить путевки в туберкулезные санатории ЮБК создали громадный наплыв тяжело больных в Ялту, ежедневно осаждающих курортное управление и курбюро с настойчивыми просьбами о предоставлении им санаторного лечения...» [1]. Одна из главных причин, вызвавших трудности в работе курорта того периода, в том, что первый пятилетний план не учитывал реальных ресурсов Крыма, его хозяйственных и культурных особенностей, взяв необоснованный крен в сторону тяжелой промышленности. От формулы «Крым курортный и аграрно-индустриальный» перешли к формуле «Крым индустриально-аграрный и курортный». Бюджет на промышленное строительство вырос более чем в восемь раз. Форсированная индустриализация негативно отразилась на социально-культурной сфере, углубляя диспропорции в народном хозяйстве. В таких условиях масштабная реконструкция ЮБК не выглядела актуальной, и ее темпы существенно замедлились. Исчерпала себя и практика расширения курортов за счет приспособления старых особняков и зданий дореволюционной постройки, активно использовавшаяся в 20-е годы. Старый фонд с разнородной мебелью, медицинским обо-

рудованием и инвентарем был к середине 30-х изношен до предела, поддерживать его далее на необходимом уровне, больше не представлялось возможным. Курорт работал на пределе возможностей, постепенно приходя в упадок. Материалы обследования курортов того периода, свидетельствуют, – «...постановка лечебного дела и обслуживание больных в санаториях, в ряде случаев, не удовлетворяет основным (минимальным) требованиям, предъявляемым к квалифицированным медицинским учреждениям. В наиболее тяжелом состоянии находятся санатории для туберкулезных больных, которые по своему внутреннему распорядку, системе лечения и оборудованию, мало походят на санаторные учреждения и лишь отдаленно приближаются к ним... Туберкулезные санатории в своем большинстве запущены, давно не ремонтировались, содержатся грязно, обставлены плохо, старой, случайно собранной мебелью, не имеют необходимого количества помещений общего пользования, не говоря уже о специально приспособленных для климатолечения...»[2].

К середине 30-х такое положение дел стало не терпимым. Назревал вопрос об ответственности виновных. Маховик репрессий, развернутых по всей стране с целью окончательной ликвидации оппозиции, уже работал на полную мощь, в том числе и в Крыму. Растущие проблемы руководство страны стремилось решить за счет ужесточения дисциплины. В качестве несомненных доказательств вины при этом приводились любые, часто самые незначительные упущения и огрехи в работе, вызванные порой, некомпетентностью, безграмотностью или элементарной халатностью. Но истинные причины проблем мало интересуют тогда, когда есть возможность списать просчеты на происки врагов. Годы Большого Террора такую возможность давали. Особое рвение в поиске «врагов народа» проявляли партийные органы. «Врагам народа», попавшим в поле зрения советских карательных органов, предъявляли, как правило, стандартные обвинения в «шпионаже» или «вредительстве». На основании подобных обвинений были обезглавлены многие крупные предприятия и организации по всей стране. Не стал исключением и Крым. С 1935 по 1937 год НКВД арестовало здесь по политическим мотивам более 3000 человек, раскрыло и ликвидировало 25 шпионско-террористические организации общим числом в 500 человек, а так же 350 контрреволюционных групп общей численностью 1900 человек [3]. В 1937 году органами НКВД по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной террористической организации» была арестована группа сотрудников пионерского лагеря «Артек» во главе с заместителем директора по воспитательной работе Б.Овчуковым. Только благодаря своевременному вмешательству первого секретаря ЦК ВЛКСМ А.В.Косарева, в последствии так же репрессированного, дело удалось прекратить [4].

В годы Большого Террора «вредители» были выявлены и в курортной сфере ЮБК. Об этом сообщают местные газеты - «Красный Крым» и «Курортные известия» опубликовавшие в конце 1937 года статью доктора Макарова «Об ошибках в курортном строительстве», которая получила в то время широкий резонанс среди медицинской общественности Крыма. Публикация констатирует недопустимо низкий уровень организации лечения туберкулеза на ЮБК, анализирует причины многочисленных недостатков и предлагает меры по их устранению.

В декабре 1937 – январе 1938 годов на ЮБК прошли общие собрания врачей, вызванные появлением указанной статьи. Обсуждение переросло в острую дискуссию по актуальным вопросам положения на курорте и перспективах его развития. В ходе собрания прозвучали обвинения в адрес «врагов народа», разваливших сеть противотуберкулезных санаториев ЮБК, требования повысить бдительность на всех участках работы и единодушная поддержка решению Партии и Правительства возродить и развивать противотуберкулезный профиль южнобережного курорта. В решении одного из таких собраний говорится - « Враги народа, орудовавшие в системе здравоохранения, нанесли нелегкие удары и в курортном деле, где было сокращено 2.5 тыс. туб. коек на ЮБК, чем лишили возможности до 150 тыс. больных в год получать оздоровление организма и стать работоспособными. ЮБК, как климатологическая станция, должен в первую очередь служить для туббольных, а поэтому намеченные мероприятия по ликвидации последствий вредни-

тельства в части расширения туб. коечности на ЮБК считать абсолютно правильными, как на наилучшей климатической станции Союза» [5].

В качестве временной меры, до возведения новых здравниц, участники собраний предложили расширить противотуберкулезную сеть за счет перепрофилирования санаториев нервно-соматического (терапевтического) профиля. Наиболее перспективным в этом плане представлялся Симеиз, хотя в перспективных планах развития ЮБК, этот курорт числился, как нервно – соматический. Предлагалось, временно, изменить профиль этого курорта, начав с организации туберкулезного санатория на 500 мест на базе двух нервно-соматических здравниц – им. «Семашко» и им. «Фрунзе». Это предложение вызвало у специалистов не однозначную реакцию. Доктор Трисвятский напомнил собравшимся мнение авторитетного профессора Мезерницкого о том, «...что если у больного туберкулез, то на пляж мы его не пустим...» и высказал убеждение о не пригодности расположенных на «продувном месте» санаториев им. «Семашко» и им. «Фрунзе» для лечения туберкулезных больных [6]. Однако все собравшиеся хорошо понимали - альтернативы предложенному пути быстрой организации противотуберкулезной сети на ЮБК, как того требовали сверху, у них нет.

Началось перепрофилирование здравниц. Это был уже не первый передел санаторного фонда. Процесс, похожий на этот, правда, прямо противоположной направленности, имел уже место в начале 30-х. Тогда решению сократить противотуберкулезную сеть так же предшествовал обмен мнением специалистов курорта о наиболее предпочтительном медицинском профиле ЮБК. Единый научный медицинский Совет посчитал, что приоритетным направлением должно стать лечение нервно-соматических (терапевтических) болезней. В качестве аргументов приводили доводы о том, что в здравницах, расположенных у береговой черты туберкулезные больные подвергаются влиянию влажного приморского воздуха, что отрицательно отражается на результате их лечения. Указывалось на чересполосицу здравниц различного профиля и нежелательность внедрения туберкулезных больных в смешанный курорт, отсутствие необходимого количества врачей соответствующего профиля, невозможность изолировать туберкулезных санаториев от местного населения, недостаточное озеленение территории отдельных курортов, отсутствие воды, электроэнергии, необходимых бытовых условий для медперсонала и многое другое. Насколько эти доводы весомы, судить специалистам, но в свое время их признали убедительными для изменения профиля южнобережных курортов.

В результате, за период с 1930 по 1933 год количество туберкулезных коек на ЮБК сократилось более чем на 40 %. Если в 1930 году из 5122 всех санаторных коек, для туберкулезных больных было 3539 коек, то уже в 1933 году из 6858 санаторных коек для них предназначалось всего 2141 койка [7]. Одним из последних, в 1934 году, по распоряжению директора курортного треста Громова, был перепрофилирован детский противотуберкулезный санаторий «Ай-Панда» на 120 мест, в Симеизе. В дальнейшем процесс стабилизировался, количество туберкулезных коек уже не сокращалось и даже несколько увеличилось. К концу 1936 года из 5216 общего количества санаторных коек ЮБК, на их долю приходилось 2680 [8].

В конце 1930-х годов, в силу известных причин, общая ситуация по туберкулезу в стране резко ухудшилась. Рост заболеваемости населения заставил советское руководство переменить ранее принятое решение и в спешном порядке начать восстановление на ЮБК противотуберкулезной сети. Предполагалось, не только восстановить ее, но и расширить за счет лучших курортных здравниц.

Выполнить поставленную задачу, в условиях того времени, можно было только за счет разросшейся в предшествующие годы сети санаториев нервно – соматического профиля. Жизнь заставляла признать ошибочность ранее принятых решений, но это было не в традициях власти. Должностных лиц, причастных к принятию и исполнению тех решений, которые разошлись с новой «линией» Партии, ждала трагическая участь и клеймо «врага народа». Не миновала эта участь и многих руководителей курортной сферы ЮБК. Среди них оказались обвиненные в разработке теории о том, что «... морские купания, солнце и тяжелый рельеф местности для туберкулезных больных является вредным фак-

тором» главный врач курортного треста ЮБК Ринкевич, директора государственного института климатологии и климатотерапии туберкулеза ЮБК (ГИМКК) Людмирский и Нюрин, а так же директор поликлиники курортного треста ЮБК Сафрабелян. Руководитель курортного сектора ОК ВКП (б) Ольховой, руководитель медчастью всесоюзного объединения курортов (ВОК) Ганштак, и директор курортного треста ЮБК в 1934 - 1936 годах Громов были обвинены в том, что «...закрывают противотуберкулезные санатории, а на их базе разворачивают нервно-соматические»[9].

Все они за «вредительство» были объявлены «врагами народа» и лишены занимаемых должностей. Дальнейшая судьба этих людей автору, к сожалению неизвестна, но это уже тема для новых исследований.

Устранять последствия «вредительства» было поручено новому директору курортного треста Федорову, назначенному, вместо уволенного в конце 1936 года, Громова. Работа под руководством нового директора началась без тщательной подготовки и глубокой проработки проблемы. Рассчитывая на быстрый успех без серьезных усилий, руководители треста ограничились полумерами - возвращая туберкулезный профиль тем здравницам, которые ранее его потеряли. Но даже эти, ясные и весьма ограниченные задачи выполнить качественно и полно не удалось. Курорт оказался не в состоянии самостоятельно организовать работу медицинских учреждений подобного профиля, что свидетельствует о глубоком кризисе в этой сфере здравоохранения, возникшем в результате накопившихся за годами нерешенных проблем, и лишь отчасти может быть объяснен действиями отдельных, враждебно настроенных, лиц. О начале кризиса курортной отрасли свидетельствует, кстати, и представляющаяся вынужденной, смена медицинского профиля в начале 30-х годов с затратного и ответственного лечения туберкулеза на менее проблемный во всех отношениях нервно-соматический, проведенная под руководством Громова. Быстро переломить ситуацию и разрешить проблемы копившиеся годами новому руководству курорта оказалось не по силам. «Знакомство» с реальным положением дел стоило новому директору-ликвидатору, кресла руководителя. За время его деятельности дело с места практически не сдвинулось. Бюро Ялтинского РК ВКП (б) было вынуждено признать работу курортного треста ЮБК за 1937 год неудовлетворительной [10]. Основные показатели выполнения плана за этот год оказались невыполненными (88,5 %) и даже сократились по сравнению с результатами 1936 года, что собственно и послужило причиной появления критических замечаний в газетах «Курортные известия» и «Красный Крым»[11].

НКЗ СССР оперативно отреагировал на проблему. В первом квартале 1938 года была проведена всесторонняя проверка и документальная ревизия курортного треста ЮБК, в ходе которой был выявлен ряд серьезных недостатков. Общее представление о состоянии курорта дают архивные материалы, - «нет бланков, истории болезни ведут на обоях, кусках бумаги, обработать их невозможно...учетом результатов лечения никто не занимается...», «группа больных шесть дней ходила на просвечивание, но так и не была просвечена, не было электроэнергии...», «0,25 рентген-снимка на каждого больного...», «отопительная сеть неисправна...», «нет необходимого оборудования...», «срочно создать жилфонд и улучшить питание сотрудников...», «вино сшибает все результаты лечения...» и тд. [12].

По итогам проверки Федоров был освобожден от занимаемой должности. Руководство трестом передали новому директору - Карасевичу. С его назначением в курортном строительстве ЮБК начались положительные сдвиги. Этому в немалой степени способствовала и программа III-го Государственного пятилетнего плана на 1938 - 1942 годы. Выполняя задания этой пятилетки, СНК Крымской АССР разработал и утвердил генеральный план курортов ЮБК, в соответствии с которым предусматривалось значительное расширение зоны курортов, развитие транспортных коммуникаций, сетей водо- и электроснабжения, комплексное озеленение, благоустройство и что самое важное – строительство новых здравниц.

Учитывая последствия Большого Террора для страны в целом, отметим так же его пагубное влияние и на курортное строительство в Крыму. Накладываясь здесь на глубокие просчеты в руководстве и планировании, постоянная угроза репрессий породила атмо-

сферу страха, всеобщего недоверия и бюрократизма, парализовала творческую инициативу, затормозила развитие и усугубила кризис этой сферы здравоохранения. Устранение опытных руководителей и специалистов сделало невозможным нормальное функционирование курортной отрасли, что быстро отразилось на всех сторонах ее деятельности. В те годы никто не мог себя чувствовать спокойно, даже в высшем руководстве страны. И только приближение военной угрозы, заставило государство взять курс на прекращение Большого Террора. После смены руководства правоохранительных органов в 1938 году, масштаб репрессий, пик которых пришелся на 1937 года, пошел на спад и даже начался процесс частичной реабилитации.

За три благоприятных предвоенных года Крым превратился в подлинно всесоюзную здравницу, где трудилось около 3,0 тыс. медработников, включая более чем тысячу врачей. Здесь действовало 144 здравницы на 23 тыс. мест с пропускной способностью до 300 тыс. человек в год, из которых 49 здравниц принадлежало НКЗ СССР. Количество коек в здравницах НКЗ СССР увеличилось почти вдвое и насчитывало 8,6 тыс. мест. [13]. Это было самое продуктивное и динамичное время в развитии южнобережных курортов за весь советский довоенный период. Но до окончательного превращения ЮБК в полноценный всесоюзный курорт было еще далеко. Даже еще в 1950 году ОК ВКП (б) констатировал – почти 90% санаториев расположены в приспособленных зданиях, необорудованных для проведения широкого климатолечения [14].

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Государственный архив в Автономной республике Крым (далее – ГА АРК). Ф.р. 4093. Оп.2. Д.899.Л.10,111.
2. Там же. Л.113.
3. Ялтинский курьер. 2008. 5-11 марта.
4. Первая крымская. 2008. 1-7 февраля.
5. ГА АРК. Ф.р. 4093. Оп.2.Д.899. Л.16.
6. Там же. Л.13.
7. Там же. Л.111.
8. Там же. Л.95-97.
9. Там же. Л.57.
10. Там же. Л.53.
11. Там же. Л.26,66, 68.
12. Там же. Л.2, 11-14.
13. Горбунов Ю.И. Крымская АССР (1921-1945). Симферополь, 1990. С. 123.
14. ГА АРК. Ф.р.-4093 Оп.1. Д.391. Л.5.

К ВОПРОСУ О СОБЫТИЯХ В ЛИВАДИЙСКОМ ДВОРЦЕ 5 ИЮЛЯ 1942 ГОДА

Плужник П.Б.

Крымское республиканское учреждение «Ливадийский дворец-музей»

Ливадия, без сомнения обладает особой положительной энергетикой, определяющей ее судьбу и место в истории, не оставляя, при этом, равнодушным никого, кто хоть раз соприкоснулся с этим удивительным и неповторимым уголком южного берега Крыма.

Сегодня Ливадия - это обширная курортная территория в границах поселка городского типа, расположенного в трех километрах к юго-западу от Ялты, на восточном склоне горы Могаби.

История этого места уходит в глубь веков. В конце XVIII столетия здесь находилось греческое поселение, носившее название Ай-Ян. Позже, в 1783 году, эти земли были пожалованы Екатериной II Балаклавскому греческому батальону. В 1834 году территорию, занимаемую Ливадией, купил польский граф Лев Потоцкий, построивший здесь большой дом барского типа с парками и виноградниками. В 1860 году Ливадию приобретает для царской семьи у наследников графа Удельное ведомство и с этих пор она становится любимой летней резиденцией трех последних российских императоров – Александра II, Александра III и Николая II.

Высочайший приезд в Ливадию 20 сентября 1911 года был знаменателен: царскую семью ожидало радостное событие – новоселье в новом Ливадийском дворце. 27 сентября 2006 год исполняется 95 лет со дня его постройки. Дворец был выстроен по проекту известного ялтинского архитектора Н.П.Краснова из белого инкерманского камня, в стиле итальянского Возрождения, и представляет собой лучшее из многочисленных творений этого одаренного мастера. Новый дворец превзошел самые смелые мечты и ожидания Романовых.

Ливадийский дворец, окружает ландшафтный парк площадью около 40 гектаров, который был заложенным в 30-40-х годах XIX века известным садоводом Делингером. Он является единственным дворцом, построенным в царствование Николая II.

После установления в Крыму Советской власти, Ливадия становится крупнейшей южнобережной здравницей.

С началом Великой Отечественной войны санаторий «Ливадия» был превращен в тыловую госпиталь, принявший раненых бойцов и командиров Красной армии.

Фронт неудержимо приближался к Крыму. После 10 дней ожесточенных боев за Ишуньские перешейки, 28 октября 1941 года, немецкие войска прорвали советскую оборону и начали преследование частей Отдельной Приморской армии, отходивших к Севастополю в двух направлениях – через Бахчисарай и южный берег Крыма.

Советские войска не успели занять оборону у северных труднодоступных отрогов крымских гор, опираясь на которые, при поддержке кораблей Черноморского флота, представлялось реальным надежно, в течение длительного времени, удерживать южный берег Крыма. Немцы, прорвались к морю через Ангарский перевал и 4 ноября 1941 года захватили Алушту, расколов наши главные силы на две части. Судьба Южнобережья была предопределена.

Уходя из Ялты, советские войска, уничтожали стратегически важные объекты, коммуникации и запасы продовольствия, включая вина массандровских подвалов, вылитые в огромном количестве в реку Дерекойку. Среди населения города началась паника, сопровождавшаяся пьянством, грабежами и поджогами. В этот период был нанесен значительный урон городскому и курортному хозяйству. Большой Ливадийский дворец в те трагические дни остался цел.

Подразделения вермахта вступили в Ялту 7 ноября 1941 года, положив начало длительному периоду оккупации, который окончился, лишь, 16 апреля 1944 года.

Командующий 11 немецкой армией генерал-полковник Э. Манштейн был поражен красотой южного берега Крыма. Нет ничего удивительного в том, что Ливадия сразу же привлекла его внимание. Позже он напишет в своих мемуарах,-

«Южный берег Крыма, часто сравниваемый с Ривьерой, пожалуй, превосходит ее по красоте. Причудливые очертания гор, крутые скалы, спадающие в море, делают его одним

из прекраснейших уголков Европы. В районе Ялты, недалеко от которой расположен царский дворец, Ливадия, горы покрыты чудеснейшим лесом, какой только можно себе представить. Всюду, где между гор было немного пространства, плодородная земля покрыта виноградными и плодовыми плантациями. Всюду произрастают тропические растения, а в особенности в чудесном парке, окружающем Ливадийский дворец. Чувствуешь себя, как в райских садах.... Нас восхищал рай, лежащий перед нашими глазами.... Не только красота местности, но и историческое прошлое на каждом шагу приковывало наше внимание» [1].

С приходом в Крым немецких войск, завоеватели сразу взяли под особый контроль все парковое хозяйство, дворцовые и служебные постройки, рассчитывая на послевоенную колонизацию полуострова.

Э. Манштейн, несомненно, выделял Ливадию. Он запомнил ее название и в дальнейшем неоднократно упоминал о ней в своих мемуарах.

Ряд источников, освещающих события того периода, содержит информацию о том, что командующий 11 немецкой армии Э. Манштейн получил в дар от фюрера, за удачно проведенную Крымскую кампанию, один из южнобережных дворцов.

В частности, в мемуарах маршала А.М.Василевского об этом сказано так, - «Фашисты, отступая, взрывали и сжигали все, что только успевали. Пострадали, в частности многие дворцы на южном берегу Крыма. Уцелело лишь здание неподалеку от Ялты: его Гитлер «подарил» в 1942 году Манштейну, командовавшему тогда войсками, захватившими Севастополь» [2].

Нельзя исключить вероятность того, что подарен, был именно Ливадийский дворец.

В пользу этого свидетельствует ряд аргументов. Действительно, так понравившийся Э.Манштейну дворец, находился рядом с Ялтой. Он абсолютно не пострадал в апреле 1944 года, несмотря на приказ командующего оборонявшей Крым 17 армии генерала Э.Йенеке, уничтожить имущество при отступлении.

Разрушению подлежали аэродромы, железные дороги, гавани, средства связи, все хозяйственные постройки, потребительские и снабженческие товары, с целью - не дать противнику возможности длительное время использовать полуостров, как оперативную базу. Не были оставлены без внимания и виноподвалы Крыма - в приказе говорилось: «Алкогольные напитки не уничтожать, а оставить русским. Практика показывает, что когда они захватывают такие трофеи, их наступление замедляется» [3]. Справедливости ради заметим, что прямого указания уничтожить дворцы приказ не содержал.

После ухода немцев в окрестностях Ялты сохранилось несколько прекрасных дворцовых сооружений. Уже только это не позволяет решить вопрос с «подарком» простым умозаключением. Вопрос остается открытым. Прямых документальных свидетельств этому факту исследователю получить пока не представилось возможным.

На долю Ливадийского дворца выпало не мало серьезных испытаний, но на грани полного уничтожения он оказался, пожалуй, только однажды, в военные годы.

Одна из самых драматических страниц в истории Ливадийского дворца приходится на 5 июля 1942 года и непосредственно связана с «любовью» к нему все того же Э. Манштейна.

1 июля 1942 года, приказом Гитлера, командующему 11 армии генерал-полковнику Э.Манштейну, за особые заслуги в боях за Крым, было присвоено звание генерал-фельдмаршала.

В качестве места проведения торжеств был выбран Ливадийский дворец. Вот, как описывает в своих мемуарах это событие сам Э.Манштейн,- «После того как наша задача была завершена такой победой, я испытал внутреннюю потребность сказать слово благодарности своим соратникам. Я не имел возможности всех их увидеть, чтобы позвать им руку. Поэтому я пригласил, по крайней мере, всех командиров, вплоть до командиров батальонов, и всех тех офицеров, унтер-офицеров и рядовых, кто имел Рыцарский крест или Золотой немецкий крест, на торжественный акт в парк бывшего царского дворца в Ливадии.

Вначале мы почтили память товарищей, отдавших свою жизнь, чтобы проложить нам путь к победе. Прозвучала вечерняя заря. «Сила любви» и наша тихая молитва вознеслись к небу. Последнюю дробь барабана сменила песня о добром товарище...

В заключении мы собрались все за скромным ужином, который, правда, прошел не совсем спокойно. Несколько советских самолетов, прилетевших с Кавказа, угостили нас бомбами; к счастью, все обошлось без жертв» [4].

А вот, как события того дня выглядят в изложении ветерана войны А.Лебедева: «... в один из первых дней июля к портику главного входа в Ливадийский дворец стали припарковываться тяжелые машины с изящной мебелью... 5 июля, во второй половине дня, командующий немецкими войсками в Крыму генерал Манштейн собирается провести торжественный прием солдат и офицеров, особо отличившихся при третьем штурме Севастополя. По этому поводу в Ливадию должны прилететь и важные члены вермахта. Через партизанский центр... информация пошла в Краснодар... О торжествах стало известно командованию Закавказского фронта и в штабе авиации Черноморского флота. И несмотря на крайнюю ограниченность парка бомбардировщиков, авиационное командование решило выделить для удара по Ливадии несколько самолетов СБ и ДБ -3ф из 40-го бомбардировочного и 5-го гвардейского минно-торпедного полков... После сброса бомб с воздуха им (летчикам – П.П.)было видно, как ломались деревья, рушились постройки, металась в огне люди. Но на аэродроме по фотоконтролю штурман ведущего самолета понял, что главная цель была определена им неверно. И дворец не пострадал. Пожалуй, эта ошибка была все же счастливой...»[5].

Еще одно свидетельство событиям 5 июля 1942 года представлено в воспоминаниях бывшего штурмана экипажа 452-го БАП Г. Булацкого,- « За взятие Севастополя ... фюрер удостоил генерала Манштейна чина фельдмаршала. По этому поводу в Ливадийском дворце был устроен торжественный бал, на котором вручались ордена и медали фашистским генералам и офицерам. О месте и времени пиршества гитлеровцев стало известно нашему командованию. С Большой земли в воздух поднялись летчики 6-го бомбардировочного полка под командованием В.Лукина и семь экипажей самолетов-торпедоносцев авиации Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта М.Буркина. Погода не благоприятствовала. Видимость была плохая. Трудно было отыскать нужную цель. Об этом доложил штурман торпедоносца капитан Ф.Климов старшему лейтенанту М.Буркину: - Зайдем на цель с запада. Не вытерпят фашисты, выдадут себя! В это время с другого направления к вражескому объекту подходили бомбардировщики 6-го БАП майора В.Лукина из 5-й воздушной армии, флагманский штурман которого успел сделать точные расчеты. На голову врага тот час же обрушился бомбово-торпедный удар. Раздались мощные взрывы. Погас свет, в стане врага началась паника. Гитлеровские вояки бросились к окнам и дверям... А наши славные соколы заходили на повторный круг. Как потом сообщили крымские партизаны, в ту памятную ночь под обломками Ливадийского дворца нашли свою могилу около 300 фашистских головорезов» [6].

Приведенные здесь воспоминания приводятся, увы, без комментария.

События 5 июля 1942 года в Ливадии, мало изучены, и ставить точку в этой истории еще слишком рано.

Вероятно, не может вызывать сомнения лишь основной факт, на который указывают все приведенные здесь источники, - 5 июля 1942 года, на Ливадию, в Большом дворце которой командованием 11 немецкой армии в главе с генерал-фельдмаршалом Э.Манштейном был устроен торжественный прием, посвященный окончательному завоеванию Крыма, совершила спланированный налет советская авиация.

В оценке результатов налета источники расходятся существенно. Для устранения имеющихся противоречий и выявления новых сведений, исследователей этой темы впереди ждет нелегкая, скрупулезная, но крайне интересная работа по воссозданию реальной картины этого неординарного события.

Представленный же здесь материал ставит своей целью, лишь обозначить контуры существующей проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Манштейн Э. Утерянные победы: Пер. с нем. Ростов н/Д., 1999. С. 238.
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974. 530 с.
3. Широкоград А.Б. Битва за Черное море. М., 2005. С. 494-495.
4. Манштейн Э. Указ. соч. С. 289-290.
5. Крымская газета. 2002, 23.10.
6. Вечерний Минск. 1982, 23-26.09.

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ КРЫМСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ
ОТЦА И СЫНА ВЕРНАДСКИХ ВРЕМЁН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Филимонов С.Б.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

В 1920 году, в разгар братоубийственной Гражданской войны, интеллигенция Крыма, оставаясь верной культурным традициям, решила отметить 100-летнюю годовщину со времени пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Крыму.

Непосредственным инициатором празднования юбилея был замечательный крымский ученый-краевед, многолетний бессменный председатель Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) и, по емкому определению Георгия Владимировича Вернадского, «ее душа» [1] Арсений Иванович Маркевич.

19 мая 1920 года на заседании ТУАК (на котором присутствовали и такие знаменитые в будущем ученые, а в то время – молодые профессора историко-филологического факультета Таврического университета, как Б.Д. Греков, Г.В. Вернадский, Н.К. Гудзий), А.И. Маркевич предложил отметить предстоящее в сентябре 100-летие со времени пребывания А.С. Пушкина в Тавриде устройством особого публичного заседания Комиссии, с соответствующими докладами и речами, и изданием сборника статей. Как отмечено в протоколе заседания, собрание «вполне согласилось с мыслью А.И. Маркевича и постановило употребить старания к составлению и изданию Пушкинского сборника».[2]

Из отчета ТУАК за 1920 год явствует, что сборник издать не удалось.[3]

А заседание ТУАК, посвященное памяти А.С.Пушкина, состоялось 18 (31) октября 1920 года. На нем были заслушаны доклады А.И. Маркевича «А.С. Пушкин и Таврида», Г.В. Вернадского «А.С. Пушкин как историк», Л.В. Жирицкого «А.С. Пушкин и Овидий», Н.К. Гудзия «А.С. Пушкин как литературный критик».[4]

Увы, в протоколе изложение докладов отсутствует. Вероятно, предполагалось, что они будут напечатаны в намеченном к изданию сборнике. А сборник, как мы знаем, издан не был, т.к. спустя несколько дней после означенного заседания Крым стал красным в прямом (от крови) и переносном значении этого слова...

Удалось установить, что доклады А.И. Маркевича и Л.В. Жирицкого спустя несколько лет все же были опубликованы.[5] Следы доклада Н.К. Гудзия можно отыскать в его многочисленных опубликованных пушкиноведческих трудах.[6] Но вот о судьбе доклада Г.В. Вернадского до недавнего времени ничего не было известно.

Дело в том, что осенью 1920 года выдающийся русский историк Г.В. Вернадский состоял в должности не только профессора Таврического университета, но и начальника отдела печати в правительстве генерала П.Н. Врангеля, а потому имел основания полагать, что с приходом красных он будет немедленно расстрелян. (Напомню читателям, что в ноябре 1920 года чекистами были расстреляны министры антибольшевистских Крымских краевых правительств А.П. Барт и А.А. Стевен [7]).

30 октября (12 ноября) 1920 года (т.е. 12 дней спустя после прочтения своего доклада), взойдя в Севастополе на палубу парохода «Рион», Г.В. Вернадский покинул Родину. Как оказалось, навсегда...

Константинополь, Афины, Прага, Йель (США)... Г.В. Вернадский становится одним из основателей современной американской школы русской историографии. Он – автор 22 книг (в том числе многотомной «Истории России») и около 300 статей. Его читают и почитают во всем цивилизованном мире. Но не в СССР. Здесь он – «белоэмигрант», «видный представитель классово чуждой буржуазной историографии». Статьи о нем отсутствуют не только в таких официальных изданиях, как «Большая Советская Энциклопедия», «Советская Историческая Энциклопедия», «Украинская Советская Энциклопедия» и т.д., но и в вышедших уже в середине 1990-х годов очерках истории Симферопольского университета и биографическом справочнике о его преподавателях [8], где профессор Г.В. Вернадский не значится даже в списках... По существу, впервые о Г.В. Вернадском крымская об-

щественность узнала лишь в 1994 году, когда в № 1 журнала «Крымский Архив» были перепечатаны из американского «Нового журнала» воспоминания Г.В. Вернадского о Крыме.[9]

Дальнейшие разыскания в архивах, музеях и библиотеках позволили дополнить бытующие с тех пор представления о крымском периоде творческой биографии Г.В. Вернадского.

Георгий Владимирович Вернадский (1887 – 1973) родился 20 августа 1887 года в Петербурге в семье ученого-энциклопедиста Владимира Ивановича Вернадского. В 1910 году Г.В. Вернадский с отличием окончил историко-филологический факультет Московского университета. Свою магистерскую диссертацию «Русское масонство в царствование Екатерины II», выполненную под руководством профессора С.Ф. Платонова, Г.В. Вернадский успел защитить в Петербургском университете 22 октября 1917 года, за 3 дня до большевистского переворота и, таким образом, формально может считаться последним видным представителем дореволюционной русской исторической науки.

В эпоху революции и Гражданской войны Г.В.Вернадский покидает столицу. Он преподает русскую историю нового времени поначалу в Пермском университете, а с осени 1918 года – в Таврическом.[10] В Симферополе он становится, помимо того, членом-учредителем и председателем Общества философских, исторических и социальных знаний при Таврическом университете, товарищем (заместителем) председателя Симферопольского Религиозно-философского общества, членом ТУАК и заведующим ее архивом, научным сотрудником учрежденного 22 мая 1919 года Таврического Центрального архива, возглавил который коллега и близкий друг Г.В. Вернадского – крупнейший отечественный историк Борис Дмитриевич Греков.

Документы свидетельствуют, что членом ТУАК Г.В. Вернадский был избран 15 ноября 1918 года, одновременно с профессорами Таврического университета Н.К. Гудзием и А.П. Кадлубовским. 25 марта 1919 года, когда закрытой баллотировкой переизбирались все должностные лица ТУАК, председателем был избран А.И. Маркевич, товарищем председателя – Б.Д. Греков, а заведующим архивом – Г.В. Вернадский.

Непосредственный вклад Г.В. Вернадского в развитие архивного дела в Крыму состоял в следующем. Им были куплены на личные средства и тем спасены для науки продававшиеся на базаре в Симферополе по 2 рубля за фунт в качестве оберточной бумаги документы симферопольского полицейского архива. Им были разобраны, систематизированы и научно описаны вывезенные из имения Тавель материалы большого и чрезвычайно ценного архива В.С. Попова, правителя дел канцелярии князя Г.А. Потемкина.[11] Летом 1920 года Г.В. Вернадский должен был принять участие в разборе архивов удельных имений (т.е. имений, принадлежавших членам царской фамилии) на Южном берегу Крыма, но, скорее всего, обстоятельства Гражданской войны помешали ему выполнить это поручение ТУАК.

На заседаниях ТУАК Г.В. Вернадский выступал с научными докладами: «К истории колонизации Азовского побережья» (25 марта 1919 г.), «А.С.Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века» (11 мая 1919 г.), «Письма М.А. Гарновского кн. Г.А. Потемкину-Таврическому» (18 июня 1919 г.), «Стихи кн. Г.А. Потемкина на основание Екатеринослава» (18 июня 1919 г.), «Записки о необходимости присоединения Крыма к России» (3 июля 1919 г.), «Об историко-философских воззрениях С.Ф. Платонова» (1 ноября 1919 г.), «А.С. Пушкин как историк» (18 октября 1920 г.).[12] На заседании ТУАК 18 июня 1919 года Г.В. Вернадский должен был выступить еще и с докладом «Тавельский архив Поповых и значение его для истории», но, поскольку он был прочитан несколькими днями раньше на заседании, состоявшемся в Комиссариате Народного Просвещения по случаю открытия Центрального архива, было решено вторично его не заслушивать.

Шесть из восьми перечисленных докладов тогда же были напечатаны в «Известиях» ТУАК. Неопубликованными остались лишь доклады об историке академике С.Ф. Платонове и А.С. Пушкине.

Казалось, что подробно об их содержании мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Ведь в протоколах заседаний ТУАК эти доклады не были изложены. В крымских архивах рукопи-

сей этих докладов обнаружить не удалось. О печатных трудах профессора американского университета Г.В. Вернадского в СССР мало кому полагалось знать...

Но вот в 1998 году в Москве вышла книга Г.В. Вернадского «Русская историография». Она представляет собой первое в России переиздание вышедших в США в 1970-х годах очерков истории русской исторической науки. Есть в этой книге и очерки о С.Ф. Платонове и А.С. Пушкине, основные положения которых, несомненно, были изложены Г.В. Вернадским на заседаниях ТУАК в Симферополе еще в 1919–1920 годах.

В том же 1998 году, к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, в московском журнале «Преподавание истории в школе» была напечатана статья Г.В. Вернадского «Пушкин как историк».[13] Как явствует из редакционного примечания, статья эта – перепечатка из изданного в Праге еще в 1924 году сборника. Думается, что статья в пражском сборнике – ни что иное, как доклад, прочитанный Г.В. Вернадским на заседании ТУАК 18 (31) октября 1920 года. Его последний научный доклад на Родине...

А недавно мне довелось сделать и совершенно неожиданное открытие. Работая с издававшейся в Симферополе в 1917 – 1920 годах антибольшевистской газетой «Таврический голос», я наткнулся на опубликованные на ее страницах в 1919 – 1920 годах следующие девять статей Г.В. Вернадского: «Памяти академика А.С. Лаппо-Данилевского», «Памяти С.Ф. Платонова» (статья эта была вызвана поступившей в Крым из Петрограда информацией о кончине академика С.Ф. Платонова, оказавшейся ложной; Платонов умер в ссылке в Самаре в 1933 году), «Столетие военных поселений», «Дар Екатерины (К восстановлению памятника императрице Екатерине)», «Советский социализм и крепостное право», «Национальное творчество русского народа», «Английская революция в XVII веке», «Против солнца», «Французская книга о русской революции» (последняя статья подписана псевдонимом, который, впрочем, легко расшифровать: Г.В-ий).

Примечательно, что эти статьи сына внимательно читал отец, академик В.И. Вернадский. 10 (23) января 1920 года он записал в дневнике: «Прочел статьи Георгия [Вернадского] в симфер[опольских] газетах. Ясно, что он как историк считает вероятным, что окончательное успокоение и воссоздание мощной России – неизбежное и неотвратимое – может произойти через годы и десятилетия. То же чувство и у П.И.[Новгородцева]. Может быть, это правильный путь мышления».[14]

Увы, все прошедшие после Гражданской войны годы эти статьи Г.В. Вернадского оставались малоизвестными, а к настоящему времени стали и вовсе неизвестными. Ведь даже в изданном в 1975 году в Нью-Йорке списке печатных трудов Г.В. Вернадского (список этот, подготовленный к печати Н.Е. Андреевым (Кембридж), успел за месяц до своей кончины просмотреть сам Георгий Владимирович и признал его исчерпывающим) вышеперечисленные статьи не значатся.[15] А они, будучи уникальными памятниками русской исторической мысли периода «русской смуты», представляют в наши дни большой научный и широкий общественный интерес.

К сожалению, в обследованных мною хранилищах документальных памятников сохранились не полные комплекты «Таврического голоса». Думается, что на страницах отсутствующих номеров газеты были опубликованы и некоторые другие статьи Г.В. Вернадского. В пользу такого предположения свидетельствуют его «Исторические письма», имеющие нумерацию: первое из выявленных мною «Исторических писем» Г.В. Вернадского «Столетие военных поселений» имеет порядковый номер III. Так что работу по выявлению литературного наследия Г.В. Вернадского крымского периода его творческой биографии следует продолжить.

В крымских антибольшевистских газетах времен Гражданской войны мне удалось выявить и четыре публикации академика В.И. Вернадского 1920 года, которые не значатся в изданном списке его печатных трудов [16] и оставались, таким образом, малоизвестными. Таковы статьи В.И. Вернадского «Памяти проф. Кл. Арк. Тимирязева» и «Памяти проф. Г.Ф. Морозова», а также два интервью – «Беседа с академиком Вернадским» и «Русская наука и русские ученые в Крыму (Беседа с ректором Таврического университета В.И. Вернадским)», напечатанные соответственно 1 (14) и 14 (27) октября 1920 года. Напомню, что академик В.И. Вернадский был избран ректором Таврического университета 10 октяб-

ря 1920 года по новому стилю. Таким образом, перед нами – его первые интервью в новой должности. (В скобках замечу, что интервью эти – не только первые, но и, вероятно, последние: полмесяца спустя после напечатания второго интервью, 13 ноября 1920 года, в Симферополь вступили части Южного фронта под командованием М.В. Фрунзе; большевикам поначалу было не до интервью, а уже в январе 1921 года В.И. Вернадского на посту ректора университета сменил профессор А.А. Байков, которого лично еще с дореволюционной поры знал М.В. Фрунзе).

Выявленные публикации отца и сына Вернадских представляют большой интерес и для истории Таврического университета, и для истории интеллигенции, науки, культуры и просвещения в Крыму в годы Гражданской войны. Ниже они републикуются в качестве Приложения.

...Имя Владимира Ивановича Вернадского, ученого–энциклопедиста, академика, в 1919 – 1921 годах – первого президента Украинской академии наук, в октябре 1920 – январе 1921 годах – ректора Таврического университета, известно в Крыму давно и широко.[17] В августе 1999 года Указом Президента Украины Симферопольский государственный университет имени М.В. Фрунзе был преобразован в Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. А вот имя выдающегося русского историка Георгия Владимировича Вернадского известно в Крыму пока еще недостаточно широко. Между тем Крым был последним местом его пребывания на Родине. Пришла пора подумать о форме увековечения здесь памяти Г.В. Вернадского. Быть может, с помощью топонима. Или назвать именем Г.В. Вернадского одну из аудиторий исторического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, где он преподавал в 1918 – 1920 годах. Будет глубоко символично, если на крымской земле, где в 1920 году в результате Гражданской войны отец и сын Вернадские навсегда расстались, их имена воссоединятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вернадский Г. Русская историография.– М., 1998.– С. 133.
2. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь, 2004. – С. 122.
3. См.: Филимонов С.Б. Крым, 1917 – 1920 годы: Таврическая ученая архивная комиссия и памятники культуры// Крымский музей, № 1/ 94 год. – Симферополь, 1995. – С. 100.
4. См.: Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма... – Симферополь, 2004. – С. 125.
5. См. соответственно: Студії з Криму: Всеукраїнська АН: Зб. іст.-філол. відділу / Ред. А.Е. Кримський. – Київ, 1930. – С. 111 – 115; Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – Симферополь, 1927. – Т. 1 (58). – С. 90 – 99.
6. См.: Библиография трудов Н.К. Гудзии // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. – М., 1968. – С. 150 – 180.
7. Подробно об этом см.: Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. – Изд. 2-е, доп. – Симферополь, 2003. – С. 7 – 12, 113 – 123.
8. См.: Очерки истории Симферопольского государственного университета (1918 – 1993). – Симферополь, 1993; Биографический справочник о преподавателях Таврического университета – Крымского государственного педагогического института – Симферопольского государственного университета 1918 – 1993.– Симферополь, 1994. Отмеченный пробел был ликвидирован лишь в самое последнее время; см.: Профессора Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, 1918 – 2000. – Київ, 2000. – С. 30.
9. «В Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни...»: Г.В. Вернадский и его воспоминания о Крыме / предисл., подгот. текста к републикации В.В. Лаврова, комментарии А.В. Мальгина // Крымский Архив. – Симферополь, 1994.– № 1.– С. 28 – 46.
10. Биографическую справку профессора Таврического университета Г.В.Вернадского, заверенную ректором университета Р.И. Гельвигом в 1920 году, выявленную мною в Государственном архиве Российской Федерации, см.: Крымский Архив. – Симферополь, 2000.– № 6. – С. 69 – 70.
11. Подробнее см.: Филимонов С.Б. Б.Д. Греков – заведующий Крымцентрархивом // Советские архивы . – 1978. – № 3. – С. 28 – 31.
12. См.: Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма... – Симферополь, 2004. – С. 49 – 50.
13. Преподавание истории в школе. – 1998.– № 8. – С. 3 – 10.
14. Вернадский В.И. Дневник, 1917 – 1921: январь 1920– март 1921. – Киев, 1997. – С. 24. Благодарю В.В. Лаврова, указавшего мне на эту дневниковую запись В.И. Вернадского.

15. См.: Список трудов Г.В. Вернадского by Nikolay Andreyev // Записки Русской академической группы в США. – New York, 1975. – Т. IX. – С. 168 – 181.
16. См.: Владимир Иванович Вернадский (Материалы к биобиблиографии ученых). Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1992.
17. См.: В.И. Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н.В. Багров, В.Г. Ена, В.В. Лавров, Н.А. Съедин, С.Б. Филимонов. – Киев, 2004.

Приложение

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В.И. ВЕРНАДСКОГО И Г.В. ВЕРНАДСКОГО НА СТРАНИЦАХ КРЫМСКИХ ГАЗЕТ 1919–1920 ГОДОВ [1]

№ 1

Статья В.И. ВЕРНАДСКОГО «ПАМЯТИ ПРОФ. КЛ[ИМЕНТА] АРК[АДЬЕВИЧА]ТИМИРЯЗЕВА» [2]

22 апреля (5 мая) 1920 г.

Недавно в Москве скончался один из славнейших русских ученых, имя которого известно в широких кругах русского общества, профессор Московского университета Кл. Арк.Тимирязев. Он умер глубоким стариком, 77-лет от роду. К.А. Тимирязев был не только крупный ученый, но и яркая личность. Его выступления и его деятельность не раз вызывали среди современников ожесточенные нападки и много раз он сам бывал неправ. И сейчас его деятельность последних лет, его статьи и выступления в Советской России и прессе, поддерживающие некоторые из начинаний советской власти, вызывали ожесточение и ненависть со стороны их противников.

Но Тимирязев не человек определенной партии и никогда им не был; он один из крупных деятелей и создателей русской культуры и перед его могилой должны замолкнуть слова и чувства осуждений. Он руководился всегда высшим критерием, каким являлись для него интересы этой культуры и служение науке и научному образованию.

В тяжелые годы гражданской войны мы не можем и не должны рассматривать все явления жизни только со стороны злобы дня. Мы должны в разрозненной, разоренной, страдающей России искать не элементов вражды и разъединения, но элементов примирения и единства. Всем партиям и всем людям в пределах русской культуры должны быть дороги ее интересы; на этой почве может быть найдено общее и единое, которое должно связывать и обуздывать политических и социальных противников.

Всякий, кто глубоко подходил и жизнь свою отдавал служению русской культуры, знает, какая огромная мощь в ней скрыта. В ней мы должны видеть основной, спаивающий элемент нашего будущего, нашего возрождения. Ее работники должны стоять вне временного и преходящего, вне оценки их с точки зрения гражданских междоусобиц, ибо в их работе все наше спасение, все наше будущее.

И к Тимирязеву мы должны подходить только как к творцу нашей культуры.

К.А.Тимирязев, воспитанник Петроградского университета, всю свою жизнь провел в Москве, где работал в Московском университете и Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. Наиболее плодотворная его научная творческая деятельность относится к XIX веку, до его конца. Он донес до нашего времени нетронутыми и неразрушенными научные верования и идеалы своей молодости; научная революция, переживаемая в XX веке, его не коснулась, и он боролся против ее проявлений, боролся равным оружием и большим талантом. Он оставался и в XX-м веке ярким позитивистом, паладином механистического объяснения природы XIX столетия. Он остался всецело правоверным дарвинистом, каким стал в начале своей научной работы. Выступая против новых течений, входивших в науку, он в своих статьях будил кругом мысль, так как обладал широкой

эрудицией и огромными знаниями. Помимо своей воли, он тем самым участвовал в отходе от старого, его, мировоззрения.

Тимирязев весь был проникнут верой в науку и ее силу. Знание он всем своим существом хотел сделать доступным для всех и верил в то благо, которое оно должно дать народу, дать человечеству. Это было то живое, что теснейшим образом связывало его с людьми, которые отошли от его научного и философского мировоззрения, перешли к новым, для него чуждым, обобщениям.

Широко образованный ученый, ученик таких оригинальных людей как Гофмейстер [3] и Клод Бернар [4], оказавших огромное влияние на весь уклад его научного мышления, он посвятил всю главную свою работу одной области ботаники – изучению хлорофила, выяснению энергетических процессов зеленого растения. Это один из глубочайших вопросов биологии, и в этой области Тимирязев работал во всеоружии науки своего времени, достиг блестящими опытами крупных обобщений, получил точные числа, служащие основами нашего современного понимания этих явлений. Удивительна настойчивость и непрерывность его творчества в одной и той же определенной области, выбранной им в молодости. Правда, он углубился в нее, как немногие.

Но Тимирязев был не только ученый исследователь. Он постоянно стремился связать науку с жизнью. В тяжелое университетское безвременье 1884 – 1905 г. он был одним из передовых борцов за автономию университета и за высокое положение науки и научных работников в государстве и обществе. Свои идеалы свободы преподавания и высокой постановки научного творчества в высшей школе он проводил всю жизнь непрерывно на каждом шагу, при каждом случае. Их чувствовал всякий, кто с ним сталкивался.

Он был один из первых организаторов в начале 1870-х годов научных опытов над жизнью растений в связи с задачами практического земледелия и всю жизнь выдвигал значение научного изучения этих практических проблем. При этом он ставил вопрос широко и никогда не считал возможным понизить уровень научных требований для достижения практических целей. Он был в России один из первых, проводивших в жизнь оправданное временем сознание, что наука может помочь в разрешении практических задач только тогда, когда она сама явится решателем постановки своих проблем.

Но широким кругам русского общества Тимирязев давно стал известен как блестящий популяризатор. «Жизнь растений» является одной из классических книг нашей литературы и тысячи людей получили из нее и из других общедоступных сочинений Тимирязева не только поучение и знание, но стимул, определивший их жизненную деятельность.

И теперь, когда глубоким стариком он сошел в могилу в трагический момент русской жизни, все русские люди, и его политические противники, и его политические сторонники, должны одинаково помнить о нем, т.к. он всю свою жизнь неуклонно работал над тем, что должно быть дорого всем, – он жил, создавая элементы русской культуры.

**Академик В.И. Вернадский
Южные ведомости. – 1920. – 22 апреля (5 мая). – № 84**

№ 2

Статья В.И. ВЕРНАДСКОГО «ПАМЯТИ ПРОФ. Г.Ф. МОРОЗОВА»

29 апреля (12 мая) 1920 г.

Неожиданно для близких людей 26 апреля тихо скончался от тяжелой мучительной болезни проф. Георгий Федорович Морозов. Ему стало как будто лучше и за немного дней до смерти он горячо говорил со мной о своих планах дальнейшей работы, живо отзывался на события жизни. Он был в полном умственном расцвете, умер на 53 году. В 1916 году началось проявление болезни, от которой он скончался – но она не сломила ни его энергии, ни силы его ума, ни его исканий истины. До конца, до самой смерти он остался самостоятельно мыслящим, полным творчества научным работником.

Русская культура теряет в лице Г.Ф. Морозова одного из своих крупнейших оригинальных натуралистов, пролагавших в жизни новые пути, учившего видеть в природе то, чего раньше не замечало человечество. Имя его не было известно русскому обществу так, как оно этого заслуживало, но в этом отношении Г.Ф. Морозов разделял судьбу многих.

Г.Ф. Морозов сперва был военным. Поступив относительно поздно (на 23 году) в Лесной институт, он последние 26 лет своей жизни всецело посвятил изучению леса. Он проник в природу русского леса так глубоко, как не проникали в него другие. Он смотрел на лес не глазами техника, но глазами глубокого научного исследователя. Он рассматривал лес как сообщество организмов, теснейшим образом связанное с окружающей средой, и пытался найти законы этого сообщества. В ряде работ своих и своих учеников он создал новое, во многом оригинальное и любопытное учение о типах леса. Благодаря широкому охвату явлений природы, его книги и статьи имеют глубокий интерес не только для специалистов.

Занимаясь научным изучением леса, Г.Ф. не забывал вопроса о его использовании. К нему он научил подходить новым путем. Техническую задачу он ставил научно так, как она должна ставиться натуралистами. Для него техника заключалась в использовании сил природы для блага человечества на основе глубоко научного изучения этих сил.

Г.Ф. стал профессором (Лесного института) довольно поздно – в XX столетии – на 34 году жизни, проработав несколько лет за границей, позже на опытных лесничествах и выработав прочные и оригинальные взгляды и на задачи высшего преподавания, и на его организацию.

Вступление в 1919 г. в среду молодого Таврического университета, казалось, открывало перед ним возможность применять к жизни свои дорогие идеи. Судьба решила иначе.

Я ближе столкнулся с Г. Фед. в 1915 г. Петроградская академия наук энергично подошла к изучению научных задач, связанных с войной и ее экономическими последствиями. Была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России и в связи с работой этой комиссии мне пришлось ближе сойтись с Г.Ф. Он горячо откликнулся на призыв Академии.

Выезд на юг, временно для поправления здоровья, оторвал его, как и многих, на долгие годы от, казалось, близкого достижения больших задач. Временный отъезд для него оказался окончательным. Развал и междоусобная война оторвали его от дела жизни.

Оставшись на юге, он старался идти по прежнему пути. Из Крыма он приехал в Киев. На Украине при гетмане Скоропадском [5] Г.Ф. принял горячее участие в поддержке и организации научного изучения лесов Украины и успел даже напечатать часть связанных с этими вопросами своих работ.

Но вскоре эта деятельность и на Украине оказалась для него невозможной. И здесь победили силы разрушения. Г.Ф. вернулся в Крым.

Лишенный книг и научных пособий, тяжело больной, в тяжелых условиях нашей жизни, он стойко вел дальше свою работу. В последней беседе дня за три до смерти он с горячим интересом показывал мне почти законченный печатанием курс своих лекций и лишь жалел, что не мог его обработать так, как этого хотел, лишенный книг и своих записей. Этот курс – первый университетский курс науки о лесе, надо надеяться, будет скоро закончен, т.к. рукопись была сдана им для печати целиком.[6] Но сколько осталось у него незаконченного и что он мог бы дать еще впереди, если бы пришлось жить в более спокойное время, в более человеческих условиях? Здесь, в небольшом уголке России, мы встречаемся почти каждую неделю с известиями о гибели культурных работников. А что делается там, в остальной России? И кто придет им на смену?

Каждая такая смерть заставляет нас сознавать ответственность, лежащую на еще оставшихся. Надо смыкать ряды, еще интенсивнее продолжать культурную работу, ибо только по этому пути, по которому всю жизнь шел Г.Ф. Морозов, для нас спасение от наступающего одичания и варварства.

**Академик В. Вернадский
Таврический голос. – 1920. – 29 апреля (12 мая). № 214 (364)**

№ 3

**БЕСЕДА КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «ТАВРИЧЕСКИЙ ГОЛОС»
С АКАДЕМИКОМ В.И. ВЕРНАДСКИМ**

1 (14) октября 1920 г.

Беседа с академиком В.И. Вернадским [7]

Вчера наш сотрудник был принят новым ректором Таврического университета академиком В.И. Вернадским, в беседе с которым был затронут ряд вопросов о жизни и дальнейшем развитии университета.

Единственно свободный университет

– Я считаю Таврический университет, – сказал В.И., – единственно свободным университетом на всей территории России, так как в нем полностью осуществлен принцип свободы и автономии, к которому всегда стремились университеты. Та политика, которую проводит по отношению к университетам советская власть, является лишением их автономии и гибелью для них.

Симферополь или Севастополь

Как известно, это старый спор, непрекращающийся почти с первого дня возникновения молодого университета. Покойный Р.И. Гельвиг [8] был страстным приверженцем Севастополя.

В.И. считает, что университет может и должен остаться в Симферополе, где он имеет уже свои корни.

Упрочение и углубление этих корней зависит от самых общественных кругов Симферополя и, в первую очередь, от симферопольского городского самоуправления. Оно должно представить университету достаточный участок земли (не менее 20 десятин), где университет мог бы расположить все свои учреждения. Самоуправления тех городов, где в последние годы создавались университеты, широко шли им в этом отношении навстречу. Так например, в Каменец-Подольске университету был отведен участок в 100 десятин земли.

– Этот вопрос, – сказал В.И., – я считаю чрезвычайно важным и в ближайшее же время мною предприняты практические шаги к его разрешению.

– Таврический университет, – заявил далее академик Вернадский, – может и должен развиваться. Состав научных сил в нем, за исключением немногих кафедр, вполне полный и достаточно яркий.

Университет и студенчество

Под конец беседа коснулась вопроса о роли студенчества в жизни университета. Роль эту В.И. считает весьма важной и крупной, но именно в жизни университета, а не в управлении им. Последнее всецело должно принадлежать совету университета. В массах российского студенчества одно время бродила идея о привлечении его к управлению университетами, но практического осуществления она нигде не получила, выливаясь только в довольно фантастические проекты.

К сожалению, в Таврическом университете не чувствуется довольно яркой, полновзвучной жизни студенчества. Виной этому, вероятно, те тяжелые условия современности, которые отнимают у студентов все время на поиски заработков, но, так или иначе, студенчество Таврического университета до сих пор недостаточно использовало все возможности развития своей жизни, помимо участия в управлении университетом, что совершенно не нужно.

Таврический голос. – 1920. – 1 (14) октября. – № 338 (488)

№ 4

**БЕСЕДА КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «ЮГ РОССИИ»
С АКАДЕМИКОМ В.И. ВЕРНАДСКИМ**

14 (27) октября 1920 г.

Русская наука и русские ученые в Крыму

(Беседа с ректором университета В.И. Вернадским) [9]

Наш сотрудник обратился к приехавшему в Севастополь академику Вернадскому с вопросом о положении Таврического университета и русских ученых, находящихся в Крыму.

Роль и задачи университета

– В моем заявлении, – сказал академик Вернадский, – сделанном профессо-рам университета перед моим избранием, я высказал свою мысль о положении Таврического университета и той роли, которую он должен сыграть.

Университет должен активно идти на помощь и поддерживать правительст-венные усилия [10] в деле возрождения России.

В настоящее время это единственный свободный русский университет, в ко-тором полностью сохранена автономия, и именно ему надлежит заботиться о воз-рождении научной работы и воссоздании высшей школы на всей территории Рос-сии по мере ее освобождения.

Другая задача – это немедленное содействие правительству в правильном ис-пользовании производительных сил природы.

Для выполнения намеченного мною плана Совет университета избрал специ-альную комиссию, задачи которой заключаются в собирании сведений о положе-нии высшей школы в России, составлении мартиролога русских ученых и разрабо-тке плана воссоздания высшей школы и науки в России.

Положение ученых

– Положение профессоров и преподавателей сейчас очень тяжело; многие живут в ужасных материальных условиях и потому, конечно, не в состоянии пра-вильно работать. Наша задача, прежде всего, – создать такие условия, при кото-рых был бы обеспечен хотя бы минимум, необходимый для существования.

В этом отношении правительство широко идет нам навстречу.

Но, как уже всем теперь ясно, одно только увеличение количества выдавае-мых денежных знаков не улучшает дела. Университет встал на путь самостоятель-ности и организует сам ряд продуктивных центров – сельскохозяйственные фер-мы, разведение птиц, свиней, кроликов, устройство молочной фермы, собственное рыболовство, прачечную и т.п.

Все это возможно, конечно, при правительственной поддержке, и начинания университета в этой области встречают самое сочувственное отношение правите-льства.

Связь с научным миром

– До сего времени мы были совершенно оторваны от научных центров Евро-пы и Америки. Чтобы исправить это, университет организует получение иностр-анной научной литературы, для чего обращается с воззванием ко всем без разли-чия странам Запада.

В этом деле университету широко идет на помощь правительство и обещает свое содействие американский Красный Крест, дающий обстановку для всех кли-ник и других учреждений медицинского факультета. Долгое время среди русской интеллигенции замечалась какая-то апатия – это явление чисто психологическое и в настоящий момент заметно стремление к активной работе. В этом отношении мы придаем большое значение предстоящему с 22 по 30 октября VII съезду Тав-рической Научной Ассоциации и университет перенес даже свой годичный акт [11] со 2-го октября на 22, приурочив его к этому съезду. Все вопросы, касающи-еся положения русской науки и ученых, конечно, будут обсуждаться на этом съез-де, который вследствие этого получает значение всероссийское, а не только мест-ное.

– Я думаю, – закончил свою беседу ак. Вернадский, – что несмотря на сти-хийные процессы, участниками которых мы являемся, очень многое зависит от нашей воли. Надо думать, у русских ученых хватит энергии и воли к возрожде-нию русской науки и русской культуры, к возрождению России, тем более, что правительство чрезвычайно охотно и широко идет навстречу всем начинаниям университета.

Юг России (Севастополь). – 1920. – 14 (27) октября. – № 157 (352)

4 (17) апреля 1919 г.

Кружным путем, из письма одесского профессора А.В.Флоровского, я узнал о том, что в Петрограде скончался академик А.С.Лаппо-Данилевский.

А.С. Лаппо-Данилевский – один из наиболее замечательных русских ученых. Главною областью его работы была, конечно, его специальность – русская история.

Он не ограничивался, однако, этою только областью: философия, история философии, государственное право – везде А.С. мог считать себя хозяином.

Велика была его начитанность в математике, политической экономии и языкознании. «Историк должен знать все» – говорил часто А.С.

Наиболее известным трудом А.С. по русской истории была его магистерская диссертация – «Организация прямого обложения в Московском государстве XVII в.» (СПб., 1890). Это исследование сразу создало автору крупное ученое имя и через некоторое время сделало членом Академии Наук. В дальнейшем А.С. почти не печатал объемистых книг; но каждое из его разысканий, в области ли хозяйственной или правовой истории России XVII – XVIII веков, или в области русской юридической и политической мысли XVIII в. – представляет сжатый результат долгого и упорного научного труда.

В последние годы А.С. читал в Петербургском университете курс методологии истории.

Ученая деятельность А.С. не ограничивалась печатными трудами и лекциями. А.С. вел большую организаторскую работу. Он являлся своего рода президентом в области русской истории. Он стоял во главе целого ряда ученых предприятий – коллективных, вроде издания памятников русского законодательства при Академии Наук, или личных, например, подготовки материалов по русской исторической географии, по определению состава русского общества XVIII в. и пр. На его «пятницы» собирались не только оставленные при университете и начинающие, но также и сложившиеся ученые, ища указаний А.С. для своих дальнейших работ.

Не одна ученая диссертация обязана своим возникновением такой беседе с А.С. Вместе с тем А.С. руководил деятельностью кружков, начинающих ученых, выросших из его учебных семинариев при Петербургском университете. Один из таких кружков занимался преимущественно философскими вопросами. Другой посвящен был «дипломатике частных актов московского периода». Выступая на международных конгрессах историков (А.С. превосходно знал не только главные новые языки, но также, например, и шведский), он являлся как бы официальным представителем науки русской истории пред лицом западного и американского ученого мира.

По предложению американских ученых А.С. уже во время войны стал во главе особой комиссии русских историков для составления четырехтомного обзора русской истории, который должен был быть издан в Америке; предприятие это, конечно, не могло быть осуществлено.

Ужасное время мы переживаем. Бессмысленно и преждевременно гибнут лучшие русские люди – и до нас доходят об этом лишь случайные и запоздалые известия. Те, кто видел А.С. прошлым летом, говорили, что он «совершенно истощен и измучен» нравственно и физически всем переживаемым. Но он считал необходимым до последней возможности держаться на своем ученом посту – в Петербургской академии. Минувшей осенью друзья А.С. хлопотали о том, чтобы он хоть временно уехал подкрепиться на юг России. Судьба решила иначе.

Проф. Г. Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 4 апреля. – № 73 (146)

26 октября (8 ноября) 1919 г.

Телеграф принес тяжелое известие о смерти замечательного русского историка профессора Петроградского университета Сергея Федоровича Платонова. Имя его хорошо известно всей культурной России. Русская историческая наука понесла за последнее время невознаградимые утраты.

Один за другим, сошли в могилу наиболее видные ее деятели, сперва А.С. Лаппо-Данилевский [12], затем М.А. Дьяконов [13], наконец – С.Ф. Платонов.

С.Ф. Платонов, подобно обоим вышеназванным его современникам, был выдающимся ученым-аналитиком. Его исследования над рукописными памятниками нашего прошлого всегда точны, проникновенны, остроумны. Блестящим образом этой стороны научного таланта С.Ф. является его магистерская диссертация «Древнерусские сказания и повести о смутном времени» (1898). Тонкости и глубине научного анализа у С.Ф. не уступали сила и широта научного синтеза. Стремлением к этому синтезу проникнута знаменитая докторская диссертация С.Ф. – «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв.» (1899; третье издание вышло в 1910 г.).

Данные исторической статистики С.Ф. искусно сочетал в этой книге с исключительно чуткостью к явлениям исторической динамики. Изучение условий социально-экономического быта (здесь и далее выделено в газетах. – С.Ф.) помогло глубоко проникновению в смысл и последовательность политических событий.

Те же качества сказались в известном учебном руководстве С.Ф. для студентов – его «Лекциях по русской истории». Вышедшие первый раз в свет в 1899 г. «на правах рукописи», эти лекции, все время расширяемые и перерабатываемые их автором, достигли в настоящее время, кажется, уже 10-го издания. Не одно поколение русского образованного общества воспиталось на этой книге.

Дар устного изложения у С.Ф. был, вероятно, еще сильнее, чем писательский талант. Блестящий лектор, всегда собиравший полную аудиторию в Петербургском университете, блестящий диалектик в ученых спорах (например, на ученых диспутах), С.Ф. был и в частной беседе тонким, остроумным рассказчиком.

Вся научная деятельность С.Ф. была согрета изнутри глубоко искренней и органической любовью к предмету его исследований – России и русскому государству. Эта любовь составляла основной пафос его трудов, делая его (по внутреннему стилю его научного облика) прямым преемником Карамзина.[14]

За последние два года С.Ф. выполнил громадный подвиг перед русской культурой и русской исторической наукой. После большевистского переворота он посвятил себя защите архивного дела в России, не испугавшись, ради спасения исторических ценностей, совместной работы с представителями петроградского «комиссариата народного просвещения». Деятельность С.Ф. в этом отношении была глубоко-плодотворною. Ему действительно удалось сохранить и спасти для русской науки и культуры петербургские и московские архивы. Но эта напряженная, нервная работа и сломила здоровье С.Ф. Еще в прошедшем июне месяце до меня дошли сведения об его болезни. И вот теперь – краткое, сухое сообщение о его кончине.

От нас ушел не только выдающийся ученый, ушел крупный, талантливый, воистину *русский* человек, может быть с недостатками, но зато и с большими, яркими, многообразными духовными дарами. Ушел – в такой момент, когда, быть может, особенно был бы ценен для нашей жизни.

Ученый историк смуты XVII века не пережил смуты века XX.

Проф. Г. Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 26 октября (8 ноября). – № 78 (228)

21 ноября (4 декабря) 1919 г.

С небольшим сто лет тому назад известный Аракчеев¹⁵, этот, как его называли иногда, злой гений императора Александра I, по приказу своего повелителя, после утомительной борьбы с Наполеоном, начал располагать русскую армию на военные поселения.

Военные поселения – своеобразный опыт военно-крепостного коммунизма русской империи Петербургского периода. Военные поселения должны были осуществить ряд первостепенных задач как практического, так и принципиального характера.

По мысли императора Александра русская армия, расположенная в полном своем составе на военные поселения, должна была сама себя содержать, избавив прочее население России от всех тягот по своему содержанию, и от денежных и натуральных сборов, и от сбора рекрут. Военные поселения образовывались двояким путем. Или какая-нибудь воинская часть получала оседлость, избы, землю, хозяйство, так что солдат, оставаясь солдатом, в то же время делался и крестьянином. Или, наоборот, какая-нибудь казенная волость государственных крестьян объявлялась воинской частью: крестьянин, не прекращая своих работ по обработке земли, становился в то же время солдатом и подлежал обучению всей тогдашней воинской науке и строю. К концу Александровского царствования в военных поселениях числилось до 200 тысяч человек, или 1/3 тогдашней русской армии.

В теории военные поселения имели много светлых сторон. Их учреждением должна была быть достигнута значительная экономия всей народнохозяйственной жизни России. Задача содержания многочисленной армии казалась блестяще разрешенной. Эффектные отчеты Аракчеева убеждали императора Александра в финансовых выгодах и образцовом устройстве всего предприятия.

На практике военные поселения выглядели совершенно иначе. Ими одинаково тяготился как солдат, принужденный после утомительных войн и походов приниматься за позабытые уже им крестьянские работы, – так и крестьянин, получивший в руку винтовку, одетый в солдатский мундир и в промежутках между своей обычной работой занятый теперь изучением солдатской службы.

Военные поселения сулили солдату – крестьянину большие выгоды. Каждый поселянин получал дом, землю, скот, хозяйственное обзаведение. Все это называлось его «собственностью». Но собственностью этой он распоряжаться не был волен. Он отвечал перед начальством за исправное распоряжение этой собственностью в интересах всей поселенной общины – роты, полка и пр. В сущности, имущество, выданное каждому поселянину, принадлежало именно всей войсковой единице. На отчисления от доходов поселян образовывался ротный капитал, из которого поселянин обеспечивался на случай своей инвалидности и пр. Поселенная рота была настоящею коммунаю, обеспечивавшею каждого отдельного своего члена, но вместе и поглощавшею всецело его индивидуальность.

На каждом поселянине лежало бремя постоянной ответственности перед коммунальной ротной казною. Хозяин отвечал за ежедневную работу, рабочий скот, содержание в порядке двора своего и улицы перед ним и пр.; хозяйка – за домашнюю птицу, за сор в избе, за пропавшие ухват и кочергу. Все, отмеченные в коммунальной ротной канцелярии как «ленивые», подлежали взысканию.

Дети поселянина с малых лет оторваны были от семьи; зачисленные в «кантонисты» и одетые в мундирчики, мальчики проводили целый день в школе или на учебном плацу. Дочери на возрасте нередко выдавались замуж также по распоряжению ротной канцелярии.

При всем этом стеснении домашнего быта все поселяне, не достигшие 45 лет, обучались фронту; знание маршировки и ружейных приемов вколачивалось палками по обычаю того времени.

В результате – тяжелая, безотрадная, неудобная жизнь, несмотря на несомненные экономические выгоды. Вытянутые в линию казенного типа здания; жи-

тели, одетые в мундиры; строгая, всепроницающая дисциплина – таковы видимые результаты военных поселений. Эти результаты внушали всеобщий ужас. При одном слухе о грозящем переводе какой-нибудь волости в поселенные роты жители этой волости начинали разбегаться; крестьяне подавали высокопоставленным лицам просьбы «о защите крестьянского народа от Аракчеева».

Недовольство военных поселян своими распорядками оказывалось часто больше их терпения. Вспыхивал бунт (особенно сильный при Александре I в Чугуевских поселениях; а при Николае I – в Новгородских[16]). Бунт подавлялся всегда чрезвычайно жестоко. Пускались в ход шпицрутены и палки; засекали насмерть десятки виновных или оговоренных.

Жестокие наказания и казни, весь строгий уклад поселенного быта – делали военные поселения страшными не только для самых поселян, но и для многих их современников, а равно и для позднейших наблюдателей; об отмене военных поселений, начиная с декабристов, твердили многие просвещенные русские деятели. Военные поселения были сокращены в царствование Николая I и вовсе отменены в самом начале царствования Александра II.[17]

В двадцатом веке на наших глазах военные поселения вновь возрождаются к жизни. Происходит это любопытное с социологической точки зрения явление в пределах советской социалистической республики. Осуществление военных поселений идет теми же двумя путями, как и в Александровской России: крестьянин становится у себя в деревне солдатом, а солдат имеет превратиться в крестьянина.

Обычные деревни, прежние крестьянские общины ныне в Совдепии превращены (по крайней мере на бумаге) в сельскохозяйственные коммуны. Прежний самостоятельный хозяин уже не может свободно располагать продуктом своего труда (реквизиции продуктов сельскохозяйственного труда в пользу общины или всей республики). В этих коммунах повсеместно введено всеобщее военное обучение. На плакатах, расклеенных в Симферополе в период советской власти[18], можно было видеть фигуры крестьян с ружьем, обучающихся у себя в деревне, в свободное от сельскохозяйственных занятий время, маршировке и военному строю. Советский крестьянин становится красноармейцем.

К тому же результату советская власть начинает подходить и с другого конца.

По сообщениям советских «Известий» (от весны истекающего года), на одном из съездов красноармейской организации «российской коммунистической партии» было признано необходимым подготовить перевоспитание советской «красной армии» в армию коммунистов. В этих видах все части красной армии должны быть со временем превращены в «производительные коммуны», члены которых наряду с выполнением общепользовательного хозяйственного труда будут обязаны неуклонно продолжать заниматься и военным строем. По смыслу этого постановления, красноармеец должен превратиться в коммуниста-крестьянина.

Постановление, вероятно, не могло быть проведено в жизнь, так как красная армия принуждена непрерывно нести службу на фронте. Но принципиальный смысл постановления ясен: красную армию в случае успеха и мира ожидает будущность военных поселян.

Можно думать, что в этом случае, при благоприятных условиях, не замедлят вырасти и казарменного типа рационально устроенные здания; возникнет очень скоро вся обстановка Аракчеевых военных поселений. Дух их уже сейчас встает над советской социалистической республикой. Коммунистическая дисциплина и коммунистическое хозяйство сковывают личность каждого гражданина. Военные потребности времени накладывают на все красноармейскую печать.

Троцкий [19] продолжает дело Аракчеева.

Г. Вернадский

Таверический голос. – 1919. – 21 ноября (4 декабря). – № 99 (249)

Статья Г.В. ВЕРНАДСКОГО «ДАР ЕКАТЕРИНЫ
(К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ)»

26 ноября (9 декабря) 1919 г.

Русское общество мало ценит деятелей своего прошлого: в нас слишком еще мало чувства связи с этим прошлым. Та слабость исторической традиции, которая в свое время вызвала горькие размышления Чаадаева [20] – дает себя знать и по сию пору.

В симферопольской городской думе, по сообщениям газет, предложение о помощи на восстановление памятника императрице Екатерине [21] прошло большинством всего одного голоса. Один только голос спас городскую думу от упрека в непростительной в данном случае скупости.

Мы создали себе трафарет «прогрессивности», по которому примериваем не только современников, но и предков. Всякий, кто в чем-либо не подходит под трафарет, сейчас же изъемлетя из обращения. Ему немедленно отказывают в праве политического существования. Лица царствовавшей фамилии заранее взяты у нас на подозрение в смысле их прогрессивной благонадежности.

Императрице Екатерине в этом отношении посчастливилось, пожалуй, еще более других носителей русской императорской власти. Ее свободомыслие и вольтерьянство оправдывает ее в глазах представителей свободомыслящего и прогрессивного русского общества конца XIX и начала XX века. «Философ на престоле» – так обычно с сочувствием говорят про Екатерину, а между строк жалеют, что все же – на престоле... Зато социально-административная деятельность Екатерины обычно не встречает сочувствия. Время Екатерины даже в учебниках носит не вполне лестный заголовок: «Эпоха расцвета крепостного права и дворянских привилегий». При этом, правда, обычно делается оговорка, что императрица-философ лично была против крепостного права, как это и отразилось в ее знаменитом «Наказе». И только в революционных брошюрах императрица Екатерина прямо уже заносится в число исторических грешников, не имеющих право на помилование – «за распространение крепостного права».

Так ли это? Правильен ли такой взгляд на значение внутренней политики Екатерины? Время Екатерины – сложная и запутанная историческая эпоха, которую нельзя характеризовать общими фразами. Конечно, крепостное право в эту эпоху достигло едва ли не своего апогея – но в эту же именно эпоху обозначились и первые признаки его упадка. Правительственная политика наметила себе цели широкой перестройки общественного уклада. Этим целям служили проекты Екатерины о создании «среднего рода людей», не-крепостных и не дворян; к этим же целям направлялась политика одного из главных государственных деятелей Екатерининской эпохи, прочно связавшего свое имя с Тавридою и нашедшего себе место на симферопольском памятнике – Потемкина. [22] Потемкин – крупная историческая фигура, также не оцененная до сих пор по заслугам нашим общественным сознанием. Его социально-административные планы были в главных чертах восприняты Екатериною и продолжали ею осуществляться и после смерти Потемкина. Планы эти сводились к созданию на юге России свободного земледельческого сословия, способного составить прочную основу внутреннего быта русской империи и защитить ее оружием также от внешних нападений. Сословие это, по терминологии Потемкина, должно было получить имя «казачества», хотя в смысле политических прав и привилегий оно и не равнялось прежнему запорожскому казачеству.

Расцвет крепостного права – стихийное явление русской жизни XVIII века. Наоборот, попытки создания свободного земледельческого казачества – признак сознательной политики императрицы Екатерины и ее приближенных, их личный вклад в русскую историю.

Попытки не получили того широкого размаха, который первоначально думал придать им Потемкин, но они однако же не прошли бесследно. Они привели, между прочим, к созданию кубанского казачьего войска. Не случайно главный город Кубани носит название – Екатеринодар. Кубань действительно – дар Екатерины.

В 1787 году перед началом второй (при Екатерине) турецкой войны Потемкин получил разрешение образовать на юге России особое казачье общество из оставшихся в России после уничтожения Сечи запорожцев. Под начальством Сидора Белого, Антона Головатого, Захария Чепиги, это новое сословие «верных черноморских казаков» оказало существенные услуги регулярной русской армии.

После смерти Потемкина и по окончании турецкой войны черноморское казачество получило для поселения земли на Тамани и по Кубани. Эти земли казачество устроило и защитило от внешних неприятелей упорным многолетним трудом – мирным и боевым.

Семена, брошенные Потемкиным и Екатериною, дали обильные всходы в наше время. Не знавшее крепостного права свободное казачество юга России сделалось опорой русской государственности против выросшей исторически на крепостном праве и потому легче поддавшейся соблазну большевизма сердцевине русской империи.

Имя Екатерины – символ блеска и могущества России в военном и дипломатическом отношениях. Но и во внутренней политике Екатерины не может быть обойден молчанием ее ценный дар русской истории.

Г. Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 26 ноября (9 декабря). – № 102(252)

№ 9

**СТАТЬЯ Г.В. ВЕРНАДСКОГО «ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА.
IV. СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО»**

3 (16) декабря 1919 г.

Русский социализм вызван к жизни, вероятно, не столько пропагандой своих сторонников или распоряжениями германского генерального штаба, сколько известными объективными историческими условиями: жизненные тяготы военной разрухи оказали свое разлагающее влияние на всю психику русского народа: социализм обещал устранить эти тяготы, брался устранить продовольственную неурядицу и заменить ее строгою системою – организацией, учетом и объединением народнохозяйственных сил. Обещания своего русский социализм не выполнил и вместо решения задачи надолго ее запутал и затруднил решение ее, кому бы то ни было. Но обещание это он все же пытался выполнить, к разрешению задачи начал приступать. Какими средствами?

Средства эти хорошо всем известны. Бесчисленные декреты различных исполкомов (исполнительных комитетов) каждый день что-нибудь регулировали, реквизировали, запрещали, – а в северной и центральной России еще продолжают, вероятно, всю эту свою работу.

Мы знаем, что советский гражданин совершенно потерял право свободно распоряжаться своею личностью и своим имуществом. Всякий самостоятельный шаг был ему запрещен без разрешения соответствующего исполкома. Он не может выехать из города без разрешения; не может выходить на улицу после такого-то часа; не может купить или продать хлеб, муку, крупу и пр. Особенно сильно чувствуется это поистине крепостное состояние советского гражданина в деревне. Крестьянин не может распорядиться своим имуществом и продуктами своего хозяйства; скот у него взят на учет или реквизирован; зерна оставлено ему столько, чтобы только он не умер голодною смертью; излишки отобраны в коммунальный склад; крестьянин – не самостоятельная личность, он только член коммуны; коммуна – вот народно-хозяйственная основа Советской России.

Советский крестьянин, как и всякий прочий советский гражданин, подпал под новое крепостное право, – и при том часто ничуть не менее тяжелое, чем помещичье крепостное право XVIII – XIX веков.

Было бы ошибочно и неисторично представлять себе это крепостное право только непрерывною цепью актов личного произвола и насилия помещика над крестьянином (как обыкновенно это рисует наша политическая публицистика). Если бы это действительно было так, крепостное право не могло бы так долго су-

ществовать в России и держать на себе огромное здание дворянской Российской Империи. Очевидно, дело обстояло иначе.

Подобно современному советскому строю, крепостное право XVIII века представлялось способным разрешить хозяйственные потребности тогдашнего государства, организовать, взять на учет и направить к общей цели разрозненные иначе (так в тексте. – **С.Ф.**) и распыленные усилия отдельного хозяйственного производителя.

То, что нам часто кажется наиболее характерным признаком крепостного права – личный гнет помещичьего произвола – испытывали на себе сплошь и рядом только «дворовые»; крестьяне же ощущали крепостное право в виде некоторого общего, хотя бы и стеснительного экономического и юридического порядка, а не только личного насилия над собою со стороны барина. В имениях крупного владельца крестьянин часто не видел и в лицо этого владельца.

Порядок же крепостного права осуществлялся через посредство сельской общины, «мира». «Мир» – это социалистическая коммуна крепостной России.

Через «мир» осуществлялась обычно помещичья власть, делались все распоряжения помещика, и «мир» выполнял эти распоряжения, связывая круговую порукою всех своих хозяев, – точно так же, как социалистический порядок осуществляется и вводится через коммуны.

Личность каждого крестьянина крепка была не только верховной воле помещика, но прежде всего своему близкому «миру», из воли которого не выходил крестьянин в ежедневной своей жизни. Фактически, благодаря «миру» крестьянин иногда чувствовал зависимость свою от помещика и наоборот, постоянно ощущал зависимость от этого самого «мира», от «коммуны».

В громадном большинстве случаев, помещик являлся властью, не крестьянами установленною и крестьянам чуждою; но теоретически вполне мыслимо, чтобы источник этой власти лежал в самих крестьянах (как теоретически, в коммуне находится источник власти и социалистической советской республики). Да не только теоретически: бывали и на практике случаи избрания крестьянами своего господина и верховного повелителя. Так, был избран в «господа» прадед славянофила Хомякова крестьянами выморочного имения одного из дальних родственников Хомякова, предложившего крестьянам самим избрать себе наследника. П.П. Семенов-Тянь-Шанский [23] в своих воспоминаниях приводит чрезвычайно интересный рассказ гр. Бобринского о том, как крестьяне одного имения, отпущенные владельцем на волю, побоялись «избаловаться» и сами пригласили к себе повелителя – наняли управляющего из немцев, под условием, чтобы он поступал с ними построже.

Верховная власть, избранная самим крестьянским миром, – вот обстоятельство, которое позволяет нам уяснить себе социологический смысл русской крепостной общины XVIII – XIX веков и помогает провести указанную параллель между нею и крепостною коммуною.

Все это, однако, теория или редкая практика. Остается обычная житейская практика: произвол помещика, хотя бы лишь преимущественно по отношению к окружающей его дворне. Но ведь и коммунистический «исполком» – практика, а не только теория. И на практике, как утверждают люди, знающие на опыте жизнь советской деревни, какой-нибудь председатель исполкома, свой «бедняк» или присланный из города комиссар, нередко также своевольничает немало, иногда так же, как и прежний владелец, по части «женского пола».

Прежнее дворянское сословие связано было известными (иногда совсем расшатанными, но в некоторых случаях и очень крепкими) нравственными принципами. Сильны ли эти принципы в новых господах, поставивших себя над русскою деревнею именем советского социализма?

Новое крепостное право, вероятно, очень недолговечно, и конечно, будет ненавидимо в памяти народной не менее прежнего.

Г.Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 3(16) декабря. – № 108 (258)

8 (21) декабря 1919 г.

У нас принято противопоставлять «государство» и «общество», или «государство» и «народ». Развитие государственной мощи России мыслилось, как особый исторический процесс, совершенно не связанный с развитием «народа» или «общества».

В таком противоположении повинны еще наши славянофилы (особенно К. Аксаков [24]). Оно было подхвачено и углублено социалистическим уклоном русской общественной мысли и экономико-юридической школой русской историографии.[25]

Вся наша оппозиция строила свою противоправительственную идеологию на таком разделении «общества» и «государства». Жизнь показала, что когда такое разделение действительно произошло во время революции, то это было гибелью и распадом и для «государства», и для «общества». Государство могло держаться лишь до тех пор, пока оно было поддерживаемо народным сознанием. Но и обратно: народ лишь тогда мог жить мирной культурной жизнью, пока жизнь это протекала в рамках государственности. Иными словами: развитие народа и развитие государственности одно от другого неотделимо. Это разные стороны одного и того же исторического процесса.

И поэтому, глубоко неправильна та презрительная формула, которою определил русское историческое развитие покойный Ключевский [26]: «Государство пухло, а народ хирел». Эта формула отвечала сознанию русского интеллигентного общества и в свою очередь сама была материалом для выработки этого сознания. По существу это лишь эффектная фраза, а не вывод из пристальных ученых наблюдений.

Государство росло и распространялось, потому что рос и распространялся народ. Государство болело тогда, когда болел народ. Государство развивалось, потому что развивался народ. Государство есть результат народного творчества.

Первые московские князья, собирая русские земли под свою высокую руку, действовали, конечно, прежде всего по велению фамильного инстинкта. Но, кроме того, окружающие их, и, главным образом, святители церкви развертывали перед ними и широкую программу национального характера. Деятельность московских князей только потому могла иметь успех, что вполне соответствовала стремлениям и усилиям руководящих кругов всего общества.

Стихийные исторические силы работали за московских князей и помогали созданию единого русского государства.

Сознательная общественная мысль действовала в том же направлении. Московская литература всемерно проникнута была представлениями о национальных и даже всемирно-исторических задачах создающегося государства. «Москва – третий Рим», вот краткая формулировка этих задач.

Под влиянием всего сознательного и стихийного общественного развития на Москве создавалась вокруг царского дворца прочная правительственная среда. В этой среде воспитывались стойкие московские дипломаты, осторожные и настойчивые полководцы, упрямые администраторы, бережливые финансовые дельцы, люди, – как все люди – с недостатками, но зато ни в чем не согласные допустить «государеву делу» какую либо поруху.

Эта правительственная среда, – государевы служилые и торговые люди, – дала опору и для новой, петербургской, империи во время и после Петровской реформы. У нас принято повторять анекдоты о взяточничестве и воровстве русской бюрократии петербургского периода, о распущенности и разврате русского дворянства этого времени. Мы забываем, однако, что это все-таки только анекдоты, характеризующие не весь порядок вещей в целом, а лишь злоупотребления. Если бы верны были только анекдоты, петербургская империя не оставила бы нам великих воспоминаний. Однако, были же в русском прошлом и героизм, и самоотвержение, и 1812 год, и крестьянская реформа 1861 года.

Великая русская литература, замечательное русское искусство во всех его проявлениях – разве все это было случайным и несвязанным с жизнью явлением? Разве это «народ» или «общество», а не «государство»?

Но где выработался единый великий русский язык, последняя надежда Тургенева? [27] Нельзя отрицать роль государственных учреждений в деле сложения и распространения русского языка. Дьяки московских приказов, чиновники петербургских канцелярий (во всяком случае XVIII – первой четверти XIX веков) чрезвычайно много сделали для точности и выразительности русского языка. Конечно, это не была их прямая задача; она достигалась попутно в их работе, но от того не меньше заслуги. Это может показаться мелочью, но на самом деле это – очень много. Из таких мелочей творится жизнь. Язык – могучее орудие национальной культуры. Создатели русского языка – создатели русской культуры. Вот почему я упомянул об этом эпизоде. И таких эпизодов много, какую бы область жизни ни начать рассматривать.

Русское искусство, русскую церковь мы готовы признать созданием народного гения. Труднее доступна нам мысль, что все русское государство – такое же создание русского народа. В этом государстве видят много темных сторон – но нельзя же из-за них не замечать могучих творческих сил, направляющих всю его жизнь.

Эти творческие силы чувствовал в русском государстве даже Герцен [28], который при всей своей ненависти к абсолютистскому русскому правительству, не мог не признать глубоко-народный характер петербургской империи (с его точки зрения, даже более народный, чем «период царей московских»).

Может быть, самый убедительный пример народной основы русского государства следует видеть как раз в том, что принято считать лишь «внешним усилением» государства – в процессе расширения и распространения территории русского государства.

Внешний рост русского государства являлся лишь подведением итогов народной русской колонизации. И с этой стороны русское государство – плод национального творчества русского народа. На это я указал и выше. Но подробнее об этом – в следующем письме.

Г. Вернадский

Таверический голос. – 1919. – 8(21) декабря. – № 112 (262)

№ 11

**СТАТЬЯ Г.В. ВЕРНАДСКОГО
«АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В XVII ВЕКЕ»**

10 (23) декабря 1919 г.

Русская смута XX века в идейном отношении выросла из европейской революции XIX века; европейская – из французской XVIII века; французская из английской XVII века; английская – из германской социально-религиозной смуты XVI века.

Религиозная реформация превратилась постепенно в политическую революцию. Полное слияние обоих начал видим мы уже в английской революции. Французская революция XVIII века дышит, наоборот, чисто светским политическим воодухом. XIX и XX век приносят человечеству новую религию – социализм. Социализм стремится занять в душе человеческой место, которое прежде занято было христианством. Политические движения нашего времени имеют ярко выраженный антихристианский характер, но по всей психологии участников, их нужно сопоставить с религиозными движениями прежних времен. Круг начинает замыкаться.

Именно поэтому, несмотря на весь контраст внутреннего идейного содержания русской социалистической революции XX века и английской смуты XVII, между двумя этими народными движениями все же гораздо больше общего, чем, например, между русской и «Великой» французской революциями.

Внешние формы, в которых протекает исторический процесс Англии XVII и России XX веков, часто сходны даже отдельными деталями.

Вот почему совсем особенный интерес представляет для нас ход и исход английской революции XVII века.

Внешняя канва событий английской революции хорошо известна. Революция от своего зарождения до окончательного финала наполняет собою шестьдесят три года английской истории XVII века. В 1625 году вступил на престол злосчастный король Карл I [29], казненный 30 января 1649 г.; в 1688 г. пала династия Стюартов [30] и революция («вторая», но по существу все та же, первая) завершилась компромиссом между «короною» и «народом» в виде умеренно конституционной монархии Вильгельма Оранского.[31]

Первый акт революционной драмы – борьба между Карлом I и парламентом. Борьба продолжалась впоследствии на страницах политических памфлетов и исторических исследований; подводя итоги борьбы, следует признать, что Карлу не повезло и после его смерти, как не везло при жизни: голоса сторонников его почти заглушались и впоследствии хором его противников. Особенно в глазах русского образованного человека последних десятилетий имя Карла знаменует собою неудачное отстаивание неправильных и грешных привилегий; имена вождей парламентской оппозиции, Элиота, Пима, Гемпдена, наоборот, окружены ореолом борьбы за народные интересы.

Один из первых лидеров этой оппозиции, Вентворт, с такой точки зрения навеки запятнал и обесславил себя, перейдя в лагерь защитников короля под именем графа Страффорда.

В религиозном вопросе за короля стояли представители консервативной мысли – сторонники англиканской епископальной церкви во главе с епископом Лоудом. Против них, за парламент, выступали проводники реформы – кальвинисты-пресвитериане. Первое время с ними вместе шли крайние религиозные революционеры, проповедчики религиозного сектанства «независимые» (индепендетные).

Борьба между королем и парламентом, начавшись с теоретических прений о правах, вылилась вслед за тем в тяжелые формы междоусобной гражданской войны между защитниками короля и поборниками парламента, «кавалерами» и «круглоголовыми». Борьба кончилась казнью короля, но вместе с тем и гибелью парламента.

Теоретики парламентских привилегий оказались неспособными управлять развивающимися событиями. В сущности, за короля и епископальную церковь было большинство народа, но большинство это держалось пассивно; оппозиция представляла собою в численном отношении меньшинство; меньшинство могло пробить себе дорогу к власти лишь энергиею и сплоченностью, а не теоретическими рассуждениями.

Пресвитерианские деятели парламента имели перевес в борьбе с королем только до тех пор, пока с ними вместе шли и представители крайних левых религиозных течений; столкнув короля и став на его место, пресвитерианское большинство парламента само попадало под удары крайних левых. Гражданская война дала этим последним возможность создать свою крепкую военную организацию; борьба воспитала и закалила их вождей, среди которых быстро выдвинулся, и как военный генерал и как первоклассный политический деятель, знаменитый Оливер Кромвель.[32]

В декабре 1648 г. индепендентский военный отряд полковника Прайда произвел известную «очистку» парламента от главных деятелей пресвитерианского большинства. Однако, и в таком урезанном виде «охвостье» всенародного парламента мешало победившей религиозной партии. Весною 1653 г. Кромвель распустил остатки парламента; против этого акта раздались лишь слабые протесты. «Ни одна собака на меня не залаяла», выразился по этому случаю Кромвель. После этого всенародный парламент был заменен съездом делегатов от индепендентских местных советов. Этот съезд, «Бэрбонский парламент», принял несколько радикальных законопроектов (отмена прежних судебных порядков, введение гражданского брака и пр.).

Следующий акт революции – «протекторат» Кромвеля, его революционная диктатура. Неполноправный парламент играл лишь незначительную роль при лорде протекторе; десяток военных комиссаров управлял Англией именем Кромвеля.

Сам Кромвель обратил теперь главное внимание на внешнюю политику. Англия начала энергично вмешиваться в европейские дипломатические отношения. Диктатура постепенно превращалась в монархию.

После смерти Оливера Кромвеля (1658) протектором сделался его незначительный сын Ричард. В стране начались смуты и анархия. В 1660 г. один из бывших кромвелевских генералов Монк объявил себя за «парламентские вольности», т.е. за прежний порядок государственного устройства Англии. Англия завоевана была Монком чрезвычайно легко. Были собраны оставшиеся в живых члены «Долгого парламента»; созванный ими и Монком «свободно-избранный» парламент признал необходимым восстановить монархию и призвать на престол сына казненного короля под именем Карла II.[33]

Но революция этим не кончилась. После периода довольно определенной реакции и усиления королевской власти, революция вспыхнула вновь в 1688 г. Эта новая революция ставила себе уже весьма ограниченные цели во взаимоотношениях между королем и парламентом, и этих целей добилась очень легко.

Энергичное, организованное меньшинство английских религиозных сектантов в пылу гражданской войны захватило власть в свои руки, распустило всенародный парламент (заменяв его съездом индипендентских советов), казнило короля, выдвинуло своего диктатора – Кромвеля, и двенадцать лет пользовалось властью, одерживая все время верх над своими внутренними и внешними врагами. Но погасла вспышка внутренней религиозной энергии – и под внешним тонким покровом индипендентства и просвитериянства стал вновь заметен массивный материк прежней народной религии.

Энергичное, организованное меньшинство русских социалистических сектантов на место прежнего русского государства поставило социалистическую советскую республику; расстрелян был русский царь; разогнано всенародное (по идее) Учредительное Собрание и заменено съездом советов; появился лорд-протектор в лице председателя совнаркома. Советская республика долгое время (долгое – относительно, ибо темп жизни донельзя ускорился с XVII-го века) успешно боролась со своими внутренними и внешними врагами.

Не приблизился ли, однако, ныне час ее конца?

Не была ли весна 1919 г. кульминационным пунктом развития советской республики? Не ослабело ли уже напряжение религиозной энергии социализма, и не заметны ли стали вновь прежние основы духовной жизни русского народа? Или еще не пережит нами девятый вал большевизма?

Будущее – и теперь, вероятно, уже недалекое – принесет ответ на все эти вопросы.

Г. Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 10 (23) декабря. – № 113 (263)

№ 12

Статья Г.В. Вернадского «ПРОТИВ СОЛНЦА»

31 декабря 1919 г. (13 января 1920 г.)

Два племени разделили между собою главную честь великой исторической задачи, выпавшей на долю индоевропейской расы. Задача заключалась в колонизации земного шара, в распространении христианско-европейской культуры и свойственных ей форм государственного быта. Эти племена – англо-саксонское и русское. Первоначальная их родина – близкие друг к другу по географическому положению местности центральной и центрально-восточной Европы.

Стихийный поток англо-саксонской колонизации направился отсюда по солнцу, к западу, на Британские острова, а с половины XVI века – дальше на новую землю, в Америку. Русская колонизация лилась в противоположном направлении: против солнца, к востоку.

В северо-восточной части нынешней Европейской России, на территории Московского княжества и замосковных земель творилось Московское государство, созидалась и собиралась с силами русская народность, загнанная в этот глухой угол набегами кочевников на степи южной России. В половине XVI века начинается стремительно быстрое распространение Московского государства на восток и юго-восток, на низовье Волги, на Яик (Урал), в Прикамье и за Каменный Пояс (Уральские горы) – в Сибирь.

Первая волна поступательного движения русского племени на восток вызвана не правительственной, а частной инициативой. Глубоко неправилен и неисторичен распространенный взгляд, будто русское племя обнаружило в истории косность и пассивность, недостаток инициативы и предприимчивости, будто оно только рабски-покорно следовало велениям правительства.

Конечно, было бы точно такую же ошибку утверждать обратное: будто правительственная политика в деле укрепления и распространения русской народной колонизации играла лишь небольшую роль.

Во всяком случае, правительственная политика все время питается мощными подземными историческими движениями народа.

Русская колонизация Сибири – образец высокоразвитой народной инициативы и предприимчивости. Первая вооруженная экспедиция русских в Сибирь – знаменитый поход Ермака [34] 1581 г. – организована была не московским правительством, а частными средствами владельцев Прикамья – Строгановых.[35]

В XVII веке в Сибирь одна за другой хлынули небольшие, но многочисленные ватаги «промышленных людей» (охотников на соболя и скупщиков меха) и казаков, которые быстро обследовали многоводные гигантские Сибирские реки: по притокам Оби добрались до Енисея, по притокам Енисея до Лены, а с Лены выплыли на своих суденышках («кочах») в Студеное Море (Ледовитый океан); по южным же притокам Лены добрались до бассейна реки Амура. Всего полстолетия потребовалось русским землепроходцам, чтобы от Уральских гор дойти до Тихого океана, преодолев необъятные пространства Сибири, ведя упорную неустанную борьбу с холодной суровой природой.

Лишь по пятам вольной колонизации шла колонизация государственная, регулярная, учреждались административные центры, переселялись крестьяне, запахивалась «государева пашня», вызывались священники «крепко-жительные и учительные и небражники». Новая страна быстро приобщалась к старинным землям Московского государства.

В начале XVIII столетия поток русской колонизации пробивается за океан. Снаряженные петербургским правительством ученые экспедиции (Федорова [36], Беринга [37], Чирикова [38]), а за ними и частные предприниматели добираются до «Большой Земли» за Тихим океаном – Америки. В XVIII столетии занята была Аляска; в первой четверти XIX-го – основана русская колония в Калифорнии. Всеми делами русских промыслов в Америке заведовала в это время особая «Российско-Американская компания» [39], в которой главную роль играют русские купцы-промышленники, но принимают участие и высокопоставленные особы, близкие к петербургскому двору.

На тихоокеанском побережье Америки русская колонизация встретилась с англо-саксонской: весь круг был пройден.

Следует отметить, что русская колонизация шла гораздо более быстрым темпом, чем англо-саксонская: за первую половину XVII-го столетия русские прошли все пространство Сибири, т.е. продвинулись почти на 100 географических градусов долготы, в то время как англичане в Америке за все XVII-е столетие продвинулись (на той же приблизительно северной широте) лишь на 20 градусов долготы.

Слабая сторона в истории русской колонизации – малая численность переселенцев до середины XIX века. Западная Сибирь к этому времени была еще населена русскими сравнительно более густо (всего на территории Сибири русских поселенцев можно насчитать в это время до 3 миллионов человек); но восточная Сибирь тогда была еле тронута русской колонизацией (интенсивнее пошла здесь колонизация лишь с 1860-х годов, после вторичного приобретения русскими Амура, в XVII веке раз уже занятого, но затем уступленного Китаю). Русская колонизация

тихоокеанского побережья Америки едва начиналась (впрочем, русская церковь, а отчасти и русский язык быстро утвердились среди туземцев Алеутских островов и на побережье Аляски).

Русская колонизация в Америке не была поддержана русской государственной властью. В 1840-х годах были проданы русские владения в Калифорнии; в 1867 г. Соединенные Штаты приобрели у России громадную Аляску всего за 7 с небольшим миллионов долларов, то есть (по тогдашнему курсу) менее, чем за 15 миллионов рублей. В Калифорнии было найдено золото вскоре после ее продажи; о золоте в Аляске имелись сведения еще до ее продажи Америке, но на эти сведения не было обращено внимания тогдашним русским правительством. Разработка этого золота сделала Аляску одним из видных источников американского богатства.

Разумеется, далеко еще не использованы нами природные богатства и производительные силы ранее и прочнее занятой Сибири. Русская колонизация Сибири сделалась особенно интенсивной после отмены крепостного права в 1861 г. и постройки Сибирской железной дороги в конце XIX века. Население Сибири к концу XIX века поднялось до 7 миллионов человек; в течение первых двух десятилетий XX века оно росло необыкновенно быстро, и в настоящий момент, вероятно, достигло цифры в 20 миллионов.

Русская колонизация северо-восточной Азии, по своей быстроте, а также и по достигнутым культурным результатам, имеет мировое значение. Недаром отдает ей дань удивления исследователь колонизации современных народов, известный французский экономист Поль Леруа Болье [40], который говорит, что русский народ обнаружил в своем движении на восток «необыкновенные качества воли, терпения, умение приспособляться к новым условиям активности».

Блестящие результаты русской колонизации достигнуты были русским народом после упорной напряженной борьбы с неблагоприятными географическими условиями. Как юго-восток Европейской России, так и Сибирь была завоевана трудом и энергиею. Русский народ все время двигался *против солнца* (выделено в газете. – **С.Ф.**) не только в буквальном, но и в переносном смысле. И тем не менее – движение это было неудержимо.

Распространение русского государства к востоку – громадное историческое дело русского народа. Оно доказывает творческие трудовые способности русского народа. Подобно русскому языку, и русская колонизация свидетельствует о величии русского племени.

Г. Вернадский

Таврический голос. – 31 декабря 1919 г. (13 января 1920 г.). – № 25 (275)

№ 13

**Статья Г.В. Вернадского
«ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**

28 января (10 февраля) 1920 г.

Взаимоотношения наши с союзниками России по германской войне, с державами «Антанты» – больной и сложный вопрос. Так много накопилось за два года революции взаимного непонимания, обид, ложных шагов, всяческих недоразумений. Мы часто склонны были приписывать это тому, что на Западе «мало знают» о внутренней жизни нашей страны и о последовательном ходе нашей революции. Разумеется, такое утверждение было бы ошибочно. Дело не в том, что на Западе «мало знают» о нашей жизни, а в том, что мало хотят о ней знать. Если бы хотели – материалов можно бы собрать, конечно, достаточно. Недавно полученные в Симферополе четыре тома сочинения Анэ [41] (Claude Anet. La revolution russe. 4 vol. Paris Payot, 1917 – 1919) доказывают, что во французской печати можно найти довольно точное изображение наших событий.

Книжка Анэ о русской революции составилась, главным образом, из корреспонденций, посылавшихся автором в «Petit Journal» с начала революции до середины 1918 г. Корреспонденции легко и талантливо написаны и в общем дают

правдивую и яркую картину русской смуты. Картина эта, конечно, не нова для тех, кто сам был свидетелем описываемых событий, но она приобретает особенный интерес именно потому, что написана иностранцем. Впечатления стороннего наблюдателя часто уясняют многое лучше, чем оно самому представляется. Анэ хорошо осведомлен и за немногими исключениями сравнительно хорошо умеет разбираться в явлениях русской действительности.

Четыре тома сочинения Анэ идут один за другим в хронологическом порядке. Первый заключает в себе впечатления автора «в Петрограде и армиях» с начала революции по май 1917 г. День за днем описываются настроения Петрограда (главным образом, уличной толпы), начиная с 23 февраля ст.ст. Любопытно отношение француза к пулеметной стрельбе с крыш по революционным солдатам и рабочим. Эта стрельба в течение нескольких дней поддерживалась, как говорили, остатками полиции. Известие об этом, проверенное самим Анэ, вызывает в авторе чувства изумления перед верностью своему долгу царской полиции. «В трагический час русской жизни, когда великие князья, высокие сановники, генералы склоняются перед нарождающейся властью и забывают присягу, данную императору, вот одни только городовые («des garodovoïs»), в темной душе которых сохранилось чувство долга».

Бродя по петроградским улицам, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что происходило, Анэ не сразу мог узнать «напев, который толпа беспрестанно повторяет, печальный напев, без выражения, монотонный, без ритма». С трудом догадался он, что это марсельеза.

«Что сделал русский народ и бабы («les babas») из нашей свирепой песни революционных войн? Где призывы этой песни, ее огонь, желание победы? Эту песню здесь переделали в сумрачную жалобную литанию... Перемена ритма песни нечто весьма характерное для русских. Это печальный народ и он создал печальную марсельезу».

Вопрос, наиболее волнующий Анэ во всей русской революции, это, разумеется, вопрос о готовности и желании России продолжать войну с Германией. С этой точки зрения рассматривает он перипетии внутренней политики России, раздор между Временным правительством и Советом рабочих депутатов, приказ № 1 и разложение русской армии и пр.

Для Анэ, в сущности, ясно, что революция покончила с войной, и мир неизбежен. Но тут, как видно, и начинается неискренняя дипломатия Франции и прочих держав Согласия. Поддерживается фикция, что обе половины русского общества, и буржуазия, и «революционная демократия» желают продолжения войны, за исключением одних только максималистов (Ленина и Троцкого). Приезжают французские социалисты, Альберт Тома.[42] Поддерживая фикцию и соблюдая аппараты, они топят умеренную часть правительства и выдвигают «объединителя» революционных стремлений – Керенского.[43] Анэ, видимо, обязан подчиняться директивам Альберта Тома. И он подчиняется и пишет восторженную характеристику Керенского.

«Личность Керенского растет с каждым днем. Это человек, которого революция выдвинула из ряда прочих». «Благородная натура, Керенский связал свое имя с первой реформой уголовного кодекса: отменой смертной казни. И мы будем иметь революцию без гильотины».

Керенский, речами пробуждающий солдат к наступлению, напоминает французскому корреспонденту героев классической древности.

Второй томик книжки Анэ сплошь почти посвящен Керенскому. Этот томик издан уже после большевистского переворота. Ставка союзной дипломатии на русскую «революционную демократию» была бита. Аппараты можно было отбросить. Дипломатические фикции уже не стесняли Анэ. И предисловие ко второму тому безжалостно развенчивает недавнего героя.

Керенский, по дополнительным откровенным признаниям Анэ, вовсе не государственный человек. «Превосходный оратор, больше ничего». Керенский – типичный русский революционер, человек слова, а не дела, не знающий людей, наивный. Поэтому он никуда не годный правитель. «Первым актом Керенского у власти была отмена смертной казни: это в разгар войны и тогда, когда солдаты нача-

ли убивать своих офицеров». По части устройства финансов, аппарата власти, администрации, полиции, Керенский – ничтожество. «Я ищу за шесть месяцев царствования Керенского хоть один акт власти: я не нахожу ни одного. Я нахожу только страстные речи, прокламации, обещания, угрозы. Он говорит и думает, что действует». «Керенский опьянен властью... Он потерял чувство реальности... Он живет в Зимнем Дворце. Он сидит на постели русских царей. Слишком много тщеславия»...

Керенский – «болтливая и истеричная женщина, которая умеет только прыгать через веревочку, сохранять равновесие, притопывать ножкой и произносить звучные слова, лишённые смысла и никогда не сопровождаемые действиями». Керенского, Анэ не щадит теперь и единомышленников Керенского – социалистов интернационалистического оттенка. По мнению Анэ, они также только говорят, а не действуют, говорят бесконечно, тягуче, выносят резолюции за резолюциями, повторяют одно и то же; по всякому поводу упоминается в их речах и резолюциях «кинжал, вонзенный в спину революции».

Последней надеждою на спасение России, по мнению Анэ, был план Корнилова.[44] Но Корнилов был предан Керенским по соображениям мелкого тщеславия и по трусости перед социалистическими Советами.

Корниловское движение рассказано Анэ на основании записки самого генерала Корнилова. Записку эту Анэ получил лично от Корнилова в Быховской тюрьме, куда Анэ удалось пробраться. После ликвидации Корниловского движения уже не оставалось реальных сил для противодействия замыслам большевиков. В лице последних на место людей слова и фразы пришли люди дела. Это качество Анэ за большевиками признает всецело.

Деятельности большевистского правительства с ноября 1917 по июнь 1918 г. (когда Анэ покинул пределы России), Анэ посвящает третий и четвертый томики своей книжки.

Конечно, и здесь отношения с Германией привлекают наибольшее внимание Анэ. Третий томик рассказывает о подготовке Брестского мира. Четвертый касается самого мира.

Большевистский режим Анэ описывает в мрачных красках. «Всякий, кто жил в России в царствование максималистов, вынес впечатление кошмара. Лишь несколько упрямых идеологов и мистиков могли радоваться «великому дню» (большевистского переворота 25 октября 1917 г.), когда новый порядок должен был воцариться над миром. Но мы, беспристрастные и беспартийные свидетели, видели, что вместе с революцией Россия исчезла как великая держава. Враг навязал самый унижительный и ужасный мирный трактат стране, которая еще вчера считала 12 миллионов солдат под ружьем... Внутри – анархия и разрушение, полная анархия, какую только русские способны создать, и совершенное разрушение, которому подверглись и государство, и частные лица...»

«Что оставит максимализм позади себя? Несчетные разрушения, и, что еще хуже, глубокую деморализацию. Народ разучился работать и забыл все, что знал прежде о порядке и законности. Никакой режим не сможет сразу вернуть его к нормальной жизни».

Ленин обещал русскому народу мир, хлеб и землю, но не дал ни того, ни другого, ни третьего.

«В самые смутные времена своей истории Россия никогда не знала более кровавого времени, чем царство большевиков».

Какие предвидения делает Анэ для будущего России? У него не раз прорывается презрение к слабой культурности русского народа, его пассивности, безразличию в отношении общих интересов, отсутствию патриотизма. Россия – царство слов «как-нибудь» и «ничего». Но Анэ чувствует, вместе с тем, громадные скрытые творческие силы в русском народе и верит в эти силы.

«В мрачный час, когда я пишу эти строки (август 1918), я не отчаиваюсь в России. Я хочу верить, что она сумеет извлечь для себя урок из ужасного своего испытания. В этом юном народе заложены несчетные силы; в этой «широкой натуре» есть источники, кажущиеся неиссякаемыми. Мучениями приведенная от снов к действительности, Россия примется за ежедневные, суровые задачи, испо-

ление которых одно только поможет ей возобновить свое шествие к великому будущему, которого желают ей все ее друзья».

Этими прекрасными словами Анэ я и закончу обзор его книги.

Г. В-й

Таврический голос. – 1920. – 28 января (10 февраля). – № 147 (297)

Комментарии.

1. Нижерепубликуемые статьи и интервью не значатся в изданных списках печатных трудов В.И.Вернадского и Г.В. Вернадского; см.: Владимир Иванович Вернадский (Материалы к биобиблиографии ученых). Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1992; Список трудов Г.В. Вернадского by Nikolay Andreyev // Записки Русской академической группы в США. – New York, 1975. – Т. IX. – С. 168 – 181.
2. Примечательно, что в своем дневнике 19 апреля (2 мая) 1920 года В.И.Вернадский оставил следующую запись: «Заходил редактор «Юж[ных] зап[исок]» (ошибка; правильно: «Южных ведомостей». – С.Ф.) – сообщил о смерти Тимирязева. Просил статью. Может б[ыть], дам – обещал ответ завтра». Издатели дневника так прокомментировали эту запись: «Такая статья написана не была» (см.: Вернадский В.И. Дневники 1917–1921: январь 1920 – март 1921. – Киев, 1997. – С. 73, 152). Как видим, издатели ошиблись.
3. Гофмейстер Вильгельм (1824–1877) – немецкий ботаник, один из создателей эмбриологии растений.
4. Бернар Клод (1813–1878) – французский физиолог, один из основоположников экспериментальной медицины и эндокринологии.
5. Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) – военный, политический и государственный деятель, был гетманом Украины в 1918 г.
6. Книга Г.Ф. Морозова «Основания учения о лесе» была издана в Симферополе в 1920 г.
7. Заголовок интервью в газете.
8. Гельвиг Роман Иванович (1873– 1920) – первый ректор Таврического университета.
9. Заголовок интервью в газете.
10. Имеется в виду правительство генерала П.Н. Врангеля.
11. Торжества по случаю очередной годовщины основания Таврического университета.
12. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – крупнейший русский историк, источниковед, археограф и архивный деятель, председатель образованного в марте 1917 г. Союза российских архивных деятелей. Его жизнь и деятельность были связаны и с Крымом. С 1873 г. семья Лаппо-Данилевских проживала в Симферополе, где отец служил таврическим вице-губернатором, мать – начальницей женской гимназии, а Александр обучался в 1-й мужской гимназии, которую окончил в 1882 г. с золотой медалью. С 1889 г. он – член Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК). Последний раз приезжал в Симферополь в 1917 г. в связи с кончиной матери. Тогда же встречался с председателем ТУАК А.И. Маркевичем и имел с ним беседу о путях реорганизации архивного дела в России. Памяти А.С. Лаппо-Данилевского было посвящено заседание ТУАК 11 мая 1919 г., на котором с докладами об ученом выступили Г.В. Вернадский, Б.Д. Греков, А.И. Маркевич.
13. Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919) – историк, академик, автор трудов по истории крестьян, государства и церкви в России.
14. Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – русский писатель, публицист и историк, автор 12-томной «Истории государства Российского».
15. Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – русский государственный деятель, временщик при дворах Павла I и Александра I.
16. Восстание Чугуевского полка произошло в 1819 г., восстание в Старой Руссе – в 1831 г.
17. Военные поселения существовали в России в 1810–1857 гг.
18. Г.В. Вернадский имеет в виду период с апреля по июнь 1919 г.
19. Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – политический и государственный деятель, в 1918–1925 гг. – нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики, один из создателей Красной Армии.
20. Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – мыслитель и публицист. В главном сочинении – «Философические письма» (написаны в 1829–1831 гг.) высказал мысли об отлученности России от всемирной истории, о духовном застое и национальном самодовольстве, препятствующих осознанию и исполнению его предназначенной свыше исторической миссии.
21. Памятник Екатерине II в Симферополе был заложен в 1883 г., в день 100-летней годовщины присоединения Крымского ханства к Российской империи. Открыт 18 октября 1890 г. Памятник представлял собой сложную многофигурную композицию, доминантой которой была бронзовая фигура Екатерины II в полный рост. Памятник включал также скульптуры Г.А. Потемкина-Таврического и В.М. Долгорукова-Крымского и бюсты А.В. Суворова и А.И. Булгакова (посланника Российского государства в Османской империи). 1 мая 1919 г. по распоряжению местной коммунистической власти памятник был демонтирован, но в конце 1919 г., вскоре после свержения в Крыму большевиков, восстановлен. Подробно о памятнике и его судьбе см.: Гуркович В.Н. Ильичи из Екатерининской бронзы... // II Таврические научные чтения, посвященные 80-летию Центрального музея Тавриды. – Симферополь, 2002. – С. 70–76.
22. Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) – выдающийся государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784), фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II. Способствовал освоению Северного Причерноморья, руководил строительством Черноморского флота. После присоединения Крыма к России получил титул светлейшего князя Таврического. Главнокомандующий российской армией в русско-турецкую войну 1787 – 1791 гг.

23. Семенов-Тянь-Шанский (до 1906 г. – Семенов) Петр Петрович (1827–1914) – русский географ, статистик, общественный деятель, почетный член Петербургской Академии наук, автор четырехтомных «Мемуаров» (Пгд., 1915 – 1917).
24. Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – публицист, историк, лингвист и поэт, один из идеологов славянофильства.
25. Господствовавшее направление отечественной историографии пореформенного периода. В основу исторического процесса в России историки юридической (или государственной) школы ставили государство и его деятельность.
26. Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – крупнейший русский историк, академик (1900), создатель научной школы.
27. Тургенев Иван Сергеевич (1816–1883) – великий русский писатель, автор проникновенных строк о русском языке (см. его «Стихотворения в прозе»).
28. Герцен Александр Иванович (1812–1870) – российский революционер, писатель, философ, один из основоположников народничества.
29. Карл I (1600–1649) – английский король с 1625 г., из династии Стюартов. В ходе революции был низложен и казнен.
30. Стюарты – королевская династия в Шотландии и в Англии.
31. Вильгельм III Оранский (1650–1702) – штатгальтер (правитель) Нидерландов с 1674 г., английский король с 1689 г. Призван на английский престол в ходе государственного переворота 1688 – 1689 гг., до 1694 г. правил совместно с женой Марией II Стюарт.
32. Кромвель Оливер (1599–1658) – виднейший деятель Английской революции, руководитель индепендентов. В 1640 г. один из главных организаторов парламентской армии. Опираясь на армию, изгнал из парламента протестантов (1648), содействовал казни короля и провозглашению республики (1649), власть в которой была сосредоточена в руках сторонников Кромвеля. С 1650 г. лорд-генерал (главнокомандующий всеми вооруженными силами).
33. Карл II (1630–1685) – английский король с 1660 г., из династии Стюартов, сын Карла I. Провозглашение его королем означало реставрацию монархии в Англии.
34. Ермак Тимофеевич (между 1532 и 1542–1585) – казачий атаман, предводитель похода в Сибирь, в результате которого распалось Сибирское ханство Кучума и было положено начало присоединению Сибири к Русскому государству.
35. Строгановы – крупнейшие российские купцы и промышленники XVI–XX вв., известные своей деятельностью по колонизации Урала и Сибири.
36. Федоров Иван (? –1733) – русский мореплаватель, достиг в 1732 г. мыс Дежнева, исследовал о-ва Ратманова и Крузенштерна, впервые нанес на карту американский берег Берингова пролива.
37. Беринг Витус Ионассен (1681–1741) – мореплаватель, офицер русского флота, капитан-командор, начальник 1-й и 2-й Камчатских экспедиций.
38. Чириков Алексей Ильич (1703–1748) – русский мореплаватель, капитан-командор, помощник В. Беринга в 1 и 2-й Камчатских экспедициях.
39. Российско-Американская компания – российское торговое объединение для освоения Русской Америки, существовало в 1798–1868 гг.
40. Поль Леруа Больё (1843–1916) – французский экономист.
41. Анэ Клод (1869–1931) – французский журналист и писатель. В 1917 г. был корреспондентом парижских газет в Петрограде, аккредитованным при Временном правительстве. Сумел собрать обширную оригинальную информацию.
42. Тома Альберт (1878–1932) – французский политический деятель и историк, с 1910 г. – депутат парламента от Объединенной социалистической партии, один из лидеров ее парламентской фракции, с начала Первой мировой войны вошел в состав французского правительства, с декабря 1915 г. по сентябрь 1917 г. – министр вооружения. После Февральской революции приезжал в Россию с целью активизировать ее участие в войне.
43. Керенский Александр Федорович (1881–1970) – политический деятель, с 8 (21) июля 1917 г. – глава Временного правительства.
44. Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал-от-инфантерии, в июле-августе 1917 г. – верховный главнокомандующий, в конце августа (начале сентября) поднял мятеж с целью установления военной диктатуры в России; мятеж был подавлен.

**ОБ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ ИСТОРИИ ТАВРИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА: К 90-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РАЗРАБОТКИ ИСТОРИИ ВУЗА**

Филимонов С.Б.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

90 лет назад, в разгар Гражданской войны, 14 (1) октября 1918 года, в светлый праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в Симферополе, в театре Таврического дворянства (ныне – Крымский академический русский драматический театр им. М.Горького) состоялось торжественное открытие Таврического университета, которому суждено было стать старейшим и авторитетнейшим высшим учебным заведением Крыма.

Как известно, Добровольческая армия не признавала университетов, возникших во время Гражданской войны. Но для Таврического университета было сделано исключение и он был признан двенадцатым российским университетом. Таким образом, если Московский университет был первым российским университетом, то Таврический университет стал последним российским университетом, открытым в досоветский период отечественной истории.

Наименование вуза неоднократно менялось. В 1918 – 1921 годах вуз назывался Таврическим университетом, в 1921 – 1925 – Крымским университетом им. М.В.Фрунзе, в 1925 – 1972 – Крымским государственным педагогическим институтом им. М.В.Фрунзе, в 1972 – 1999 – Симферопольским государственным университетом им. М.В.Фрунзе, с 1999 – Таврическим национальным университетом им. В.И.Вернадского.

Историография истории вуза всего лишь на год «моложе» его самого. Ей в 2009 году исполняется 90 лет. В этой связи представляется целесообразным обратить внимание читателей на основные ее этапы.

Первым историографом университета был один из его организаторов и преподавателей, замечательный крымовец, многолетний председатель Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ) Арсений Иванович Маркевич (1855 – 1942). Уже в 1919 году в первой книге «Известий Таврического университета» был напечатан написанный им «Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета» [1]. Непреходящую научную значимость этого очерка позволяет подчеркнуть тот факт, что в наши дни его дважды переиздавали: в 2000 году на страницах журнала «Крымский архив», в 2008-м – в газете «Таврический университет» [2].

Следующей важной вехой в историографии истории университета был 1926 год, когда Маркевич завершил работу над рукописью «История Таврического университета». Что нам известно об этой рукописи? К сожалению, ничтожно мало. В протоколе заседания ТОИАЭ от 24 октября 1926 года зафиксировано: «Председатель (А.И.Маркевич. – С.Ф.) докладывает о выполнении им поручения Общества (ТОИАЭ. – С.Ф.) составить Историю Таврического Университета, порученную Обществу Крымским Медицинским Обществом. Собрание постановляет поручить Президиуму издать рукопись и выдать автору соответствующий гонорар» [3]. Увы, рукопись издана не была, а ее судьба остается неизвестной. Первоначально я предполагал, что рукопись эта погибла вместе со всем архивом Маркевича в годы Великой Отечественной войны. Но вот в предисловии («от авторов») к изданной в 1960 году книге по истории Крымского педагогического института читаем: «Много сведений по начальному периоду истории института содержалось в рукописи А.И.Маркевича «Крымский им. М.В.Фрунзе университет» (она хранится в архиве института)» [4]. Прочтя эти строки в конце 1970-х годов, я немедленно отправился в архив вуза. Но интересующей меня рукописи Маркевича там не оказалось...

Последней работой Маркевича, посвященной истории вуза, был его доклад «К 10-летию основания Крымского университета», прочитанный на заседании ТОИАЭ 10 января 1929 года [5]. Но и эта работа не была напечатана, изложение доклада в протоколе заседания ТОИАЭ отсутствует, а рукописи доклада обнаружить не удалось.

Дело Маркевича, скончавшегося в блокадном Ленинграде в 1942 году, продолжили следующие поколения исследователей. Помимо статей и документальных публикаций (особенно богат ими издаваемый с 1994 года журнал «Крымский архив»), в 1960 – 2008 годах вышли четыре коллективно написанные монографии по истории вуза, как правило, последовательно дополняющие одна другую: Ф.С.Загородских, В.Л.Зайцев, С.А.Секиринский. История Крымского педагогического института им. М.В.Фрунзе, 1918 – 1959 (Симферополь, 1960); Очерки истории Симферопольского государственного университета, 1918 – 1993 / Редкол.: В.Г.Сидякин (гл. ред.), В.Ф.Шарапа, П.И.Гарчев и др. (Симферополь, 1993); История Таврического университета / Н.В.Багров, В.Н.Бержанский, Н.Е.Дементьев и др.; под общ. ред. чл.-кор. НАН Украины Н.В.Багрова (Київ, 2003); Таврический университет: времена и люди: 90 лет служения науке / В.Н.Бержанский, В.Ф.Шарапа, Г.Ю.Богданович и др.; науч. рук. проекта – чл.-кор. НАН Украины Н.В.Багров (Київ, 2008) [6].

В 90-летней истории Таврического университета есть период, представляющий особый интерес. Это 1918 – 1920 годы, когда преподавателями вуза были крупнейшие ученые, бежавшие от большевистского террора из университетских центров России и Украины в белый Крым.

Но именно этот период получил в литературе, изданной в XX веке, наименьшее освещение. Главной тому причиной следует признать отсутствие достаточной источниковой базы. Ведь довоенный архив университета погиб, основным печатным источником долгое время оставались лишь два тома «Известий Таврического университета», вышедшие в 1919 и 1920 годах, а вышеупомянутая рукопись Маркевича 1926 года была использована авторами «Истории Крымского педагогического института» (Симферополь, 1960) в минимальной степени, обусловленной, думается, цензурными соображениями хрущевской поры: сегодня уже не секрет, что немало профессоров Таврического университета стали «белоземгрантами» (геолог академик Н.И.Андрусов, историк Г.В.Вернадский, биолог С.И.Метальников, правовед П.И.Новгородцев, филолог В.А.Розов, философ Л.И.Шестов и др.), а философ и богослов С.Н.Булгаков с приходом в Крым большевиков в 1920 году был изгнан из университета, а в 1922-м – и из страны [7].

Отмеченная узость источниковой базы вынудила исследователей искать дополнительных источников информации. Было обращено внимание на архивы учреждений, организаций и отдельных лиц, связанных с университетом в начальный период его существования (см. публикации А.В.Ишина, Л.П.Кравцовой, В.В.Лаврова, А.В.Мальгина и др.) [8], а также на источники личного происхождения (как установил доцент В.В.Лавров, ценнейшую информацию по истории университета содержат изданные дневники академика В.И.Вернадского и опубликованные воспоминания его сына профессора Г.В.Вернадского) [9].

В конце 1990-х годов автору настоящих строк посчастливилось выйти на богатейший, но остававшийся не освоенным исследователями уникальный источник по истории крымской интеллигенции, науки и культуры в 1917 – 1920 годах – крымские газеты периода Гражданской войны [10].

При Деникине и Врангеле в Крыму издавалось несколько десятков газет [11]. Работать с ними потрясающе интересно, но и весьма затруднительно. Почему? Во-первых, потому, что газеты эти по причине их ярко выраженной антибольшевистской направленности долгое время содержались в режиме так называемого «специального хранения» («спецхрана»), оставаясь практически недоступными исследователям, и только недавно были «выпущены на волю». Во-вторых, потому, что со времен красного террора в Крыму 1920 – 1921 годов, когда за хранение этих газет («за хранение белогвардейской литературы») грозил расстрел, они стали колоссальной библиографической редкостью. Достаточно сказать, что в крупнейших библиотеках не только Крыма, но и Киева, Санкт-Петербурга и Москвы нет ни одного полного комплекта ни одной из этих газет. Поэтому для того, чтобы ознакомиться с этим источником, приходится проводить длительные и кропотливые разыскания.

Впрочем, затраченные усилия сполна вознаграждаются ни с чем не сравнимой радостью исследователя-первооткрывателя. Удалось обнаружить не только хроникальные заметки, позволяющие воссоздать недостающие страницы истории университета и существовавших при нем научных обществ (Математического, Педагогического, Хирургического, Общества изучения музыки, Общества философских, исторических и социальных знаний), не только информацию об участии профессоров университета в деятельности крымских научных организаций (Таврической ученой архивной комиссии, Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, Религиозно-философского общества в Симферополе, Религиозно-философского и Литературного обществ в Ялте), но и остававшиеся неизвестными публикации целого ряда корифеев отечественной науки, составляющих гордость и славу Таврического университета. Были обнаружены статьи, заметки, доклады и интервью, не включенные в изданные списки печатных работ таких ученых, как крупнейший русский религиозный мыслитель священник Сергей Булгаков, академик Владимир Иванович Вернадский, его сын историк Георгий Владимирович Вернадский, первый ректор Таврического университета Роман Иванович Гельвиц, будущий академик историк Борис Дмитриевич Греков, будущий академик филолог Николай Каллиникович Гудзий, член-корреспондент Академии наук историк Иван Андреевич Линниченко, будущий член-корреспондент Академии наук классик крымоведения Арсений Иванович Маркевич и др.

Выявленные материалы послужили основой для многочисленных публикаций, помещенных автором настоящих строк, начиная с 2000 года, в различных крымских, киевских, московских, парижских и других изданиях. В 2006 году весь ранее опубликованный материал вошел в книгу «Интеллигенция в Крыму...» [12], тепло встреченную критикой [13].

Работа по изучению крымских антибольшевистских газет периода Гражданской войны продолжается. К этой работе недавно подключились и другие исследователи [14]. Следуют очередные находки, в том числе сенсационные [15]. Убежден, что на этом пути исследователей ждет еще немало открытий.

В заключение предлагаю вниманию читателей републикацию трех заметок, недавно выявленных мною на страницах симферопольских газет «Таврический голос» и «Южные ведомости» за 1919 – 1920 годы.

Заметка «Новые курсы» подтверждает тот факт, что и в жестокие годы Гражданской войны русская интеллигенция следовала своим лучшим демократическим традициям – традициям энергичного просвещения народа. Заметка знакомит нас с тематикой публичных лекций, читавшихся в конце 1919 – начале 1920 годов крупнейшими учеными-профессорами Таврического университета: С.Н. Булгаковым, Б.Д. Грековым, Р.И. Гельвигом, А.Н. Деревицким, А.П. Кадлубовским, Г.Ф. Морозовым, А.А. Смирновым, И.П. Четвериковым.

В заметке «Болезнь академика проф. Вернадского» рассказывается не столько о болезни Вернадского-отца, сколько о вызванном ею поступке Вернадского-сына. Этот эпизод хотя и нашел отражение в ранее изданной литературе (см., напр., вышедшую в 2004 году книгу «В.И.Вернадский и Крым...» [16]), но известен он был по другим источникам.

Наконец, заметка «Университетская жизнь: Аскания-Нова» свидетельствует о том, что знаменитый заповедник в 1920 году находился в ведении Таврического университета.

НОВЫЕ КУРСЫ

23-го ноября группой профессоров Таврического университета открываются общеобразовательные и педагогические курсы. Задача организуемых курсов состоит, с одной стороны, в ознакомлении с педагогическими идеалами и основными методами их осуществления, с другой, в уяснении научных принципов литературы, истории и естествознания, или иначе – философии этих наук. Современному педагогу и образованному человеку вообще в силу необходимости приходится уходить в детали наук, причем принципиальные предпосылки того или другого вида научного знания или совершенно ускользают от его внимания, или, что бы-

вадет чаще, – им бессознательно усваиваются ходячие и часто давно уже осужденные наукою принципиальные точки зрения. Отсюда получается или бессознательный уход в мелочи научного знания, или вольное, а чаще невольное увлечение ходячей теорией экономического материализма, с точки зрения которой рассматривается вся духовная культура. Отсюда же и чрезмерное увлечение нашего времени «историзмом» и «генетизмом», преувеличивающим внешнюю зависимость процесса культурного творчества. Для преодоления этих недостатков современного образования необходимо подняться на вершины научного знания, чтобы, отрешившись от деталей, уловить основные принципы, с точки зрения которых строится современная наука, и критически оценить их.

В этом анализе научных принципов и их критической оценке и состоит задача открываемых курсов.

В течение шести недель, с перерывом на рождественские каникулы, будут прочитаны следующие лекции:

1. Проф. Р.И.Гельвиц – Педагогика Лесгафта и Пирогова.
2. Проф. И.П.Четвериков – Основные течения в современной психологии и педагогике.
3. Проф. А.Н.Деревицкий – Женское образование на Западе и у нас.
4. Проф. А.П.Кадлубовский – Принципы школьного обучения.
5. Проф. А.А.Смирнов, а) Пути и задачи истории литературы, б) Эстетика литературных форм (эстетика лирики, драмы, эпоса и романа).
6. Проф. Б.Д.Греков – Основные течения исторической мысли.
7. Проф. Г.Ф.Морозов - Дарвинизм и ламаркизм: наука и утилитаризм.
8. Проф. свящ. С.Н.Булгаков – Философские предпосылки социализма.

Таврический голос. – Симферополь, 1919. – 17(30) ноября. – № 96(246)

БОЛЕЗНЬ АКАДЕМИКА ПРОФ. ВЕРНАДСКОГО

Получены сведения, что тяжело заболел находящийся в Ялте известный минералог академик проф. Вернадский. Сын его – проф. истории Таврического университета Г.В.Вернадский - немедленно по получении известия о болезни отца отправился в Ялту. Ввиду совершенно безумных цен за проезд из Симферополя в Ялту, доступных лишь для спекулянтов, он пошел пешком, несмотря на холода и опасности одинокого путешествия через горы. Редкий и поучительный для нашего времени пример.

Таврический голос. – Симферополь, 1920. – 8(21) февраля. – № 156(306)

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ: АСКАНИЯ-НОВАЯ

Знаменитая зоологическая акклиматизационная станция Аскания-Нова переходит со всеми своими сельскохозяйственными угодьями, обширную заповедную степью, зоопарком, музеем и библиотекою в заведывание Таврического университета. Осмотревший недавно эту станцию прив. - доц. Завадовский сделал о ней обстоятельный доклад в последнем заседании Совета университета. После многократных набегов различных банд станция пришла в плачевное состояние: разграблен живой и мертвый инвентарь, опустошены жилые помещения, угнан скот, на всем лежит печать бессмысленного вандализма. Но научные богатства станции все-таки были так велики, а хозяйство ее было поставлено так широко, что она и по сию пору все еще представляет собою учреждение огромного значения и высокой ценности. Университет постановил возбудить ходатайство об ассигновании средств из казны на приведение в порядок и содержание станции, а для ближайшего заведывания ею избрал комиссию из пяти лиц с проф. Ивановым во главе.

Южные ведомости. - Симферополь, 1920. – 24 июня. - № 136

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Известия Таврического университета. Симферополь, 1919. Кн. 1. С. 11 – 42.
2. См.: Крымский архив. Симферополь, 2000. № 6. С. 6 – 21; Таврический университет. Симферополь, 2008. № 1/2(956). С. 6 – 8; № 3/4(957). С. 5 – 6.
3. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887 – 1931 гг.). Изд. 2-е, перераб. и доп. Симферополь, 2004. С. 234.
4. Загородских Ф.С., Зайцев В.Л., Секиринский С.А. История Крымского педагогического института им. М.В.Фрунзе (1918 – 1959). Симферополь, 1960. С. 4.
5. См.: Филимонов С.Б. Указ. кн. С. 280.
6. Проведенный мною сравнительный текстологический анализ этих книг показывает, что они не всегда дополняют одна другую. Некоторые разделы, помещенные в книгах, изданных соответственно в 1993 и 2003 годах, практически идентичны. С учетом того, что их авторами в 1993 и 2003 годах были одни и те же люди, текстуральные совпадения этих разделов не вызывают возражений. Возмущает другое. Тексты разделов, посвященных истории вуза в 1925 – 1941 годах, помещенные в изданиях 1993 и 2003 годов, также практически идентичны; в издании 2003 года наблюдается лишь несколько сокращений, но нет ни одного дополнения. Между тем в издании 1993 года автором раздела значится Н.Е.Дементьев, а в издании 2003 года у Н.Е.Дементьева, скончавшегося после продолжительной болезни в 2002 году, появился «соавтор» - А.А.Непомнящий. С ужасом думаю о том, что если методика «соавторства», апробированная г-ном Непомнящим, получит распространение, мы можем столкнуться со следующим явлением: некто, сократив несколько строф в «Евгений Онегине», горделиво поставит свое честное имя рядом с именем А.С.Пушкина в качестве «соавтора». Непомнящего ранее уже уличали в «заимствованиях» (см.: Когоншвили Г. Заметки по поводу «подарка крымоведам»: о книге Андрея Непомнящего «Арсений Маркевич», и не только // Брега Тавриды. – Симферополь, 2005. - № 6(84). – С. 335 – 339; Он же. По поводу «подарка крымоведам»: о книге Андрея Непомнящего «Арсений Маркевич». И не только о ней // Таврида. – Симферополь, 2005. 26 авг. - № 31(334). С. 12–13). Похоже, что урок, преподанный «провідному фахівцю в галузі історії історичної науки, регіоназнавства, історичної бібліографії, кримознавства та книгознавства», как со свойственной ему амбициозностью характеризует сам себя Непомнящий, впрямь не пошел.
7. Биографические справки о профессорах Таврического университета см. в кн.: Профессора Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Київ, 2007.
8. См. напр.: Филимонов С.Б. Б.Д.Греков - заведующий Крымцентрархивом // Советские архивы. М., 1978. - № 3. С. 28–31; К вопросу об открытии университета в Ялте / предисл., подгот. текстов к публикации А.В.Ишина // Крымский архив. – Симферополь, 2000. № 6. С. 39–50; Обсуждение идеи высшей школы в Тавриде местными органами самоуправления / предисл., подгот. текстов к публикации Л.П.Кравцовой // Там же. С. 22–38; Профессорско-преподавательский состав Таврического университета в 1920 году: по материалам Государственного архива Российской Федерации / предисл., подгот. текстов к публикации В.В.Лаврова // Там же. С. 58–118; Кравцова Л.П. Из истории университета. Архив Симферопольского городского головы В.А.Иванова // Там же. Симферополь, 2001. № 7. С. 323–327; Мальгин А.В. Культура Крыма в период Гражданской войны // Там же. Симферополь, 2007. № 10. С. 12–22.
9. См.: «В Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни...»: Г.В.Вернадский и его воспоминания о Крыме / предисл., подгот. текста к публикации В.В.Лаврова, комментарии А.В.Мальгина // Крымский архив. – Симферополь, 1994. № 1. С. 28–46; Лавров В.В., Ишин А.В. В.И.Вернадский и Таврический университет // Там же. Симферополь, 2000. № 6. С. 182 – 208.
10. См.: Филимонов С.Б. К вопросу об источниковой значимости крымских газет времен Гражданской войны для истории отечественной культуры // Гуманитарная мысль Юга России в XX веке. – Краснодар, 2000. С. 41–43; По страницам первого номера газеты Таврического университета «Vivat Academia!» / предисл., подгот. текстов к публикации С.Б.Филимонова // Крымский архив. Симферополь, 2000. № 6. С. 171–181; Филимонов С.Б. Крымские антибольшевистские газеты времен Гражданской войны как источник по истории науки, культуры и просвещения: постановка вопроса // Там же. Симферополь, 2001. № 7. С. 318–322.
11. Их перечень см.: Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Периодические издания Крыма (март 1917 – ноябрь 1920 г.) // Крымский архив. – Симферополь, 2001. № 7. С. 267–288; Филимонов С.Б. К вопросу о составе и содержании периодических изданий Крыма 1917 – 1920 годов // Там же. – Симферополь, 2002. № 8.–С. 257–259.
12. Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917 – 1920): поиски и находки источниковеда. Симферополь, 2006.
13. См.: Ишин А.В. [Рецензия] // Крымский архив. Симферополь, 2007. № 10. С. 275; Ратушняк В.Н., Устиновский И.В. [Рецензия] // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2007. № 1/2. С. 112–115; Мохначева М.П. [Рецензия] // Отечественные архивы. М., 2008. № 3. С. 111–114; Муравьев В.А. [Рецензия] // Отечественная история. М., 2008. № 3. С. 196–198.
14. См.: Таврический университет на страницах крымских досоветских газет / предисл., подгот. текстов к публикации В.В.Лаврова, В.В.Бобкова // Крымский архив. Симферополь, 2007. № 10. С. 48–72. Вынужден констатировать, что указанные публикаторы, следуя недоброму, но распространенному в Крыму обычаю, воздержались от упоминаний трудов предшественников.
15. См.: Филимонов С.Б. Неизвестный Алексей Толстой: новые материалы к истории русской литературы периода Гражданской войны // Брега Тавриды. Симферополь, 2007. № 1(91). С. 170–177; Он же. Новая пушкиноведческая находка: забытая статья Тугендхольда «Пушкин и Крым» // Там же. 2008. № 2(98). С. 149–156; Он же. Как отмечали первую годовщину Таврического университета: новые материалы // Таврический университет. Симферополь, 2008. № 7/8(959). Июль – август. С. 8 – 9.
16. См.: В.И.Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н.В.Багров, В.Г.Ена, В.В.Лавров, Н.А.Съедин, С.Б.Филимонов. Київ, 2004. С. 107.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Юрченко С.В.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Особенностью современной международной системы является константа флюидности – стабильность с распадом биполярной системы международных отношений оставляет место масштабным и бесконечным изменениям. Сейчас проблему для исследователя формирует не дефицит эмпирических данных, а напротив, стремительно растущее их количество. Поэтому встает вопрос не нахождения фактов или статистических данных, а выбор и изучение главных явлений и тенденций, влияние которых является основой в развитии мирового сообщества.

Эта проблема, безусловно, понимается исследовательским сообществом, и мы за последние 15 лет видим смелые попытки изучения глобально-масштабных процессов и моделирования динамики развития международных отношений как единой системы. Сейчас созданы более 20 глобальных моделей, которые предлагают разные варианты развития событий, отображая желание их авторов заглянуть в будущее на основании анализа статистики, учета новых факторов и тенденций развития, экстраполяции существующих данных на следующие десятилетия, сравнение своих выводов с футурологическими прогнозами специалистов с других стран.

Пятнадцать лет – это значительный период времени в научном осознании главных тенденций международного развития, и сейчас мы, имеем результат работы целого поколения исследователей из разных стран мира, главные подходы и концепции которых нуждаются в научной инвентаризации для того, чтобы современные и будущие исследования учитывали как весомые вносы в интерпретацию системности международных отношений, так и проблемные вопросы, которые составляют перспективу исследования.

Среди тенденций, которые определяют направление трансформации современной системы международных отношений и характеризуют современную международно-политическую и социально-экономическую картину мира, большинство отечественных и зарубежных исследователей называют глобализацию, интеграцию, регионализацию, децентрализацию, фрагментацию, изменение роли национальных государств и демократизацию, концентрируя внимание на взаимовлиянии и противоречивости этих процессов.

Известный российский ученый-международник А.И. Уткин, конкретизируя конфигурацию указанных тенденций, подчеркивает, что несколько «мощных сил меняют прежнюю картину мира и уверенно подводят мировое сообщество к новому состоянию», результатом чего будет «новая конфигурация миропорядка, новое соотношение сил, новая геополитическая, экономическая, цивилизационная картина мира» [1].

Среди этих сил, он выделяет реализацию геополитической мощи главным победителем в «холодной войне» – Соединенными Штатами - и экстраполяцию американской мощи на глобальное окружение, создающую однополярную структуру мира; бурный рост экономики в индустриальном треугольнике – Северная Америка, Западная Европа и Восточная Азия, в результате которого развитое меньшинство (страны – члены ОЭСР) подчиняет своей власти огромное большинство людей; разрушительный хаос, наступающий на мировое сообщество вследствие ослабления государств-наций (на фоне укрепления влияния ТНК и негосударственных организаций, создающих нерегулируемые процессы); обращение государств к новой идентичности, базирующейся на возврате к традициям, устоям, исконной религии, историческим святыням; грозящую глобальным взрывом поляризацию бедного и страждущего большинства населения планеты и материально благоденствующего меньшинства; феноменальный демографический рост населения Земли, особенно его бедной части; неожиданный подъем новых гигантов – Китая, Индии, Бразилии; иммиграцию – смещение колоссальных масс населения в зоны чуждых им цивилизационных канонов; конфессиональное разобщение человечества; оскудение земной

оболочки ресурсами; и развитие науки, давшей толчок развитию производительных сил, но и оснастившей человека средствами глобального разрушения.

Большее приближение к рассмотрению указанных тенденций приводит специалистов к прогнозам, в духе тех, которые содержатся в исследованиях Совета по внешней и оборонной политике России, которые, характеризуя «контуры недалекого будущего» в 2017 г., отмечают возможность умеренного общемирового развития на основе продолжающейся глобализации и сочетания на национальном уровне стратегий приспособления эволюционного совершенствования и радикального реформирования; сведение до минимума угрозы глобального конфликта, но возрастание противоречий на региональном и локальном уровнях; усиление тенденции к полицентризму, в контексте провала попытки США силовым путем закрепить одностороннее лидерство, но не в виде возврата к классической модели, а в виде формирования многоуровневой высокоподвижной системы, в которой на первый план выдвигаются глобальные проблемы (обеспечение человечества чистым воздухом, водой и продуктами питания в контексте гармонизации антропогенного воздействия на природу; деградация почвы; дефицит запасов чистой воды; сведение лесов; глобальное потепление и т.д.).

При этом обоснованно акцентируется кризис управляемости международной системы, проявляющийся в неадекватности механизмов поддержания международной безопасности, созданных после Второй мировой войны – ООН, НАТО, ОБСЕ – вызовам и угрозам XXI столетия; отсутствии явных успехов в их реформировании; внутреннем ослаблении государств – главных элементов системы международных отношений; усугублении кризиса государственного управления ряда стран Африки, Ближнего и Среднего Востока; оформлении на рубеже веков тенденции принимать решения вне рамок международных институтов, что подрывает их легитимность; кризисе международного публичного права, преимущественно в части применения военной силы; ослаблении режима нераспространения ОМУ.

Концентрация внимания на военно-политических аспектах основных процессов трансформации международных отношений приводит некоторых исследователей к выводу о том, что в современном мире одной из ведущих тенденций является формирование «нового геополитического субъекта – мировой финансовой олигархии», «наднациональной мировой элиты, ядром которой являются сверхбогатые люди планеты, крупные транснациональные корпорации, а также наркомафия с годовым оборотом около 1 трлн. долларов и другие международные преступные сообщества», при этом «Соединенные Штаты с их политической, экономической и военной мощью выступают... тараном, реализующим установки мировой олигархии... Для придания своей деятельности международного характера империя интенсивно использует НАТО, ОБСЕ, Совет Безопасности ООН, сеть неправительственных организаций, спецслужбы» [2].

В этом отношении, отмечает президент Академии геополитических наук Л.Г.Ивашов, ведущей тенденцией мирового развития является то, что «военная мощь США и НАТО под давлением империи-олигархии – разрушает цивилизации, способные противостоять США и новым хозяевам мира» [3]. При этом подчеркивается, что «противостояние переходит из сферы борьбы за территорию, ресурсы, коммуникации в духовно-цивилизационную сферу», сферу сознания, и театром военных действий становятся «устои сознания: традиционные ценности народов, их религия, культурные коды, нормы морали, архетипы поведения».

В этом отношении следует особо отметить попытки «экспорта демократии». Действительно демократизация является одной из тенденций, которая во многом определяет трансформацию современной системы международных отношений. Но понимается эта тенденция порой упрощенно, как фиксируемый на конкретный исторический момент рост количества демократических государств, усиление и развитие демократических институтов и процедур, в разных странах, причем зачастую под внешним воздействием. При этом отмечается, что если в начале XX века относительно небольшое количество государств можно было рассматривать как демократические, да и сами они далеко не всегда предусматривали всю полноту избирательного и других прав, то в начале XXI века эти пробле-

мы оказались если не решенными, то, по крайней мере, разрешимыми; что впервые в истории «демократическое пространство» раскинулось так широко, что превратилось в доминанту геополитического ландшафта мира, а отдельные островки тоталитаризма или авторитаризма остались на обочине магистрального развития мировой политики и никак не могут претендовать на существенную роль в ее формировании; что складывается глобальная среда, которая неблагоприятна для нового раскола мира по идеологическими признаками, а благоприятна для трансформации структуры международных отношений на демократических основах.

Однако направленность и оценка долговременности «демократической волны» рубежа веков требует более пристального внимания. Представляется бесспорным, что новые демократии сталкиваются с целым рядом сложных проблем: инфляцией, бедностью населения, низкими темпами развития, огромными долгами, резкой дифференциацией социальных групп, слабыми государственными институтами. В этих условиях демократическое правление представляется не всегда прочным и долговременным. В этом смысле необходимо помнить, что за каждой из двух прошлых волн демократизации после I и II мировых войн наблюдался значительный откат: в 1922 г. в мире насчитывалось 32 демократические страны, а через 20 лет их осталось только 12. Апогей второй волны пришелся на 1950-е годы, но к началу 1970-х годов количество демократических стран в мире снова существенно уменьшилось [4]. Поэтому мы имеем некоторые исторические основания для вывода о том, что может начаться спад и третьей волны демократизации и возрождение в некоторых странах той или иной формы авторитаризма.

В этом контексте нужно учитывать и то, что сам процесс демократизации и функционирования демократии может осложнить отношения между этническими и религиозными группами обществ, усиливая возможности кризисов на этих основаниях и тенденцию к реставрации авторитарного руководства, которое, как свидетельствует исторический опыт, может определенный период более эффективно контролировать многонациональные народы и государства.

Фундаментальным фактором выступает наступление новой эры, о которой американский исследователь Ч. Капхен писал так: «В настоящее время на пороге новая эпоха – цифровая эра... Индустриальное общество разрушается все очевиднее по мере того, как происходит внедрение цифровых технологий... «Рассвет» эры цифровых технологий и закат индустриальной эпохи оказывают значительное воздействие на основные политические и социальные институты, явившиеся плодом индустриализации, а именно на республиканскую демократию и национальное самосознание. В самом деле, закат индустриальной эпохи и переход к цифровой экономике способны серьезно пошатнуть основы демократической государственности. Один цикл истории уже завершился, а другой лишь восходит на горизонте» [5].

Продолжая эту линию рассуждений, Ч.Капхен подчеркивает, что «переход от эпохи к эпохе, как правило, сопровождается «смутными временами», из чего следует, что завершение нынешнего исторического цикла ознаменуется не столько демократическим миром и глобальным консенсусом, сколько грандиозными переменами в политической и геополитической жизни», и эта турбулентность будет сопровождать (и выражаться) возврат к мультиполярному миру и растущее напряжение между лидерами и аутсайдерами цифровой технологической гонки.

«Смутное время» рубежа веков демонстрирует, таким образом, ряд достаточно четко выраженных процессов. Однополярный мир не состоялся, и в современной международной системе происходит становление новых глобальных центров силы и экономического роста, что ведет к более равномерному распределению ресурсов развития и контроля за природными богатствами. Все в большей мере актуализируется вопрос о необходимости встраивания интересов формирующихся центров силы – Китая, Индии, Бразилии – в структуру международных режимов и институтов. Эти процессы будут протекать в ближайшие полтора-два десятка лет в мире, где будет сохраняться убывающее доминирование США.

В условиях возрастающей турбулентности и снижения уровня управляемости международными процессами значительную стабилизирующую роль может сыграть неформальное коллективное лидерство ведущих государств мира, что будет, в определенной степени, компенсировать известное несовершенство созданных во второй половине XX века международных институтов.

Развитие цифровых технологических процессов станет одним из факторов формирования более конкурентной среды, важнейшим признаком которой станет взаимодействие различных моделей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности.

Примечания

1. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М., 2006. С. 18-19.
2. Ивашов Л. Геополитические горизонты России // Международная жизнь. 2007. № 5. С.37-38.
3. Там же. С. 39.
4. Хантингтон С. Неуправляемость демократии? // Демократия 1990-х. Специальный выпуск журнала Глобальные проблемы переходного периода. № 6. С.20.
5. Капхен Ч. Закат Америки: Уже скоро. М., 2004. С. 526.

IV
ФИЛОСОФИЯ
И ДУХОВНОСТЬ

**АРМЯНСКАЯ ЦЕРКОВЬ – ДУХОВНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
КРЫМСКИХ АРМЯН**

Арутюнян Л.В.

**Севастопольский филиал Саратовского государственного
социально-экономического университета**

*«Дабы постичь тайну жизни нации,
потребно познать ее религию».*

**архиепископ
Магакия Орманиан**

Человек, не интересующийся историей своего народа, никогда не поймет и не проникнется уважением к истории другого народа. Этим и вызван интерес к изучению истории одного из древнейших этносов Крыма.

Объектом исследования является Армянская Апостольская Церковь как центр духовного и культурного единения крымских армян.

Цель работы – проведение анализа роли церкви в развитии культуры и формировании духовности крымских армян.

В настоящее время в Автономной республике Крым действует более 27 национально-культурных объединений, 25 из них официально зарегистрировано. Национальная палитра Крыма представлена более чем ста этносами и этническими группами, многие из которых сохраняют свою традиционно-бытовую культуру и активно популяризируют свое историко-культурное наследие [1].

Одним из древних народов, проживающих на территории Крыма являются армяне. Волею исторических судеб армяне часто покидали свое Отечество и основывались в соседних и заморских странах, продолжая свои древние традиции на новых местах, стараясь возродить все то, что окружало их на родной земле [2].

По численности населения армян, масштабу хозяйственно-торговой и духовно-культурной деятельности особо выделяется полуостров Таврика-Крым. Не случайно в XIII-XV веках восточное побережье Крыма именуется Armenian maritime (Приморская Армения), Armenian majoris (Большая Армения), а некоторые населенные пункты считаются «армянскими».

О крымских армянских колониях известно, что они отличались разносторонним характером деятельности. Трудно переоценить их значение для Таврики, особенно в международной торговле, которая шла через Крым и другие города полуострова. Армяне принимали в ней самое активное участие, о чем сообщают многочисленные письменные источники — армянские, гетуэзские, арабские.

Специалист по истории восточного христианства Джованни Гуайта, издал книгу «1700 лет верности. История Армении и ее Церкви», в которой указывал: «Гигантскими жестокими взрывами армяне разбросаны по всей земле. И... сохранили себя как народ, говорят на своем языке, пишут с помощью созданного ими оригинального алфавита, сберегли свою богатейшую культуру, свой национальный облик и характер» [3].

Среди народов мира мало кому удавалось проявить в условиях массового переселения в целях самосохранения, такое умение проникать в жизнь далеких стран, проводить там широкую экономическую и культурную деятельность и при этом, что самое главное, сохранять и развивать в новых условиях свою национальную самобытность и оригинальную культуру [4].

Это было связано с географическим положением Армянского нагорья – ареала формирования армянского этноса, которое имело важное военно-стратегическое и торгово-экономическое значение. К этому прибавилось и религиозное различие, после того как христианство стало в Армении государственной религией.

Частые войны и разорения создавали реальную угрозу физического уничтожения армянского народа. Это побуждало армян покидать Родину и находить пристанище на чужбине.

Другой причиной миграции армян являлась насильственная или вынужденная депортация населения. Наибольшего распространения этот процесс получил в VIII-XI вв. в результате войн между Византией и Арабским Халифатом из-за Малой Азии, Армении, а также нашествия сельджуков.

Также миграции армян способствовали предприимчивость армянского купечества, мастерство армянских строителей и ремесленников.

«Армяне – один из старейших народов христианской цивилизации и самых мирных, предприимчивых и рассудительных народов на свете», - писал И. Шопен.

Первые связи армян с Таврикой относятся ко времени Тиграна Великого (I век до н.э.), состоявшего в родственных отношениях с Митридатом VI Евпатором (Митридат Понтийский), в войсках которого служили воины-армяне [5].

Позднее, в V-VI веках н. э. византийские императоры армянского происхождения размещали военные армянские отряды на дальних окраинах своей империи, в том числе и в Крыму [6].

В XI веке после вторжения в Армению турок сельджуков в Крым эмигрируют армяне на постоянное жительство. Они, в основном, расселяются в горном юго-восточном Крыму: в Кафе (Феодосии), Судак, Старом Крыму [7].

Сведения о пребывании армян в Крыму до середины XIII в. были очень скудными. К XI в. относится только один, хачкар (надгробный камень) в Феодосии (Кафе) с надписью в память мальчика Манука, утонувшего в море в 1047 г. [8].

Подробные сведения об армянской колонии в Крыму находим у Юлиана Ивановича Кулаковского [9]. Он отмечал, что армянская колония в Крыму была еще до нашествия монголов, о чем свидетельствуют надписи на церквях, монастырях, кладбищах, надгробных камнях, которые относятся к началу XI века.

После присоединения Крымского полуострова к России крымские армяне стали входить в Нахиджевано-Бессарабскую епархию, включавшей в себя армян, проживавших в России. Предводителем этой епархии в конце XVIII и начале XIX века был архиепископ Иосиф Аргутинский-Долгорукий. В «Путевых очерках», представленных князю Потемкину он представил интересные сведения об армянах и об их переселении при Екатерине II [10]. Имущество каждой церкви было помещено в отдельные ящики и отправлено на новое местожительство. Именем каждой покинутой крымской церкви были названы вновь построенные, которым и было соответственно передано перевезенное имущество. Помимо материальных ценностей крымские армяне увезли с собой и свои традиции, сложившиеся в течение веков, бытовые особенности и принадлежности, фольклор и т.д. В Крыму остались только армянские духовные и светские сооружения — немые свидетели славных времен [11].

В армянских колониях Крыма действовали морально-этические и правовые нормы такие, которые действовали на исторической Родине.

«Дабы постичь тайну жизни нации, потребно познать ее религию», – писал константинопольский архиепископ Магакия Орманиан.

Знакомство с историей армянского народа и его колонией не может быть полным без знакомства с его религией. Необходимо выяснить, как церковь объединяла народ и сплачивала их на чужбине, далеко от исторической Родины.

В самые разные периоды армянской истории Церковь вдохновляла народ, призывая его на защиту Отечества. Она помогала противостоять попыткам насильственной ассимиляции и бороться против чужеземного ига. Очень часто бывало так, что армянский епископ или католикос садился на коня и с крестом в руке вел за собой войско, воодушевляя солдат в битве за родину. Церковные иерархи исполняли также главные социальные и политические функции в жизни страны, пытаясь найти (зачастую напрасно) поддержку и союзничество у других христианских государств и Церквей.

Оказав чрезвычайно большое влияние на формирование армянской культуры, наложив глубокую печать на историю Армении, Евангелие и Церковь стали, согласно известному в народе выражению, отцом и матерью нации. Именно по этой причине в самосознании армян столь важное место занимает их религиозная вера.

С самого крещения Армении христианство стало духовным стержнем армянского народа и душой его культуры. Армянская культура формировалась и приобретала характерные ей черты, вдохновляясь Благой Вестью Евангелия и благодаря усилиям Церкви. Изобретение алфавита Месропом Маштоцем было в первую очередь продиктовано стремлением донести слово Божие до сердца каждого армянина. «Этот алфавит был создан гениальным человеком с поразительным чувством родины — был создан однажды и навсегда, — он совершенен. Тот человек был подобен богу в дни творения... Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нем древность, история, крепость и дух нации...», - писал писатель Андрей Георгиевич Битов в книге «Уроки Армении»[12].

Церковь оказывала сильное влияние на развитие армянской архитектуры, музыки, живописи (в частности, книжной миниатюры), скульптуры и других видов художественного творчества. На протяжении многих веков, в подавляющем большинстве, крупнейшими представителями армянской культуры были монахи, епископы и другие церковные деятели.

С давних пор, вместе с армянским поселением Армянская Церковь стала неотъемлемой частью духовной жизни крымских армян. В силу исторических обстоятельств армяне оказались разбросанными по всему миру, но всегда и везде стремились сохранять свою самобытную культуру, язык и веру. И потому они и на чужбине создавали очаги просвещения - строили церкви и школы.

Церковь для армянской диаспоры играла и играет значительную роль - она стремилась объединить народ и, в то же время, она была как бы официальным представителем армян в чужом краю, единственной их защитницей и опорой. Именно церковь стала подлинным духовным стержнем национальной жизни армянских колоний в Крыму. Церковь волновали не только общенациональные проблемы, но и бытовые вопросы - свадьбы, рождение и крещение детей, смерть и отпевание, помощь нуждающимся и беженцам из Турции и Закавказья. На церковь были возложены вопросы просвещения, образования и осуществления связи с исторической родиной.

На Крымском полуострове до сих пор сохранились остатки армянских архитектурных сооружений — церквей, монастырей, крепостных стен, мостов, родников (фонтанов). Большинство из них относится к XIV-XV векам, когда армянская колония Крыма переживала пору наивысшего расцвета.

Разные источники XIV-XIX веков сохранили названия свыше 60 армянских церквей, монастырей, скитов и пустыней, действовавших в Восточном Крыму в XIV-XV веках..

По словам Дортели д'Асколи, посетившего Кафу в начале XVII столетия, в ней у армян было до 28 церквей и епископ [13].

Значительное число армянских духовных центров в Крыму, возможно, свидетельствует о большой численности армянского населения и о его материальном благосостоянии.

Как сообщают армянские источники, лишь в Кафе насчитывалось 45 армянских церквей. В XVII веке там еще действовали 32 армянские церкви, в конце XIX века их оставалось 17, а сегодня их всего семь. Согласно средневековым источникам, а также записям путешественников, в Феодосии армяне имели отдельный квартал, участок нынешнего «Карантина», который в документах конца XVIII века именовался «армянской слободою». Именно здесь находятся четыре из вышеназванных семи церквей, в том числе храм Иоанна Крестителя, или Предтечи. Армянские постройки сохранились и в других городах Крыма. Исследования последних лет показывают, что в средневековом Сурхате существовал армянский квартал «Верхние землянки» по соседству с татарским участком города. Там находилось более шести армянских церквей, из которых к настоящему времени сохранилась лишь одна полуразрушенная часовня. В Бахчисарае армянский квартал располагался недалеко от ханского дворца. Две церкви этого квартала, судя по источникам XVII века, тоже вели активную деятельность, в том числе просветительскую. Данные о наличии

армянских церквей и монастырей в Крыму в XX веке приводят Домбровский О.И. и Сидоренко В.А. - известные исследователи архитектурных сооружений:

- Феодосия: церковь Св. Сергия (Сурб-Саркис), церковь Св. Георгия, церковь архангелов Михаила и Гавриила, церковь Иоана Предтечи;
- Орджоникидзе: в районе Двукорной бухты, название не известно;
- Коктебель: название и месторасположение не известно (на скате горы Кара-Даг), сохранились две фотографии этой церкви в книге "Крым Максимилиана Волошина";
- Старый Крым: монастырь Св. Георгия, монастырь Сурб-Хач (Святого Креста); церковь, название, которой неизвестно;
- Топлы: пятничная женская церковь Урпата;
- Богатое: храм Спасителя.[14].

В трех километрах от Старого Крыма (Сурхата), в лесу стоит монастырь Сурб Хач - престол армяно-апостольской церкви в Крыму, где восседали местные армянские духовные предводители, управлявшие делами колонии. Датой основания монастыря считают 1358 год, о чем свидетельствует строительная надпись на барабане купола. С названием монастыря Сурб Хач некоторые авторы связывают и название города Сурхат. Сурб-Хач веками оставался духовно-просветительским центром крымских армян.

Больше всего армянских церквей и монастырей было в Восточном Крыму, по всей видимости, ландшафт этой местности напоминал им родину (горы, леса, родники).

При церквях функционировали школы. Армянские рукописи свидетельствуют о том, что еще в начале XIV века усилиями архимандритов Аветика и Петроса успешно действовали духовные семинарии монастырей, куда приезжали учиться даже из Армении. Самая известная семинария в XV веке была при монастыре Св.Антоня в Кафе. Настоятель монастыря архимандрит Саргис знакомил студентов с трудами Порфирия и Бонавентуры, был безмерно уважаем жителями Кафы. [15].

Важное место в деятельности армянских духовных центров Крыма занимает создание рукописных книг и функционирование духовных школ.

При большинстве армянских монастырей и церквей Крыма действовали духовно-просветительские учреждения. В духовных школах молодежь обучалась грамматике, преподавались духовное песнопение, богословие, искусство календаря и различным другим наукам.

Памятные записи армянских рукописей содержат интересные сведения об именитых заказчиках, среди которых были банкиры, купцы, мелкие торговцы, ремесленники. Из тех же записей узнаем, что в городах и селениях Крыма трудились люди разных специальностей – ювелиры, ткачи, каменщики, кузнецы, плотники, прядильщики, красильщики, кожевники, сапожники, портные, повара, мясники, виноделы и другие.

В монастырских кельях и скрипториях работали каллиграфы и миниатюристы. В средневековом книжном искусстве крымские армяне достигли огромных успехов. Книги писцов Натера, его сыновей Аветиса и Степаноса, а также Крестосатура, Григора и других содержат ценнейшие миниатюры и важные сведения, относящиеся не только к истории крымских армян, но и Крыма в целом [16]. Однако письменные источники, как уже отмечалось выше, в основном находятся в Армении.

Священники-поэты создали ряд весьма интересных произведений:

Давай, любимая, порадуемся: Вот сад наги расцвел, Новое солнце утреннее Сегодня
взошло. Царь всех, Господь наш Иисус, Новую весну нам подарил, Новая весна и новая
радуга, Новое солнце для нас взошли.

(Хаспек, 1670 год)

Розы утром распустились красочные, Аромат бессмертия исходит целый день, Прекрасные, как цветки граната Не сыпьте, розы, не сыпьте. Я обжегся от вашего аромата, Не губите, розы.

(Вардан Кафаеци, 1659 год) [17].

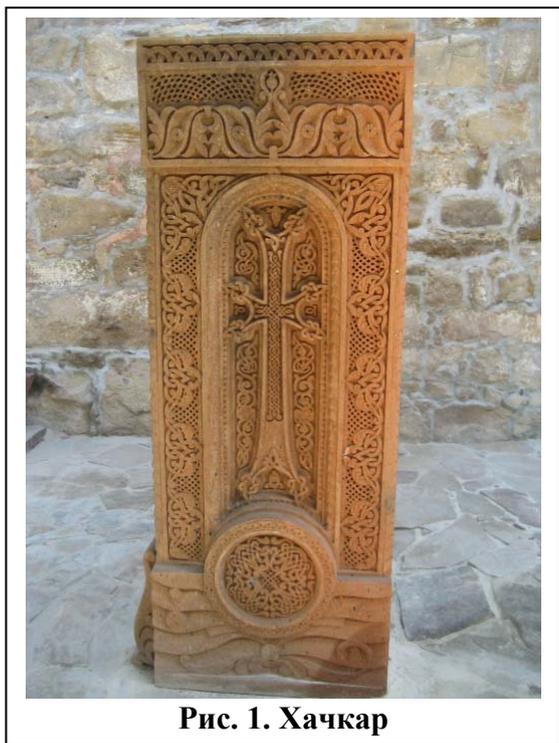

Рис. 1. Хачкар

У армян, как у патриархального народа, религия накладывает свой отпечаток на хозяйственную жизнь. Так, например, важнейшие работы по хозяйству сопровождаются религиозными обрядами и священнодействиями. Весной, когда крестьянин в первый раз выходит на поле, первую борозду сохой он проводит с запада на восток, а вторую - с севера на юг, как бы осеняя поле крестным знаменем.

Великий пост в глазах крестьянина – время для искупления грехов: он усердно ходит в церковь и готовится к причастию. Но религиозные обязанности не отрывают его от работ; труд, по мировоззрению народа, служит средством для «укрощения плоти».

В Великий пост крестьянин работает так же усердно, как в остальное время года. Разница в том, что он выходит на работы только после заутренней и немедленно прекращают всякую работу при первом же звоне к вечерней Великий пост в глазах крестьянина – время для искупления грехов: он усердно ходит в церковь и готовится к причастию.

Но религиозные обязанности не отрывают его от работ; труд, по мировоззрению народа, служит средством для «укрощения плоти». В Великий пост крестьянин работает так же усердно, как в остальное время года. Разница в том, что он выходит на работы только после заутренней и немедленно прекращают всякую работу при первом же звоне к вечерней. Воскресные и остальные праздничные дни крестьянин соблюдает очень строго. Есть только один праздничный день, который крестьянин не соблюдает, это – великая страстная пятница. В этот день все выходят на работы, охотно производят земляные работы: народ, роя землю, убежден в том, что при этом он «ковыряет и выкалывает» глаза Иуды-предателя.

Воскресные и остальные праздничные дни крестьянин соблюдает очень строго. Есть только один праздничный день, который крестьянин не соблюдает, это – великая страстная пятница. В этот день все выходят на работы, охотно производят земляные работы: народ, роя землю, убежден в том, что при этом он «ковыряет и выкалывает» глаза Иуды-предателя.[18].

Армянские храмы и церкви имеют определенные особенности. Храм для армян - это место, где их всегда рады видеть, где им всегда предоставят место для общения со своими земляками, сверстниками. Особенно много здесь собирается молодежи. Армянскую церковь от исконно православной отличают открытость. Еще она отличается своим аскетизмом.

В Армянской церкви не принято литургическое поклонение иконам, поэтому обычно считается, что она не имеет и богословия образа. В действительности наивысшим символом в армянской духовности является крест, доказательством чему служит тот факт, что крест называют не только словом *хач*, но и *нишан*, то есть «знак». [19] Хачкар является предметом и духовности и культуры. На нем нет распятия Христа. Единородный воскрес с креста. И после этого деревянный крест расцвел. Он «ожил». (см. рис. 1).

Хачкары (крест-камни: «хач» - крест и «кар» - камень) - самые распространенные мемориальные памятники Армении и армянских колоний, не имеющие в мировом искусстве аналогов. Хачкары создавались по различным случаям: в честь побед, сооружения храмов, мостов, крепостей, но основное их предназначение – надгробные камни. Хачкары ставились на пьедесталы и лицевой стороной обращали на запад. Хачкары являются памятниками армянской средневековой и позднесредневековой культуры и, тем не менее, по

сегодняшний день в связи с памяtnыми датами они ставятся (например, летом 2008 года при освящении монастыря Сурб-Хач Католикосом всех армян Гарегином II в связи с 650-летием у входа в монастырский комплекс было поставлено 7 хачкаров (по числу букв в слове Сурб Хач). Еще один хачкар был установлен у входа в монастырь, на нем были высечены имена всех тех, кто вложил значительный вклад в дело реставрации монастыря.

Генетически хачкары восходят к крестам-монументам, сначала деревянным, а затем каменным, которые уже в IV в. (как об этом сообщают армянские историки) водружались на столбах или колоннах на месте разрушенных древних языческих святилищ в знак победы христианства. С IX в. отдельные хачкары датируются и снабжаются памяtnыми надписями. Плита хачкара ставится вертикально, обычно в изножье могилы, но не в качестве надгробья, которое помещается отдельно, а как "каменная молитва", опора для души усопшего, символический канал связи неба и земли. Хачкары также устанавливались на перекрестке дорог, на тропе к монастырю, на вершине горы вместо часовни, как знак окончания строительства храма или моста, как память о щедром жертвователе для нужд церкви, и в других случаях. Хачкар обычно ориентирован на запад, так что предстоящий ему человек обращается лицом на восток.

В армянском церковном искусстве нет никакой пышности, никаких излишеств, никакой роскоши - только простота и строгость храма.

Епископы и католикос Армянской Церкви заботились не только о духовном попечительстве паствы, но и выполняли социальную роль в обществе. Епископам диаспоры обычно поручалось руководство армянскими школами, библиотеками и так далее.

Это оправдывает огромный авторитет епископов в Армянской церкви.

В армянской, как и во всех восточных Церквях, есть архиепископы и епископы, но нет митрополитов. Верховным же Патриархом всех армян всегда считался и был тот архиепископ, который возглавляет кафедру в Эчмиадзине - первом армянском храме. Именно здесь приняли святое крещение армяне. В силу того, что в Армянской Церкви несколько патриархов, возникла необходимость главного из них назвать Католикосом, что в переводе означает Вселенский Патриарх.

Можно обоснованно утверждать, что духовность армянского народа «прорастает» из глубины столетий. Армянская церковь для армян всегда была и остается консолидирующим фактором, способствующим духовному и культурному единению.

Вглядываясь в исторические судьбы армянского народа, мы видим в них ответ на вопрос: возможно ли примирение универсальности со своеобразием? Да, возможно, подтверждает опыт миллионов армян, живущих за географическими пределами своей Родины. Они доказывают, что можно сохранять самобытность и органически, дружелюбно — как часть в целое — входить в общество самых различных стран. Тому, что уже умеют армяне, предстоит научиться многим народам, если они хотят объединиться и сблизиться, — таков вывод Ким Бакши в предисловии к книге Дж. Гуайта «1700 лет верности» .

Одна из черт, свойственных армянам как народу, на первый взгляд противоречива. Верные своей культуре и религии своих отцов, армяне всегда проявляли гибкость и удивительное умение приспосабливаться к самым различным обстоятельствам — и к господству иноземных завоевателей в прошлом, и к жизни в различных современных государствах.. Когда же враги подвергали опасности национальные традиции — вторгались на их территорию, навязывали им свою культуру и язык или посягали на их христианскую веру — армяне защищались доблестно и упорно, часто даже не имея никакой надежды на победу.

Католикос Гарегин I, беседуя с Дж. Гуайта, на вопрос – как армяне, рассеянные по всему миру, сохраняют самоидентичность, ответил: «Благодаря Богу и усилиям армянских лидеров, на протяжении всей истории армяне смогли сохранить самоидентичность, не будучи чужими тем людям, среди которых они жили. Армянская диаспора, на мой взгляд, обладает опытом жизни национального меньшинства, Мы можем свободно изучать наш язык, нашу историю, исповедовать христианскую веру и, в то же время, быть вовлеченными в общественную жизнь страны, в которой живем»[20].

Такое равновесие между верностью своему культурному наследию (своей истории, религии, языку, традициям) и открытостью по отношению к другим означает примирение универсальности со своеобразием. Именно в этом смысле следует понимать «всегда неразделимый для армян бином Церкви и нации».

Во все времена армянская церковь играла важную роль в развитии и совершенствовании общинной жизни поколений, укреплении национального равнодостоинства, сохранении языка, речи и культуры. Армянская церковь, тесно слившись с историческими судьбами народа, сделалась более национальной, чем всякая иная церковь. Для всякого армянина перейти в другое христианское вероисповедание значило и значит порвать связь с многовековой духовной жизнью своего народа.

Примечания.

- 1.Кёппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, С.117, 134-135.
2. Финогеев Б.Л. Крымские татары, немцы, греки, армяне, болгары: Национальное мастерство и её влияние на экономическое развитие Крыма.- Симферополь,1997.208 с.
- 3.Гуайта Джованни. 1700 лет верности. История Армении и ее церкви. FАM. М., 2002. С.3-9, 357-377
- 4.Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по ХУШ века. Ереван. «Лингва», 2006. С.5-10.
- 5.Там же. С.11.
6. Армяне: Краткий очерк их истории и современного положения /Нейман Магда. С.-Пб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1899. 304 с.
7. Микаелян В.А. История крымских армян.— Киев, 2004. 224 с.
8. Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по ХУШ века. Ереван. «Лингва», 2006. С.15.
- 9.Кулаковский Ю. Новые данные для истории Старого Крыма. Записки императорского
- 10.Русского археологического общества, т. X, М., 1898. С. 9-11.
- Аргутинский-Долгорукий И. Таинство крещения армянской церкви. СПб., 1799. 129с
- 11.Крым. Соцветие национальных культур. Традиции, обычаи, праздники, обряды. /Сост. Н.В.Мальшева, Н.Н. Волощук. Симферополь, 2003. 392 с.
- 12.Битов А. Путешественник: Дубль(Уроки Армении). М.: Фортуна Лимитед, 2004. 240 с.
- 13.Дортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарию // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. 14. С. 89-180.
- 14.Домбровский О.И., Сидоренко В.А. Солхат и Сурб-Хач. (Археологические памятники Крыма).- Симферополь,1978.128 с..
- 15.Саргсян Т.Э. Из истории Армянской Церкви в Крыму (по памятным записям Х1У-ХУвв. // Историческое наследие Крыма.- Симферополь №18, 2007. С.15-32.
16. Саргсян Т.Э. Из истории Армянской Церкви в Крыму (по памятным записям Х1У-ХУвв. // Историческое наследие Крыма.- Симферополь №18, 2007. С.15-32.
17. Крым. Соцветие национальных культур. Традиции, обычаи, праздники, обряды. /Сост. Н.В.Мальшева, Н.Н. Волощук. Симферополь, 2003. 392 с.
- 18.Егиазаров С.А. Черты быта армянских крестьян /Сборник. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898. С.247-253.
- 19.Краткий учебник богослужения Армянской церкви (на арм. яз.). Тифлис.1895. 130с.
- 20.Гуайта Джованни. Жизнь человека: встреча неба и земли (беседы с Католикосом Всех Армян Гарегиним Первым)./Пер. с итал. М. Свешник. М. FАM. 1999. 157с.

ПОДВИЖНИЧЕСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Миронов А.В.

Севастопольский национальный технический университет

Формирование национальной доктрины лежит в основе создания идеологии, понятной большинству населения, независимо от индивидуальных особенностей существования. Скрепляющим фактором становится объединение не только по принципам общей территории, веры, обычаев, этнической общности, но и общей идеологии, содержащей жизненно важные компоненты духовного бытия. Новые перспективы развития в XXI веке для Российского государства диктуют необходимость создания фундаментальных основ взаимосуществования, выживаемости этносов перед лицом жестких проблем: демографический кризис, обострение геополитических противоречий, массовая миграция населения сопредельных государств. Социальное согласие, религиозная и национальная терпимость, согласование интересов личности и системы, взаимодействие с властью, общественный идеал рассматриваются как актуальные вопросы деятельности гражданина. Противоречия, порожденные переломом 90-х годов, приняли иные очертания, но степень силы противостояния только возросла. Копирование западных образцов оказалось несостоятельным, идея «общечеловеческих ценностей» как манифест адаптации в буржуазное пространство канул в прошлое на фоне международных конфликтов и войн. Перманентное обострение отношений с Евросоюзом и НАТО подтверждает принцип о самостоятельном выборе Россией своего вектора развития истории, неслучайно появление таких понятий как «суверенная демократия», «расширенное сотрудничество», «титовская нация», «европейский выбор». Позиция зависит от политической принадлежности, обладания собственностью, источников дохода.

Особым аспектом национальной доктрины выступает мотивация участия в государственной деятельности. Мировая цивилизация имеет сжатый набор вариантов: долг как выполнение устоявшейся традиции, материальное вознаграждение, социальный престиж, освященное религиозное указание, идентификация с собственной безопасностью и выживаемостью, личное тщеславие и честолюбие. Выделение приоритета из перечисленного во многом становится импульсом развития данного общества, формирует гражданские ценности, поведенческие установки, повседневную мораль.

Русская история имеет феномен, который не имеет широкого распространения в Западной Европе – подвижничество. В России оно сыграло важнейшую роль в становлении государственности и духовности. По своим характеристикам существенно отличается от приведенных выше мотивов. Можно выделить религиозное, научное, социальное подвижничество. Научное выступает как универсальное, без признания границ и национальностей. Известны случаи прививания врачами болезнетворных штаммов инфекционных болезней, испытания на себе новых медикаментозных препаратов, взаимодействие с радиоактивным излучением. Целью является обретение объективных результатов, способных помочь избавиться от болезней, добиться использования научных исследований во благо человечества. Миссия А. Швейцера, отправившегося в необжитый район Африки, построившего больницу для туземного населения и работавшего там на протяжении десятков лет, пренебрегая комфортом и благополучием, получила всемирное признание и Нобелевскую премию мира в 1952 году. Таких примеров служения в истории не так уж много.

Христианское подвижничество появляется уже в III-IV веках н.э. и связано с широким распространением религиозных представлений, свойственных данной конфессии. Вплоть до раскола XI века и оформления самостоятельных церквей – католической и православной, оно было всеобщим примером духовной жизни для всех христиан. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова предлагает такое истолкование данного понятия: «Подвижник – человек, героически принявший на себя тяжелый труд и лишения, муки ради достижения высокой цели», а «подвижничество – самоотверженная деятельность, свойственная подвижнику». Таким образом, наряду с милосердием и прогрессом стимулом деятельности может служить не только благо всех, но и интересы конкретного народа и государства. Проанализировав

истоки христианской концепции подвижничества, можно выявить специфику социального рода и ее трансформацию в пределах Российской империи.

«Известно, что еще в III веке явились в христианской церкви подвижники-отшельники, люди, которые угождали богу и достигали нравственного усовершенствования необыкновенными подвигами христианского самоотвержения, отрешившись от всего земного, вдали от людей, в самом строгом уединении и безмолвии» [1]. Борьба с телесной природой человека во имя Высшего становится для них каждодневным испытанием. Звери не выдерживали жестоких условий местности, где жаждущие духовной истины выбирали свои жилища. Отказавшись от плотской жизни, комфорта, благополучия, общения с другими, веселья и праздников, выбрав непрекращающийся пост, безмолвие, нищету, постоянную молитву – они твердо определились в решении дилеммы души и тела. Первое – путь к духовному совершенству, второе – тяжкий груз, оковы, не пускающие человека к Богу. Мирское разумение, воздаваемые почести, месть, преклонение – ничто перед тем, что открывает ищущему другую правду, не совпадающую с правилами социального мира. Богатство и бедность, добродетель и порок – противоречия, решаемые в зависимости от выбора цели жизни. Сиюминутное проигрывает перед вечным. Не нуждаясь в известности, не афишируя свои подвиги, они достойно несли бремя испытаний и лишений. Путь смирения перед братией (если дело происходило в монастыре) или перед странниками, пришедшими увидеть спасающегося, представляет собой уничижение, собственное несовершенство, чувство вины перед Создателем. Стезя вопреки голосу природы доказывала возможности победы духа, способность личности возобладать над естественными проявлениями, но условием становится служение Высшему. Обычный человек получал пример подражания, образец поведения. Не веря в свои силы, осознавая слабости и безволие, каждый знал, что преодолеть телесное возможно, потому что есть Великие подвижники, которые радеют не только о себе, а и обо всех грешных, не нашедших в себе твердости встать на этот путь. Укрепление одной отдельно взятой личности служит целому обществу. Преподобный Авва Дорофей говорит, что люди по мере их приближения к единому центру их духовной жизни – Богу и сами становятся ближе друг к другу и, напротив, по мере удаления от Него удаляются друг от друга» [2]. Разлад, пропасть между людьми есть следствие их эгоистических стремлений, желания первенствовать, властвовать над другими, соперничество за обладание внешними атрибутами бытия. Помощь ближнему, бескорыстие, жертвенность становятся объединяющим началом. Смысл христианского подвига заложен не в себе самом, а в действии во благо окружающих. В богословской литературе начала XX века (В.А. Кожевников «О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем» и др.) подчеркивается отождествление подвижника с монахом и аскетом, они не принимают нравственной атмосферы жизни, ее требований и установок, заменяя их на христианские добродетели – милосердие, сострадание, терпеливость, служение, Отдавая свои силы Богу, подвижник своими советами и наставлениями выполняет пастырский долг. Прозрев сам, он должен помочь нуждающимся. Отмечу, протестантизм считает аскетизм искажением первохристианской церкви, не признает монашества. Его направленность отвечает идее личного преуспеяния, достижению материального благополучия. Эгоистическое начало – составная социального успеха: если его подавить, то нарушается стимулирование трудовой деятельности. Принцип «Бог помогает тому, кто сам себе помогает» минимизирует солидарность, взаимопомощь, бесребреничество.

Начиная с XI века, на Руси входит в обиход чтение «Четьи-Минеи», в котором, согласно календарю, рассказывается о жизни русских святых, их биографии, пути к Богу, искушениях и препятствиях, преследующих праведников, их поучения, обращенные к жаждущим света. Текст обновлялся по мере канонизации церковью новых святых, отмеченных праведной жизнью, христианскими подвигами, особым смирением перед злом, деяния во благо всех христиан. Среди почитаемых монахов, священников есть имена русских государственных деятелей: святого мученика Михаила, князя Черниговского, боярина его Федора, от нечестивого Батгья пострадавших; святого благоверного князя Александра Невского, преподобного благоверного князя Даниила Московского. Пострадавших за веру православленную, служивших не славы ради, а отстаивавших интересы народа, вверенного их вла-

сти. Эта тенденция уже отличает контекст подвижничества, складывающийся после раскола 1054 года на католическую и православную церковь. Кроме отшельников, постников, великих пустынников и молчальников в орбиту поклонения и почитания входят лица, жизнь которых была посвящена государственной деятельности. Обычные христианские добродетели дополняются социально значимыми: справедливость, патриотизм, законность, благотворительность, воинская доблесть. Новый формат служения Богу реализуется не только через аскетизм, т.е. личное самоограничение, а и через жертвенность за веру перед лицом врага, бессеребреничество, милость к подданным. Воспринимая другого как члена своего сообщества, связанного узами общей религии, обычаями территории и страдая за него, сражаясь, совершенствуясь в добродетелях, человек воспринимает свои поступки как необходимые для других, понимая трудности этого пути. Соппротивление тевтонским рыцарям, монголо-татарскому язычеству – это борьба не только за свободу и независимость Родины, но и за свое право на веру предков. Данная тенденция становится неотъемлемой частью русской истории. Неразрывность понятий определяет духовную атмосферу того времени. Дух побеждает плоть, вера – честолюбие и тщеславие, измена национальным интересам отождествляется с грехом перед Богом. Ответственность перед народом, избравшим тебя (как в случае с князем А. Невским) требует отречения от эгоистических помыслов, вдохновляет на борьбу. Пример непокорности перед внешней силой, способность принять муку за людей одной веры становится еще одной гранью русского православия в отличие от принципов католической церкви, которая замыкает подвижничество в строгие границы церковной жизни.

В житиях описывается историческая ситуация, приводятся наставления, поучительные примеры, содержание текстов изобилует пояснениями не только церковного характера, но и моральными иллюстрациями. Не только мечом, но твердостью веры запомнились святой мученик князь Михаил Черниговский и боярин его Феодор. В отличие от многих русских князей, согласившихся поклониться идолам в обмен на власть, дарованную Ордой, решили принять страдания, не отступаясь от Иисуса Христа. «Я не боюсь той смерти, чрез которую могу удостоиться вечного пребывания с Богом. И для чего нам многое говорить? Я – христианин, исповедую Творца неба и земли, твердо в Него верую и с радостью умру за него» [3]. На другие качества обращает внимание повествование о Святом благоверном князе Александре Невском. Твердость, воля, терпимость, осмотрительность помогают ему решать государственные задачи; милосердие, сострадание, смирение отличают его как сына церкви. Духовная стойкость становится источником патриотизма, прощая былые обиды, не желая славы, осуществляет он ратные победы. «Сам Бог рассудил вековой спор, оградил наше Отечество от козней латинян, указал предел распространения немецкого владычества, мощною рукою своего угодника, благоверного князя Александра, грозно предостерег не вторгаться в чужие пределы и не посягать на русскую святыню – православную веру. Великую услугу оказал святой Руси ее защитник благоверный, «непобедимый», как называли его современники, князь Александр Ярославич, и никогда святая Русь не забывала и не забудет этого великого земного подвига его» [4]. Независимо от социального статуса, человек выбирает свои способности и возможности, чтобы послужить соплеменникам, не соотносясь с личной пользой. Подвижничество – не яркое мгновение, не озарение, а достойная нравственная жизнь в большом и в малом, выявляющая существенные моменты личного бытия. Оценка соотношения земных благ и вечных, земной славы и небесной происходит в ином мироощущении. Избранничество накладывает новые испытания, поднимает вопрос о предназначении. Человек берет груз непомерный для житейского измерения, подвижник – доброволец, сражающийся с темной силой, неважно, какую форму она принимает. Сила убеждения оказывается в некоторых случаях более сильным оружием, чем дружина. Преподобный и благоверный князь Даниил Московский прославился миротворчеством, несмотря на обиды родных и близких, наговоры, брань со стороны других князей, отстаивал правду, прекращал вражду, разрешал ссоры, проявил милосердие к пленникам и побежденным. Целью своей считал мир подданных и покушался на чужие земли, воспользовавшись слабостью соседа. Приведенные выше примеры позволяют судить о жертвенности людей, облаченных властью. «Четы-Минеи» приводят десятки поучительных историй о подвижниках русского православия.

Имя святого преподобного и богоносного Сергия Радонежского, игумена Печерского, выделяется не только в агиографической литературе, но и в большинстве изданий, посвященных русской истории. Его подвиг отшельника, подвижника, чудотворца ассоциируется с деятельностью во благо народа, национального спокойствия, борьбой за независимость. В XIV веке татары покровительствовали церкви и священнослужителям: не обременяли данью, не забирали в рабство (полон), не разоряли хозяйства. Церковный сан позволял вести жизнь безопасную, достаточно обеспеченную и спокойную по тем временам. Выбор остается: где служить богу – в городе, селе, под покровительством князя, боярина или искать путь тяжелый, полный испытаний, угроз, лишений. Св. Сергий Радонежский останавливается на втором. В чащобе строит деревянную часовню, где в одиночестве (брат Стефан, не выдержав трудностей, покинул его) возносит молитвы. Постепенно вокруг него собирается братия, строится церковь, возникает монастырь. Подвижник никому не отказывает в помощи. Монастырь на Руси – центр духовной жизни, культуры, просвещения, защиты от врагов, оплот веры. Их строительство инициирует хозяйственную деятельность, помогает осваивать дикие, пустынные места. За подвижниками следуют крестьяне, ремесленный люд, спасаясь от непосильных налогов, разорения внешними и внутренними врагами. Границы государства расширяются, прирастает его богатство. «...Многие из основателей (монастырей – А.М.) приобрели по смерти повсеместное уважение, толпы народы стекались к их мощам. И это, в известной степени, способствовало сплочению нравственных сил народа, что в особенности сказывалось там, где святые чествовались не местно, а всею Русью» [5]. Только личное благочестие вызывает всеобщее уважение. К св. Сергию Радонежскому обращаются за помощью в разрешении споров – политических, экономических, нравственных. Доверяют бескорыстию, мудрости, справедливости, удаленности от суетных желаний. Подвижник не чуждается никакой деятельности, не выделяет страждущих по социальному происхождению. И еще очень важная черта, которая со временем будет отделять истинное служение от проявлений славолубия – отказ от властных полномочий. Не устраняясь от общественных проблем, отказывается от предлагаемой ему митрополии, осознавая те соблазны и искушения, которые предоставляет близость к власти. Поддержка борьбы за свободу Руси, благословение кн. Дмитрия Донского перед Куликовской битвой и отправка с войском иноков Пересвета и Осляби – все это демонстрирует патриотизм, рвение за правду, понимание земных сложностей, стоящих перед государством. Служение религиозное объединяется со служением общественным – ни конкретному лицу, ни группе, а всему миру. В русскую историю св. Сергий Радонежский входит как «покровитель, заступник и охранитель государства и церкви. Во исполнение своего пастырского долга он обращается с беседами и наставлениями к властям предрержащим. Безукоризненный авторитет позволяет удерживать от кровопролития, братской ненависти, возможных несправедливостей. Сила воздействия такова, что заключенное между кн. Дмитрием Московским и Олегом Рязанским перемирие остается нерушимым, несмотря на прошлые взаимные обиды. Подвижничество в кризисные моменты истории становится объединительной силой, способной, благодаря нравственному величию, искренности, духовному мужеству, стать примером для многих тысяч соотечественников.

Во времена церковной реформы Петра I смысл подвижничества меняется. Так как государство берет под свой контроль церковь, то интересы первого превалируют, задавая направленность развития второй. Светская власть диктует в лице назначенного императором обер-прокурора приоритетные положения. Во многом из служения оформляется казенная служба. Подвижничество остается в чести у народных масс. Из их среды выступают яркие образцы особой жизни, где верховенство духовных принципов остается неизменным. Примеры героизма и жертвенности в основном представляются сражениями, военными походами, осадой крепостей. Мотивом доблестных действий утверждается в Отечестве Вера. Большинство войн, которые вела Россия в XVIII – начале XIX веках, носили межконфессиональный характер, поэтому вопросы церковные ставились наряду с экономическими и политическими. Национальная свобода отождествляется с правом на собственное исповедание. Выполнение своих гражданских обязанностей становится доминирующим, а христианская мораль должна воспитывать и укреплять человека в выполнении своего долга. Во-

влеченность все большего числа населения в социальные процессы открывали возможности и собственной реализации в светском пространстве, не исключая религиозного подвига (XVIII – Св. Серафим Саровский, XIX – Св. Иоанн Кронштадский и др.). «... Наглядным свидетельством обилия святости на Руси, дававшим ей дерзновение величать себя «Святою Русью», было широкое разлитие по лицу земли русского монашества и монастырей. Секуляризационное давление императорских правительств только на опыте проверило необыкновенную живучесть русского монашества и даже повело к новому его расцвету» [6]. Меняются формы служения: активное миссионерство не только в пределах империи, но и в Японии, Северной Америке, Китае, устройство богаделен при монастырях и помощь нуждающимся в ней, участие в военных номинациях – доля все лишения и опасности с простыми солдатами.

Вторая половина XIX века ознаменовалась в России отменой крепостного права, реформами Александра II, экономическим ростом, утверждением буржуазных отношений. К официальной доктрине «самодержавие, православие, народность» добавляются новые общественные идеологии, связанные с развитием революционного движения. Служение государству в интеллигентной среде объявляется постыдным и позорным заискиванием перед несправедливой властью, независимо от поставленных целей. Объявленные свободы создают условия для формирования земских учреждений. Сельские школы, больницы, органы опеки и благотворительности должны помочь крестьянской массе, составляющей подавляющее большинство населения. Просвещение народа, забота о его здоровье объявляется полем приложения всех сил молодого поколения. Человек, воспитанный в гимназии и университете, обладающий культурными навыками, пользующийся наследством и благополучием, должен вернуть долг тем, благодаря кому его жизнь была лишена страданий, нужды, беспросветности. Таким образом, провозглашается объект поклонения и жертвенности. Личные привычки и привязанности, культурная роскошь, желания должны быть отринуты, чтобы служить страждущим и убогим. Вынужденный аскетизм – составляющая этого процесса. Тысячи недоучившихся студентов, семинаристов, выпускниц Смольного института, порвав с семьей, отправляются в деревню сеять «разумное, доброе, вечное», объяснять, учить, проповедовать. Атеистическое мироощущение переворачивает систему ценностей: в человеке из народа видят не «образы и подобие Божие», а бесправное существо, нуждающееся в поучении, грамоте, обязательном прививании. Милосердие заменяется революционными преобразованиями. В христианском подвижничестве изменяется смысловая установка. Раньше - через служение людям служение Богу. Теперь общественная польза самопожертвования видится в совершенствовании социального устройства или его изменения. Работа в губерниях, охваченных эпидемиями, голодом, стихийными бедствиями создавала образ подвижника-гуманиста, не чиновника, а подлинного интеллигента, не пожалевшего своей карьеры, чуждого стяжательству и приспособленчеству. Русская литература, как рупор истины и правды, впечатляла читателей яркими картинами социального подвижничества. «Мечтая об уездном городе – он находился в сорока верстах от меня. Мне очень хотелось убежать с моего пункта туда. Там было электричество, четыре врача, с ними можно было посоветоваться, во всяком случае не так страшно. Но убежать не было никакой возможности, да временами я и сам понимал, что это малодушие. Ведь именно для этого я учился на медицинском факультете...» [7] Или: «... Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки. Правда, мы не спасаем человечества и, быть может, во многом ошибаемся, но мы делаем то, что можем, и мы – правы. Самая высокая и святая задача культурного человека – это служить ближним, и мы пытаемся служить как умеем». [8]. Личный интерес отдается во власть общественному. Радость конкретного человека есть слабость, уступка мещанству. Только в большом можно найти подлинное духовное удовлетворение. Обязанность русской интеллигенции через забвение всего индивидуального слиться с народом и принести ему пользу. Высоко оцениваемыми добродетелями считались: отказ от личной жизни, тяжелый физический труд, способность к самопожертвованию, опрощение, нравственное самосовершенствование. Высшей формой подвига объявляются тюрьма, ссылка, каторга, эшафот. Отдать жизнь за народ – высшая форма жертвенности.

Эволюционные перемены считались слишком медленными. Самодержавие воспринималось как главный тормоз общественного развития, несправедливая система, причина всеобщих бедствий. Устрашение его защитников и харизматического носителя монархической власти виделось как разрешение социального конфликта, расчищение пути к светлому будущему, в котором воссияет счастье, радость, просвещение, духовное обновление, будет забыта нищета, бесправие, невежество. Участие в терроре – высшая ступень революционного подвижничества. Расплата собственной жизнью за достойное существование миллионов, породила исключительное восхищение и преклонение перед ними... «Святой народного дела», «Святой революции» - понятия, вошедшие в лексический обиход, христианская чистота жизни объединялись с убийством, экспроприациями, жестокостью и кровопролитием. Участие в терроре – награда, признание заслуг и нравственной зрелости (с точки зрения революционной морали). Аскетизм, скромность, добровольная бедность – качества, необходимые борцу, со временем они усложняются – отказ от семьи, любовных привязанностей, физические страдания (Рахметов в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?») закаляет волю самоистязанием). Добродетели оцениваются целью, поставленной революционным обществом. «Катехизис революционера» С. Нечаева отсекает все большие и малые слабости, свойственные человеку. Служение свободе отрицает сложившийся в обществе порядок: церковь, государство, институты собственности и брака. Почитание человечества должно заменить все устаревшие понятия. Абсолютный характер требований вытесняет конкретную личность. Жизнь подменяется абстрактной схемой, отступление от нее объявляется предательством, изменой и достойно презрения. Если христианское подвижничество избегает любого резонанса, афиширования, разговоров, предпочитая тишину, неузнанность, то новый формат подвижничества тиражирует легенды революционного подвига, мужества, требует прижизненного поклонения и почитания. Бог заменяется партией, которая направляет и руководит, которая знает, что нужно народу, а что не нужно, как ему жить, от чего отказываться. Послушание партийной дисциплине, выполнение решений комитетов – условие осуществления великой цели. Личное понимание действия, усилие перестают играть свою роль. Подчинение не высшему, а земному преобладает и, следовательно, не застраховано от ошибок и заблуждений. Революционное подвижничество нуждается в партийной санкции. «Он не раз слышал, что только социалисты – честные люди, и что уважающий себя человек в России не может не быть революционером. И, не зная ни партии, ни социализма, ни революции, не отдавая себя отчета, что такое террор, и даже не задумываясь над этим, он вдохновенно, по-юношески решил, что обязан служить народу. И когда он это решил, незнакомая и далекая партия стала близкой, родной и любимой».[9] Передача собственного права на служение официальной инстанции умаляет инициативу, ответственность, рвение, лишает человека возможности проявления личностного, а не того, что от него ожидают. Отказ от сотрудничества с государством, неприятие патриотизма, национальных интересов сужает поле деятельности, делает нуждающихся в помощи заложниками политической борьбы. ореол революционных мучеников создавал почву для мстительности, антагонизма, конфронтации, погребая идею служению другим под ворохом меняющихся лозунгов.

В своей статье «Героизм и подвижничество» С.Н. Булгаков отметил разрыв с традицией христианского понимания подвига у русской интеллигенции. Непроходимая пропасть между классами генерировала ненависть, а помощь становилась возможной в том случае, если социальная группа вела себя в соответствии с политическим учением. Революционный путь порождал ощущение исключительности: если человек готов пожертвовать собой во имя высших идеалов, оценка его поступков должна проходить по иной шкале морали. Проявляющееся высокомерие, снисходительность входят в противоречие с делом служения, в нем чувствуется подтекст тщеславия и честолюбия. «Упорный, дисциплинированный труд», который приносит реальные результаты и пользу многим не в чести. «Стремление к спасению человечества» выталкивает нуждающихся за пределы революционного сознания. Кропотливая работа врача, учителя, инженера не привлекает, в ней нет пафоса, она воспринимается как рутинная, повседневная, а, следовательно, лишена возвышенного. М.А. Булгаков подчеркивает, что православную веру заменяет «религия человекобожества», только в

земном измерении. Духовное начало – милосердие, сострадание, терпимость к отдельному человеку отрицается, спасение всех по своему разумению, не интересуясь желанием и согласием спасаемых – путь нового покаяния общественного служения в России. «Если для героизма характерны вспышки, искание великих деяний, то здесь (в христианском подвижничестве – А.М.), напротив, нормой, скорее, является ровность течения, «мерность», выдержка, неослабная самодисциплина, терпение, выносливость. Верное исполнение своего долга, несение каждым своего креста, отвержение себя с предоставлением всего остального Промыслу – вот черты истинного подвижничества» [10].

Советский период истории России утвердил приоритет революционного подвижничества. Великие стройки первых пятилеток, промышленная индустриализация, коллективизация проходили под лозунгом отказа от личного блага во имя мировой революции, потом социализма и коммунизма. Общественные интересы провозглашаются выше личных, государственная необходимость превалирует над потребностями личности. Отказ от комфорта и благополучия в обмен на участие во всемирном процессе переустройства – вот принципы советской идеологии. Человек должен служить государству, отрешаясь от счастья и личных желаний. Борьба с мещанством, абстрактным гуманизмом, издержками религиозной морали должна была выковать новый тип человека, принимающего социальный прогресс за единственно верный. Лишения и трудности объявлялись естественными трудностями, их преодоление – критерием политической зрелости. Движение «стахановцев» и другие формы пропаганды за повышение производительности труда строились по принципу энтузиазма, во многом не подкрепленного материальными стимулами. Жизнь конкретного человека обесценивалась, приносилась в жертву идеологической системе. Двойные стандарты официальной элиты (призывы к другим и собственное благополучие) со временем девальвируют принцип служения, оставляя в нем выхоленную оболочку, растворяя содержание. Апатия, неверие в действенность и необходимость жертвенности подрывают не только государственную систему, но вытесняют солидарность, взаимопомощь, сочувствие, поддержку.

Глобальные перемены начала 90-х годов, изменившие экономическую, политическую и идеологическую компоненту Российского государства, не вернули принцип подвижничества, сложившийся до 1917 года, несмотря на провозглашенную преемственность с русской историей. Западные стандарты заменяют его благотворительностью, социальными гарантиями, общественной ответственностью. Личностное начало служения отождествляется с высокими зарплатами, материальными возможностями. Средства массовой информации делают упор исключительно на профессионализм, стимулирование труда, товарно-денежные отношения. Но традиция бескорыстного служения во имя Отечества, выполнение долга согласуются не столько с денежными эквивалентами, сколько с осознанием себя частью народа, нуждающегося в знаниях, принципиальности. Объединение национальных интересов с религиозной нравственностью становится необходимостью исторического этапа возрождения России. Опыт прошлого подсказывает уже апробированные формы, нуждающиеся, на взгляд автора статьи, в популяризации, прославлении, утверждении в качестве национальной идеи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подвижники благочестия Синайской горы / Подвижники... М., 1994. С. 7.
2. Архиепископ Феодор. Смысл христианского подвига / Феодор Архиепископ. Сергиев Посад, 1911. С. 44.
3. Четьи-Минеи. Святые русского православия / Четьи-Минеи. М., 2004. С. 257.
4. Там же. С. 284.
5. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1 / Н.И. Костомаров. М., 2005. С. 117.
6. Карташев А.В. История русской церкви в двух томах. Том 2 / А.В. Карташев. М., 2000. С. 452.
7. Булгаков М.А. Избранные произведения в двух томах. Том 1 / М.А. Булгаков. М., 1991. С. 16.
8. Чехов А.П. Избранные произведения. Т. 2 / А.П. Чехов. М., 1962. С. 518.
9. Ропшин В. (Савинков Б.). То, чего не было / В. Ропшин. (Б. Савинков). М., 1992. С. 53.
10. Булгаков М.А. Указ. соч. С. 151.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОСНОВЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

Сайгушкина Т.П.

Севастопольский филиал Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов

Во всем мире понятие «интеллигенция» значит «Человек умственного труда». И только в русском языке и русской культуре в нем присутствует оттенок альтруизма, совестливости.

В подтверждение можно привести авторитетнейшее мнение философа, культуролога М.С. Кагана: «...слово «интеллигенция» вошло в культурологический обиход в России .... не как социологическое, а культурологическое понятие, характеризующее особый, национально своеобразный тип духовности, в котором образование, а нередко и самообразование, является только *условием интеллигентности*, необходимым, но далеко не достаточным. Само слово “интеллигенция”, произведенное от латинского *intelligentia* – “интеллект, ум” – приобрело у нас совершенно иной смысл. “Русская интеллигенция,- справедливо отмечал Н.А. Бердяев,- есть совсем особое, лишь в России существующее, духовно-социальное образование” [1].

Цель нашего исследования – найти истоки этой особенности.

Для начала определимся, кого мы можем назвать интеллигентным человеком. Безусловно, воспитанного, часто высокообразованного, но главное – порядочного. Что понимаем мы под порядочностью? По сути, выполнение десяти заповедей – не убий, не укради, не пожелай другому того, чего себе не желаешь. Но и это еще не все. Выше нами был определены и еще два важных признака, отличающих интеллигентного человека: совестливость и альтруизм.

М.С. Каган вывел три типа русского интеллигента:

1. Дворянский интеллигент.
2. Интеллигент-разночинец.
3. Пролетарская интеллигенция [2].

Примером первого типа, безусловно, являются декабристы. Примером второго - те русские люди, которые, отказавшись от привычных условий жизни, «пошли в народ», чтобы научить его грамоте или лечить. Примером третьего служат прежде всего пролетарии Ленинграда, не только всю жизнь стремившиеся к знаниям, посещавшие лектории Эрмитажа, Русского музея, филармонические концерты, но и готовые пожертвовать для этого многим, что особенно проявилось в годы блокады, когда часть культурных ценностей города на Неве была спасена именно благодаря жертвенности новой, советской интеллигенции.

Эти границы со временем делаются все более условными. «В народ» ходили и представители дворянского класса, а пролетарская интеллигенция включает в себя не только рабочих.

Как аксиому можно привести в пример личности А.П. Чехова и Д.С. Лихачева, являющимися, на наш взгляд, Интеллигентами с большой буквы.

Что сформировало этих людей, их систему ценностей, которая, даже подвергнувшись суровым испытаниям, не изменилась?

«...Велика роль ценностных форм сознания: философии, искусства, нравственности. И – религии». [3].

Выскажем предположение, что именно православная религия сделала отечественное понятие “Интеллигенция” особенным настолько, что даже, например, Макс Вебер называл русскую интеллигенцию «последним великим интеллектуальным движением, не единым, но определенно несущим общую веру и в этом смысле принявшем вид религии». [4]

Все знают, что такое экономия – чем больше отдал, тем меньше у тебя осталось. В восточно-христианском богословии существует понятие *икономия*, суть которого не про-

сто в справедливом, совестливом, но и сострадательном ведении дома и хозяйства: чем больше отдал, тем больше осталось. Это кажется парадоксальным, но лишь на первый взгляд. Именно так поступил великий русский хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий, когда в лагере отдал свой тулуп уголовнику в лютый мороз. Именно так поступила молодая женщина, Наталья, которая ценой своей жизни спасла семью белого генерала, оставшись вместо его вдовы, уговорив ее бежать с двумя малолетними детьми.

И мы не просто предполагаем, но уверены, что именно вера определила совестливость декабристов, которые после Отечественной войны 1812 года не смогли относиться к своим или чужим крепостным как к рабам, а не как к братьям.

Чтобы не дать обвинить себя в пристрастности, приведем в качестве подтверждения слова западного ученого: “Восточная церковь ... всегда сохраняла веру в принцип *икономии*, который, в противоположность нынешнему понятию *экономии*, означал распределение пожертвований, благотворительность, ... побуждал христианина встать выше разногласий, ради сохранения взаимного доброжелательства”. [5] Более узко, но в том же ключе это понятие рассматривается у И. Мейендорфа. [6]

Думается, если подробнее рассмотреть вопросы веры, их значение в жизни тех, о ком мы упоминали выше, исключая, конечно, В.Ф. Войно-Ясенецкого - архиепископа Луку, причисленного к лику святых, то найдем подтверждение своим словам.

Такая работа уже ведется. На Первой конференции в Партените выступила старейшая сотрудница дома-музея А.П. Чехова, которая ознакомила с ранее неизвестными фактами их жизни писателя, подтверждающими его трепетное отношение к православию.

Думается, что наше исследование может быть продолжено именно в этом направлении.

В заключение мне бы хотелось привести две цитаты – культуролога и культового писателя:

1. Ю. Шор: “Интеллигент – тот, кто болен болями времени. ...» [7]
2. А. Битов: Есть вполне реальная черта интеллигента: он, по-видимому, больше отдает, чем берет, стремится в первую очередь не к потреблению, а к оправданию своего существования на этой Земле. И такими бывают не только люди с образованием... [8]

Думается, что стремление преодолеть нарастающие тенденции бездуховности в нашем обществе делает вышесказанное актуальным.

Примечания

1. Каган М.С. История культуры Петербурга. СПб., 2006. С. 99.
2. Каган М.С. История культуры Петербурга. СПб., 2006. С. 98-103, 157-168, 203-208, 230-234.
3. Человек. 2008. № 3. С. 8.
4. Человек. 2008. № 3. С.11.
5. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 19.
6. Мейендорф И. Византийское богословие. М., 2001. С. 80-121.
7. Человек. 2008. № 3. С. 7.
8. Битов А. Интеллигент больше отдает чем берет //Очень УМ. 2007. № 1 (47). С. 88.

V
НАУЧНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
СТУДЕНТОВ

ИЗМЕНЕНИЕ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ХОДЕ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Зусманович Д.Д.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Столетняя война - самый длительный конфликт в истории человечества. Эта война стала ключевым этапом развития военной техники, а также военно-тактической мысли. Именно тогда в средневековой Европе в массовом порядке стали формировать наёмные армии. Роль пехоты на полях сражений становится ключевой, а феодальное рыцарское войско доказывает свою несостоятельность и уступает место новой профессиональной армии. Существуют сложившиеся представления о том, что победа французов в Столетней войне была результатом того, что война для этого народа стала «отечественной». Безусловно, этот факт имел место. Но ключом к победам англичан на первых этапах войны, и их поражению в итоге была новая тактика и стратегия ведения войны, т.е. не политические, а в первую очередь чисто военные причины.

СТРАТЕГИЯ ведения войны, которую применили **англичане**, основывалась на опыте Шотландских войн. Англичане использовали на первых этапах Столетней войны стратегию уничтожения, в которой главным оружием был огонь. Именно огонь использовали англичане для беспощадного уничтожения вражеской территории. Эта стратегия получила название «**шевоше**», то есть быстрого и беспощадного уничтожения всего, что попадалось на пути. Таким способом подрывалась экономика противника, а его территория и деморализованное население переходили под контроль англичан.

Такая стратегия, безусловно, была англичанам выгодна. Такой способ ведения войны не опустошал, а пополнял королевскую казну и обогащал верных королю вассалов. Кроме того, стратегический набег приводил к систематическому разорению вражеского королевства.

Однако «шевоше» можно было использовать только при определенных условиях: совершающая рейд армия должна иметь серьезные военные преимущества над численно превосходящим противником. Не менее важно, чтобы опустошаемая страна была «уязвима изнутри». И это условие было соблюдено: внутренние провинции Франции, привыкшие за десятилетия к миру, оказались беззащитными перед врагом. В результате, английская армия двигалась через Нормандию с невероятной легкостью: феодальное ополчение, составлявшее основу французской армии, не могло ей противостоять. Для его сбора нужно было время, а времени на сборы англичане французам, разумеется, не давали.

Говоря об английской ТАКТИКЕ, можно с уверенностью сказать, что она была новаторской, и именно это обеспечило успехи англичан в первый период войны. Английская тактика заключалась в спешивании рыцарей и их взаимодействии с лучниками. Этот приём ведения боя не удалось повторить никому. Она была уникальной, но придумали этот тактический ход отнюдь не англичане.

Тактика английского войска была основана на опыте, полученном в ходе войны против шотландцев в начале XIV века, в правление Эдуарда I. Тогда английские рыцари все еще атаковали шотландскую пехоту верхом, но лучникам стала отводиться гораздо большая роль. Новая английская тактика зародилась во времена Эдуарда II. Как ни парадоксально, именно при этом слабом государе было выковано то оружие, до которого не додумался его отец и которое с успехом применил его сын, Эдуард III.

Построение английского войска претерпело радикальные изменения. Об этом можно судить по одной важной детали - роль рыцарей в войске становилась второстепенной. Теперь они служили опорой боевого порядка и развивали успех, достигнутый лучниками. Именно поэтому английские рыцари спешивались: во время вражеской атаки они должны были статично ждать, и вовлекались в рукопашную только в том случае, если противник оказывался в состоянии преодолеть обстрел лучников и ворваться непосредственно в расположение англичан. Успех боевого применения стрелков заключался именно в сочетании

с латниками. Важной особенностью новой английской тактики стало и широкое использование полевых инженерных заграждений: канав, ям и т. д.

Эти тактические приемы англичане с успехом использовали во время битвы при Кресси.

Описывая позицию англичан, военный историк П.А. Гейсман отмечал, что она состояла из трех линий: *«первая баталия боевой части принца Уэльсского, в составе фаланги из 800 рыцарей, 2 тысяч лучников и тысяча уэльских пехотинцев, развернулась впереди, имея за собой, в виде резерва, вторую баталию Нортгемптона и Аронделя, состоящую из 800 рыцарей и 1200 лучников. После занятия позиции, стрелки, выдвинутые вперед и в стороны, вбили перед собой колья и оплели их веревками. Третья баталия, под начальством самого Эдуарда в составе 700 рыцарей и 2 тысячи лучников, образовала общий резерв. Всего у англичан было 8500—10 000 человек; сзади вагенбург или парк, а в нем все лошади, так как вся кавалерия должна была сражаться в пешем строю»* [1]. Как сообщает Ричард Уэнкли, у французов армия была в 8 раз больше. *«У противника была очень большая армия, по приблизительным подсчетам, около 12000 рыцарей и 60000 другого вооруженного люда»* [2]. Данные цифры скорее всего завышены. По мнению Н.И. Басовской, *«Численность войск противников была приблизительно одинаковой -14-20 тыс. человек»* [3].

Следует отметить, что французские и английские источники очень противоречивы в изложении событий Столетней войны. Например, например, французский хронист, описывавший морское сражение при Слейсе, сообщает, что потерпевшие поражение французы убили 10 тыс. англичан; английский же уверяет, что вода в районе Слейса была в течение трех дней красной от крови [4].

Однако, вернемся к анализу битвы при Кресси, в которой именно новая тактика принесла англичанам победу. 26 августа 1346 года французы вплотную приблизились к позициям англичан. В 15 часов Филипп VI получил от разведчиков донесение, в котором сообщалось, что англичане находятся в боевом порядке у Кресси и готовятся дать бой. Учитывая, что войско совершило длительный марш под дождем и сильно устало, французский король решил отложить атаку на противника до следующего дня. Маршалы передали приказ "знаменам остановиться", но ему последовали лишь головные части.

Когда в походной колонне французского войска распространились слухи о том, что англичане готовы дать бой, задние ряды начали подталкивать шедших впереди рыцарей, которые по собственной инициативе продвигались вперед с намерением вступить в бой. Произошел беспорядок. Более того, сам король Филипп VI, увидев англичан, потерял самообладание и приказал гемузским арбалетчикам продвинуться вперед и начать бой, чтобы под их прикрытием развернуть рыцарскую конницу для атаки.

Однако английские лучники превосходили итальянских наёмников в искусстве стрельбы, тем более что у последних арбалеты отсырели под дождем. С большими потерями арбалетчики стали отступать. Филипп приказал их убивать, что внесло еще большее замешательство в ряды всего войска: рыцари принялись уничтожать свою же пехоту. Лишь после этого рыцари выдвинулись к позициям англичан. На уставших лошадях, по грязному полю, да еще и в гору, они наступали медленно, что создавало благоприятные условия для английских лучников.

Если же кому-то из французов и удавалось добраться до неприятеля, то его закалывали спешенные английские рыцари. Бой протекал стихийно без организации, 16 французских атак не смогли опрокинуть англичан. Основной удар французы направили на тот фланг англичан, где располагались лучники. Но Эдуард III направил туда свой резерв, и поражение французов стало очевидным. Филипп VI бросил своё беспорядочно отступавшее войско на произвол судьбы. Но Эдуард III запретил преследовать разбитого неприятеля. Тем более, что это было невозможно: английские рыцари сражались спешенными.

Потери англичан и французов известны. *«Общее количество доблестных воинов, погибших в тот день на поле, не считая пеших и простого люда, составило 1542 человека»* [5]. Однако эти цифры неточны, так как атак было несколько, и во время преследования противника было убито еще несколько тысяч человек: *«Следующим утром перед восхо-*

дом солнца еще один большой и сильный батальон пошел на нас. Граф Нортхэмптона вместе с графами Норфолка и Варвиком вышли им навстречу и разбили их, взяв в плен много рыцарей и сквайров, убив более 2000 и преследуя врага на протяжении нескольких миль» [6]. Итого, французы потеряли около 4000 рыцарей. Восполнить эти потери удалось только через 10 лет: лишь на битву при Пуатье им удалось собрать войско, которое могло численно противостоять англичанам.

Важной тактической новинкой, которую применили англичане, стало строительство заградительных сооружений. Они замедляли вражескую атаку, увеличивали время обстрела и, в то же время, повышали устойчивость обороны, если противнику удавалось приблизиться вплотную. Иногда впереди строя вырывали небольшие ямы или ров и маскировали их травой (этот опыт англичане переняли у шотландцев). Если же противник добирался до лучников, то он сталкивался с другим препятствием: это были колья, вбитые в землю. Они представляли собой практически непреодолимую преграду для французских рыцарей, так как лошади отказывались преодолевать частокол, и рыцари оказывались неподвижными под плотным огнем английских лучников.

Были в английской тактике и слабые места. Как справедливо отметил Фридрих Энгельс: «Непрерывные победы англичан во Франции в то время в значительной степени были обусловлены как раз тем, что в войске восстановлен был элемент обороны» [7].

Преимущества английской тактической школы над французской ярко проявились в ходе битвы при Пуатье. Причем, французы продемонстрировали не только кризис тактики конного рыцарского войска, но и упадок самой идеологии рыцарства. Король Иоанн II пытался извлечь уроки из поражения его отца при Кресси, но вместо реальных реформ, он попытался создать «идеальное рыцарское войско», и учредил светский рыцарский орден по типу духовно-рыцарских орденов.

В отличие от созданного Эдуардом III ордена «Подвязки», кавалерами которого было всего 24 человека, французский орден «Звезды» был массовым. Иоанн II не жалел денег на пышные церемонии, для ордена был построен специальный дворец. По приказу короля члены ордена должны были служить только ему, прервав прежние вассальные связи. Никто не мог участвовать в каких-либо войнах без разрешения короля. Во время битвы за дело монарха каждый рыцарь «Звезды» должен был сражаться до конца, уход с поля боя означал позорное изгнание из ордена.

Но это было лишь жалкое подражание «рыцарям круглого стола». Недостатки ордена и его правил проявились очень быстро. В первой же битве с англичанами при г. Марроне 90 рыцарей ордена «Звезды» погибли только потому, что, согласно уставу ордена, они не имели права отступать с поля боя. Подобная регламентация лишала воинов свободы маневра, и они гибли, окруженные противником. Бессмысленные жертвы рассматривались как должное и никак не влияли на беззаботную, расточительную жизнь двора «нового короля Артура» [8].

18 сентября 1356 г. армии противников встретились близ города Пуатье. Видя численное превосходство французов и опасаясь за исход битвы, принц Эдуард, командовавший армией англичан, предложил французам перемирие на 7 лет. Но Иоанн II отказался от фактически бескровной победы: он жаждал реванша за поражение при Кресси. Из-за своей набожности Иоанн II перенес битву с воскресения на понедельник. И «как подобает доблестному рыцарю», Иоанн Добрый молился в то время, когда англичане возводили укрепления. Другим поступком, который, возможно, решил исход битвы, было его решение отказаться от помощи народного ополчения. Он всё еще полагал, что война это дело феодалов. Автор «Хроники первых четырех Валуа» справедливо назвал этот поступок «безумием» [9].

19 сентября 1356 г. началась одна из решающих битв Столетней войны. Король находился в центре войска, предоставив двум фланговым конным рыцарским ополчениям свободу действий. Оба маршала, командующие флангами, бросили свои силы на врага. Но фланговые атаки наткнулись на укрепления и захлебнулись в потоке стрел. Наследник французского престола Карл, видя неизбежность поражения, покинул поле битвы. Так же

поступили два других сына короля, Людовик и Жан. Рыцари, находившиеся в центре во главе с королем, отступить не желали.

Спешившись, они пытались противостоять английской пехоте, что в принципе у них получалось. Но противопоставить что-либо дисциплинированной английской коннице они не смогли. Напрасно французский король пытался соблюсти устав ордена. Он отказался отступить, и вместе со своим младшим сыном Филиппом оставался на поле боя. Когда группа из гасконцев и англичан набросилась на короля, он понял, что битва проиграна и закричал: «Где мой кузен принц Уэльский, я сдаюсь ему в плен» [10]. Только тяжелые доспехи спасли Иоанна II от неминуемой смерти. Несколько рыцарей из свиты Черного принца с трудом отбили лежавшего на земле короля у гасконцев.

С точки зрения рыцаря действия французского короля были оправданны. Черный Принц восхитился действиями Иоанна II, сказав, что он проиграл «*большой рыцарский турнир*». Но беда всей Франции заключалась в том, что Иоанн II проиграл не рыцарский турнир, а решающее сражение Столетней войны, поставив тем самым Францию на край гибели.

ФРАНЦУЗСКАЯ СТРАТЕГИЯ опиралась на многолетний опыт ведения войн в Европе. Она заключалась в навязывании противнику генерального сражения, которое решило бы исход войны.

Формально, основой армии французского короля было всенародное ополчение (*arrière-ban*). По призыву короля должны были встать в строй все физически здоровые мужчины в возрасте 18 до 60 лет. Однако в первые десятилетия Столетней войны ополчение в сражениях не участвовало. А рыцарское войско, тяжелое, неповоротливое, было не в состоянии противостоять быстрой и маневренной английской армии.

В рамках устаревшей стратегии и таковой индивидуальных поединков победить англичан французы не могли.

С возобновлением боевых действий в 1369 г. начинался второй этап войны. Стратегия «шевоше» продолжает использоваться, но в значительно меньшей степени. Причина этого заключалась в том, что англичанам приходилось оборонять большие и разрозненные территории: Кале, Бретань и Гиень. К тому же теперь, когда вся Франция покрылась укреплениями с сильной артиллерией, а тактика французской рыцарской армии стала более адекватной (армия уклонялась от решающих сражений в пользу непрерывного слежения за противником с внезапными атаками на отдельные отряды мародеров), английские «шевоше» потеряли былую эффективность (1370-е гг.).

Англичанам нужно было срочно менять свою тактику. С 1378 г. Англия переходит к оборонительной стратегии - дорогостоящей, но эффективной.

На заключительном этапе войны английский король Генрих V более не применяет «шевоше», а начинает систематическое завоевание и оккупацию французской территории.

Единственное генеральное сражение этого времени – битву при Азенкуре – англичане выиграли благодаря использованию тех же тактических приёмов, которые принесли им успех при Пуатье: спешившиеся латники прикрывают лучников, происходит все то же взаимодействие пешего и конного войска.

Противники встретились 24 октября 1415 года в 60 километрах к юго-востоку от Кале, недалеко от деревни Азенкур. Французское войско вытянулось длинной колонной. Впереди были рыцари верхом на конях, по тридцати в ряд. Шире нельзя было развернуться: справа мешал ручей, слева - заросли ивняка. Кони и люди плотно прижались друг к другу. Каждый отряд располагался на расстоянии 60 шагов один от другого. Эта скученность была крайне опасной: сложно использовать лучников и арбалетчиков, нельзя было использовать маневр для нападения конницей на фланг противника, где располагались английские лучники.

Французский главнокомандующий пытался поставить лучников впереди рыцарей. Но представитель короля, герцог Карл Орлеанский, решительно воспротивился этому. Рыцари поверх лат были одеты в бархат, золото и серебро. Стрелки же и копейщики выглядели намного скромнее. Герцог считал, что если пехота будет поставлена впереди рыцарей, то это испортит красоту рыцарского войска.

Английское войско, в отличие от французского, растянулось в ширину. Фланги занимали лучники с двухметровыми луками из ясеня и с колчанами, полными тяжелых стрел. Их головы защищали сплетенные из ивы шляпы с железными обручами. Туловище прикрывали латы из толстой воловьей кожи, надетые поверх длинной рубахи. На ногах у некоторых не было обуви. Позади лучников встали копейщики. Слева и справа от пехоты расположились две колонны рыцарей на конях. Доспехи у англичан были более легкими, чем у французов. *«Армия Генриха V была малочисленна, но состояла из профессиональных воинов. Английский король использовал все преимущества местности и погоды, во влажную землю были вбиты колья, мешавшие продвигаться французской коннице»* [11].

Битву начали английские лучники, так и не дождавшиеся атаки конных французских рыцарей. Поэтому, последовавшая атака французов проходила под градом английских стрел. Из 1200 рыцарей, участвовавших в первой атаке, в живых осталось только 120: по грязи они двигались так медленно, что превратились в почти стоячие мишени. Отступить они тоже не могли: поле было очень узким, а позади начала наступление вторая колонна всадников. Потоки отступавших и наступавших рыцарей столкнулись. Началась давка.

Этим воспользовались англичане. Бросив луки и арбалеты, английские стрелки выхватили из-за пояса боевые топоры и кинулись на французов. Неминуемое поражение французов перешло в их истребление, которое продолжалось больше 3-х часов [12].

После разгрома при Азенкуре армии у французов почти не осталось, их моральный дух был сломлен. Сложившийся за годы войны миф о непобедимости англичан получил новое подтверждение. После Азенкура хватало порой лишь крика английского войска, чтобы обратить в бегство французское. Не мудрено, что французы надеялись лишь на чудо, которое они связывали с Орлеанской Девой. Участие Жанны д'Арк наконец-то сделало войну для французов народной и «отечественной». Но для победы одного этого было мало. Главное, что само французское войско, которому св. Жанна подарила веру в победу, было принципиально изменено. Его основу стали составлять лучники и спешенные рыцари, которые, по примеру англичан, сражались фактически как пехотинцы.

К 30-м годам XV века французские власти наконец осознали важность профессионально обученной пехоты. Карл VII обратился к старинному рекрутскому набору в городских коммунах и создал институт вольных лучников. Благодаря его усилиям, ко второй половине XV столетия Франция владела постоянной армией из поставленного под контроль короля дворянства и традиционных союзников короны - горожан. Произошло то, что должно было произойти: английская тактика была скопирована французами и ее успешное применение принесло им долгожданную победу в войне.

Примечания.

1. Гейсман П.А. История военного искусства в средние и новые века (VI-XVIII стол.). СПб., 1907. С. 52.
2. Уэнкли Ричард. Письмо от 2 сентября // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIV/1340-1360/Hundert.jahrekrieg/17.07.1346.htm>
3. Басовская Н.И. Столетняя война, 1337-1453 гг. М., 1985. С.45.
4. Там же. С. 40.
5. Норбург Михаэль. Письмо от 12 июля // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIV/1340-1360/Hundert.jahrekrieg/17.07.1346.htm>
6. Там же. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIV/1340-1360/Hundert.jahrekrieg/17.07.1346.htm>
7. Энгельс Ф. Кавалерия. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 14. С. 414.
8. Bordohove G. Jean le Bon et son temps. Paris, 1980. P. 134.
9. Басовская Н.И. Указ. соч. С. 53.
10. Bordohove G. Ibid. P. 220.
11. Басовская Н.И. Указ. соч. С. 103.
12. <http://vadimus.by.ru/Main/azenkur.htm>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Схема битвы при Азенкуре

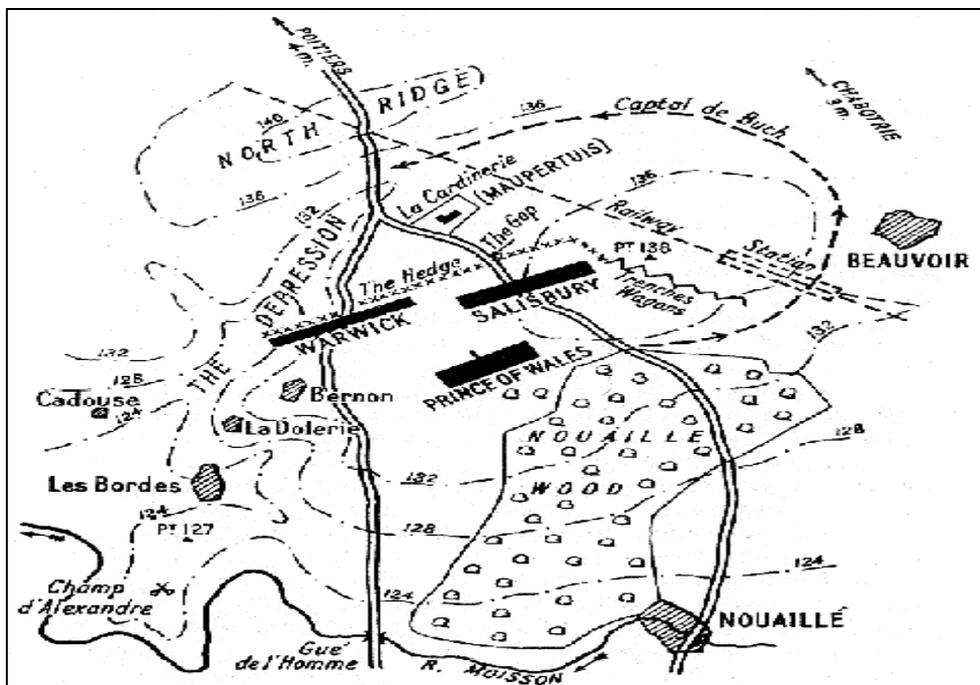

Рис. 2. Схема битвы при Пуатье

САМУРАИ – РЫЦАРИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ

Кузьмина А.В.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Между понятиями «рыцарь» и «самурай» часто ставят знак равенства, говоря о самураях как о японских рыцарях. Насколько обоснован этот подход? Имеем ли мы право проводить подобные параллели, и что же роднит японских буси и европейских рыцарей, а главное - в чем отличие между ними. В том, чтобы найти ответы на эти вопросы и состоит цель настоящей работы.

Необходимо также учесть то, что при написании данной работы был использован цивилизационный подход, принимая во внимания всю его условность, необходимо все же учесть, что хронология английской и японской истории не совпадают, соответственно рассмотрение цивилизации в целом является наиболее эффективным для предпринятого в настоящей работе сравнительного анализа.

Прежде всего, следует сказать несколько слов о том, почему для сравнительного анализа были взяты две страны: Англия и Япония, ведь, как можно подумать, на первый взгляд между ними нет ничего общего. Тем не менее, их роднит географическое положение (оба государства островные), в обеих странах в качестве формы правления утвердилась монархия, которая, претерпевая изменения на протяжении всей своей истории, существует по сей день, и, что наиболее важно, в обеих странах сложилось уникальное государственное устройство и социальная структура. Но чтобы рассмотреть его подробнее, нужно несколько отвлечься и упомянуть о том, что на протяжении длительного времени советская наука пыталась поместить историю всех стран в рамки формационной теории. Теперь же постмарксистское осмысление исторического процесса порождает другую крайность – жесткое разделение западного и восточного феодализма. В связи с этим особенно показательным сравнение Англии и Японии, поскольку, с одной стороны, в Японии сложилась уникальная для Востока форма устройства государства с ярко выраженной феодальной лестницей, причем сложилась без ощутимого внешнего влияния (т.к. Япония естественным образом изолирована от континента). С другой стороны, в Англию феодализм в сформированном виде привезен завоевателями, более того, после нормандского завоевания в стране сложился первый господствующий класс из завоевателей, что также уникально для западного мира, и характерно для восточных обществ. Интересен также тот факт, что поначалу и в Англии, и в Японии феодальное сословие был открытым, но впоследствии самураи стали закрытой привилегированной прослойкой общества. В Англии же феодальное сословие оставалось открытым на протяжении всей истории. Каждый свободный собственник земли независимо от своего происхождения при наличии дохода от 20 до 40 ф. ст. в год обязан был принять звание рыцаря и войти в состав дворянства [1].

Возвращаясь к уже упомянутому влиянию географического положения, следует отметить, что разные природные условия послужили причиной важных экономических (закрепощение крестьян), политических (отношение религии и власти) и культурных различий. Так в Японии из-за горного рельефа и необходимости поливного террасного рисосеяния крестьяне, будучи формально лично свободными и имея статус пожизненных арендаторов наделов, фактически оказывались прикрепленными к земле, а необходимость строительства и эксплуатации сложных ирригационных систем привела к усилению роли общины и государства [2]. В Англии же более мягкий умеренный морской тип климата, более благоприятный для сельского хозяйства приводил к тому, что крестьяне закреплялись за землями феодалов законодательно, появилось несколько категорий зависимых крестьян [3]. В политической сфере в условиях феодальной раздробленности религиозный статус японских императоров (как верховных жрецов синтоизма [4]) способствовал тому, что их светская власть стала номинальной, фактически перейдя в руки военной аристократии - сегунов. Сакральность императорской власти и священный статус самого монарха как потомка богини Аматерасу, бывший у него изначально, несколько не способствовали усилению его политического влияния, а скорее наоборот, ограничивали его значение религиоз-

ными функциями. В Англии же католическое духовенство нередко вступало в конфликт с королевской властью. Английские же монархи были вынуждены бороться за контроль над церковью, чтобы освободиться от влияния римских пап. Признание за королем статуса главы англиканской церкви способствовало росту его политического влияния к концентрации в руках монарха материальных ресурсов, что в конечном итоге, привело к становлению и усилению в Англии абсолютной монархии. Но в рамках темы данного доклада следует особо отметить различия в вассальных отношениях. Поскольку Англия находится ближе к материку, связи с континентальной Европой имели более устойчивый характер. Соответственно, Английский рыцарь, имея надельные земли в разных странах, в том числе на континенте (например, в Нормандии), мог одновременно являться вассалом нескольких феодалов, каждому из которых приносил вассальную присягу (оммаж). В результате складывались сложные и часто запутанные отношения, а положения присяги (в том числе и обязанность не вести войну против своего сюзерена) фактически игнорировались. В бою же на первый план выходила именно личная доблесть. В целом некоторое пренебрежение стратегией, превращение боя в совокупность дуэлей между рыцарями роднит их с самураями, но для японских воинов личный героизм, жажда подвига и славы не были самоцелью. Вся жизнь самурая должна быть подчинена идее верности и служения господину (Верность по отношению к своему господину требовала от самурая полного отрешения от личных интересов. В качестве наглядного примера обычно приводится история, в которой бывшие подданные князя Митидзанэ, попавшего в немилость к сёгуну и сосланного, исполняют долг верности по отношению к своему господину. Один из них жертвует жизнью своего сына ради жизни сына своего прежнего даймё, выдавая ребенка врагам Митидзанэ, стремившимся истребить род князя [5]. В моральном кодексе самураев феодальной эпохи большое значение придавалось также катакиути - кровной мести. Широко известна в Японии и за ее пределами знаменитая история 47 ронинов, отомстивших за смерть своего даймё и приговоренных за это правительством сёгуна к харакири [6]). Объяснение этому можно найти, вспомнив, что связи Японии с континентом (а следовательно, - и его влияние) носили эпизодический характер, завоеваниям Япония не подвергалась. Все заимствования подвергались переработке: даже пришедшие из Китая Конфуцианство и буддизм были трансформированы на японской основе. В результате корни бусидо восходят к трем источникам: Конфуцианству, откуда взяты идеи сыновней почтительности и верности господину; буддизму - учение о реинкарнации и непривязанности к жизни и ее благам; национальной японской религии – синтоизму.

Это обусловило еще одно важное различие между рыцарем и самураем - разное отношение к плену и смерти. В Англии бесстрашие перед лицом смерти и стремление дорого продать свою жизнь появилось уже на закате рыцарства, когда отдельные элементы рыцарской этики трансформировались в кодекс поведения дворянства. При этом речь идет именно о бесстрашии, нежели пренебрежении к собственной жизни. В христианской Европе вообще бегство от достойного противника и пленение им не считалось потерей чести, существовал почетный плен. Для самурая же плен неприемлем, т.к. равносителен измене и позору, проповедуется буддийское абсолютное принятие смерти. В этом отношении весьма показателен пассаж из кодекса «Хагакурэ»: «...Каждое утро настраивай свой разум на то, как правильно умереть. Каждый вечер освежай свой разум мыслями о смерти... Путь воина (Бусидо) - это путь смерти» [7]. Апогеем культа смерти стало ритуальное убийство сэппуку (харакири). Следует отметить, что этот ритуал играл довольно важную роль как в жизни каждого самурая, так и государства в целом (сэппуку было и официальной казнью, и своего рода инструментом демографической политики). Особо следует упомянуть о ритуальном самоубийстве самурая вслед за смертью господина. Лишь имея господина, самурай обретал психологический комфорт и равновесие и испытывал страшное потрясение, когда терял его. Он становился ронином - самураем, утратившим своего господина. Положение ронина было довольно плачевным. Без войны и в отсутствие господина, который своим жалованьем как-то поддерживал физическое существование самураев, ронины существовали в нищете. Не случайно, слышав звуки боевых труб в любом княжестве, ронины с радостью бросались туда предлагать свои услуги. Критическая масса

ронинов в стране была страшна именно этим - чтобы кормить их, нужна была война. Дайме с удовольствием нанимали этих умелых воинов фактически за бесценок, иногда менее чем за 30 коку (мер) риса в год, в то время как "постоянные служащие" получали в среднем 150-160 коку [8]. В Европе тоже иногда существовал избыток представителей воинского сословия (особенно нужна была война старому английскому дворянству в 15 в., поскольку в отличие от джентри, для старой феодальной знати война была единственным источником существования). Но в Англии подобную проблему решить было несколько проще (за счет периодического ведения войн на континенте, а в 11-12 вв. разрешению вопроса аграрного перенаселения и избытка рыцарей способствовали Крестовые походы). Следует отметить, что вариант, подобный Крестовым походам, для Японии неприемлем. Для Дальнего Востока вообще не характерна концепция священной войны, ведущейся за веру, поскольку и буддизм, и конфуцианство, и синтоизм, с одной стороны, не ставят на первое место силовое разрешение конфликта, с другой стороны, они прекрасно сосуществуют вместе, дополняя друг друга (вплоть до образования синкретических религий). Итак, в Японии при крайнем недостатке ресурсов проблема перенаселения была еще более острой, а подобные европейским пути ее решения были невозможны. Войн на континенте Япония практически не вела, хотя внешняя политика Тоётоми Хидэёси носила агрессивный характер. Однако поход 1592—1593 гг. закончился крахом. Столь же неудачным был предпринятый им в 1597—1598 гг. второй поход. Эти походы истощили Японию, в результате она окончательно перешла к политике самоизоляции, хотя проблема ронинов оставалась актуальной. Возможно, это стало одной из причин развития культа смерти и позднее на его основе культа ритуального самоубийства – харакири (сэппуку), создававшего вокруг прибегнувшего к сэппуку ореол мужественности и делавшего его имя знаменитым не только среди оставшихся жить, но и в будущих поколениях. Харакири вслед за смертью господина ("самоубийство вслед") получило название «оибара», или «цуйфуку». Добровольно уходили из жизни не только вассалы феодалов, но и сами даймё. Так, например, в день кончины сёгуна Иэмицу (1651) самоубийством покончили пять знатных князей из его окружения, которые не пожелали "пережить своего господина"[9]. В церемонии сэппуку соединились две традиционных японских добродетели: бесстрашие и бесстрастность. Именно восходящая к буддизму бесстрастность, контроль над чувствами и эмоциями ценится бусидо. Для европейского рыцаря, напротив, ценнее открытое проявление чувств и искренность, - в этом заключается еще одно различие между японским и европейским кодексами чести.

Можно сказать, что по сравнению с европейским рыцарством самурая больше волнует долг (гири), чем личная слава, и в конфликте долга и чувств — сюжете, характерном для японской литературы, — почти всегда побеждает долг, в Европе подобный конфликт между долгом и чувствами чаще разрешается в пользу чувств. К примеру, герой один из «Кентерберийских рассказов» Чосера (Арсита) из-за своих чувств к прекрасной Эмили решает оставить на произвол судьбы родной город, которым должен управлять и нанимается слугой к своему врагу, в плену у которого он сам пробыл много лет, а его брат находится до сих пор [10]. Между долгом (освободить брата, отомстить за разорение соей страны, а затем продолжать дело своих славных предков, разумно правя подвластной территорией) и чувством любви к Эмили Арсита выбирает чувство.

В Японии же наоборот: герой баллады «Жалобы война» Омона ставит долг перед господином выше любви к семье:

Я должен далеко идти на войну —
Велел так великий Микадо.
Текут из очей моей матушки слезы, —
Ласкает меня, вся бледна и печальна...
И тут же жена приближается с лаской,
И с ней дорогие мне дети...
Дрожат, как птенцы, тихо жмутся ко мне...
Сковало меня их глубокое горе,
Разлука кровавит им душу!..
Но властно зовет меня царский призыв,
И сердце молчать я заставил... [11].

Мы подошли к еще одному отличию, связанному с важным для европейской рыцарской культуры понятием «куртуазности» и его неотъемлемым проявлением – культом прекрасной дамы. Столь характерный для Европы, в Японии он совершенно отсутствует. Если в европейской литературе тема любви становится основной, то в японской литературной традиции она либо отсутствует, либо пронизана характерными буддийскими идеями бренности бытия, а дама, если и появляется на страницах самурайского романа, то скорее не наставляет самурая на правильный путь, а уводит воина с его истинной стези. Поэтому для японской традиции совершенно неприемлема ситуация, описанная, например, Джеффри Чосером в одном из «Кентерберийских рассказов» (рассказ рыцаря), когда ради прекрасной дамы герой (Арсита) не только готов убить родного брата, но и скрывая свое имя, нанимается слугой к врагу, разорившему его родной город [12], т.е. по японским меркам позорит имя своего рода и память предков. Подобное поведение недостойно самурая, как немыслимо и проведение турнира, в котором участвуют по 100 прославленных рыцарей с каждой стороны, лишь для того, чтобы решить, кому из братьев достанется Эмилия [13].

Даже любовная лирика японских поэтов проникнута буддийскими мотивами, мыслями о мимолетности этой жизни. В качестве примера можно привести танка Сайге из цикла «Песни любви»:

Но если сон
(Мы верим, что только сон) -
Жизнь наяву,
Тогда и любовные встречи,
Как всё на свете, напрасны [14].

В целом в японской литературе, в отличие от Европы, любовная тематика не была на первом плане [15]. Отношение к любви (в том числе неразделенной) показывают стихотворения Анона (Нарский период 8 в.):

«Любовь»

Есть ли занятие глупее на свете,
Чем знаки чертить на потоке?
Думать о деве, — такое занятие,
О деве, чье сердце — не наше

***

— Люби меня, дева! Любовь твоя выше короны...
— Не стану! — сказала ты честно, открыто.
— Не станешь? Тогда уничтожу я в сердце своем это чувство:
Любить без взаимности светлой не стоит [16].

«Любить без взаимности светлой не стоит» - позиция не всегда понятная европейцу (ведь герои Чосера даже не спрашивают Эмилию о ее чувствах), но именно такой вывод делает самурай. С одной стороны, он не желает оскорблять своей назойливой страстью возлюбленную, с другой стороны, не хочет «потерять лицо», ведь настоящий воин не должен показывать своих чувств и переживаний. Он скорее «уничтожит в сердце своем это чувство», ведь буддизм учит, что избавление от желаний – путь к избавлению от страданий и просветлению. А главное, получив отказ, самурай больше не намерен тратить время на безответные, а следовательно, бесполезные чувства, которые отвлекают его от главного - от исполнения долга и служения господину.

В тоже время, если обратиться к реальному правовому положению женщины, то выяснится, что японки были более право- и дееспособны и социально активны, чем английские женщины в средние века: японская женщина была собственницей приданного, могла участвовать в сделках и даже в некоторых случаях подать на развод. Кроме того, многие положения Бусидо распространялись и на жен и дочерей самураев. Так, алебарда - нагината наряду с кинжалом считалась в феодальное время холодным оружием женщин сословия воинов, которое они применяли в случае опасности, защищая себя, детей, дом и имущество при нападении врага. Во время сацумского восстания (1877 г.), например, в военных действиях против правительственных войск микадо воевали наряду с восставшими самураями также и женщины, вооруженные алебардами. Хакакири также не явля-

лось чем-то особенным для жен и дочерей воинов. Правда женщины в отличие от мужчин разрезали себе не живот, а горло или наносили смертельный удар кинжалом в сердце (чаще всего самоубийство исполнялось женами самураев специальным кинжалом (кайкэн) - свадебным подарком мужа). Кроме того, хотя и в Англии, и в Японии особое положение в семье занимал старший сын, как потенциальный будущий глава двора (большой семьи), исполнитель культа предков, наследник [17], в отличие от Британии, японское право относительно терпимо относится к незаконнорожденным детям и детям, родители которых были неровны по своему социальному статусу. Внебрачные дети могли входить в состав семьи отца, если они признавались им. Бездетными семьями с целью продолжения рода предоставлялось право усыновления ребенка из числа близких родственников, который приобретал все права законнорожденного [18]. Тогда как положение внебрачных детей в Англии было очень тяжелым, они не имели никаких прав не только в отношении отца, но и матери; отсутствовала даже сама возможность узаконить их последующим вступлением в брак родителей.

Таблица 1. Рыцарь и самурай – сравнительный анализ

КРИТЕРИЙ СРАВНЕНИЯ	АНГЛИЙСКИЙ РЫЦАРЬ	САМУРАЙ
<i>отношение к вассальной присяге</i>	соблюдается лишь формально	верность господину и служение ему - главная обязанность и добродетель
<i>отношение к плену</i>	бегство от более достойного противника, пленение им не воспринимались как потеря чести, был почетный плен	плен неприемлем, т.к. равносителен измене и позору, предпочитали плену смерть
<i>отношение к смерти</i>	страх перед смертью, позже - стремление дорого продать свою жизнь	«абсолютное принятие смерти»[20], формируется культ смерти (за господина)
<i>разрешение конфликта «долг - чувства»</i>	чаще в пользу чувств	в пользу долга
<i>отношение к материальным благам</i>	возвеличивается щедрость	воспеваются непривязанное отношение к богатству
<i>культ прекрасной дамы</i>	характерен	нехарактерен
<i>проявление чувств</i>	ценится искренность, открытость	ценится бесстрастность, контроль над эмоциями
<i>отношение к образованию и искусствам</i>	приоритет военного начала	пропагандируется «единство меча и кисти»
<i>отношение к войне</i>	некоторое пренебрежение стратегией, ставка на индивидуальные качества бойца, ритуализация войны	

Возвращаясь к культурным различиям рыцарей и самураев, хотелось бы отметить, что в Японии довольно рано утвердилось стремление к «единству меча и кисти», т.е. культ грамотности и учености, который с одной стороны, был следствием конфуцианской идеологии, с другой, - эволюционировал из культуры Хэйан и стремления самураев слиться с аристократией. Так великий мастер меча Миямото Мусаси был еще и был весьма известным художником в стиле суйбоку и каллиграфом [19], а многие полководцы увлекались игрой на музыкальных инструментах [20]. Для Европы же долгое время сохранялся безусловный приоритет военного начала: благородными занятиями для рыцаря считались война и охота.

Подводя итог, нужно сказать, что хотя японские самураи и европейские рыцари, принадлежа к правящему классу имеют много общего, и параллели между ними безусловно возможны, разница в географическом положении стран, религии и политической системе породили важные различия в наполнении понятий «рыцарь» и «самурай». В общем

же важно отметить, что как рыцарская, так и самурайская культура, изначально принадлежавшая немногочисленной аристократии, оказала существенное влияние на национальное самосознание и все отрасли культуры своих стран. Особенно это характерно для Японии, где идеи «бусидо» в той или иной форме существуют по сегодняшний день[21].

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Тимошина Т. М. Экономическая история зарубежных стран: Учеб. пособие / под ред. Проф. М.Н. Чепурина. – М., 2003. С. 75.
2. Бондарев В.П. Палеоэкология и историческая экология: Учеб. пособие для вузов. М., 1998.
3. Бондарев В.П. История природопользования: Учеб. пособие для вузов. М. 1999. С. 49.
4. Все о Японии. М., 2001. С. 333.
5. Маслов А. Путь война-путь к смерти // ARS ASIATICA // <http://www.arsasiatica.com/books/1112029877769/do.doc>
6. Все о Японии. С. 135.
7. Маслов А. Путь война-путь к смерти.
8. Ронин // Fushigi Nippon // <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=637>
9. Самурский К. Закат, которого не было // Вокруг света. 2002. № 4 (2739). С. 88
10. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы/пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера.М., 1973. С 70-75.
11. Все о Японии. С. 164.
12. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. С. 72.
13. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. С 95.
14. Японская классическая поэзия. Смоленск, 2004. С. 104.
15. Все о Японии. С. 165.
16. Там же. С. 67.
17. Там же. С. 473.
18. Там же. С. 471.
19. Мусаси М. Искусство самурая: Книга Пяти колец; Трактаты: Дайдодзи Юдзан (Сигэсукэ) Сборник наставлений на воинском пути «Будо Сесинсю»; Ягю Муэнори. Переходящая в роду книга об искусстве меча (Хэйхо Кадэн Се). С. 90.
20. Самурский К. Жизнь ради смерти. С. 86.
21. Мент Бойе Лафайет де Кодекс японских самураев: Классическая тактика и приемы для достижения успеха / Пер. с англ. СПб., 2006.

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСНОВА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО
ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКОГО ДИАЛОГА**

Иголина А.И.

Крымский институт экономики и хозяйственного права (г. Симферополь)

В современном мире, в условиях войн и межнациональных конфликтов вопросы о взаимном терпении, уважении, понимании обычаев и традиций друг друга стоят очень остро. Толерантность в жизни каждого человека играет важную роль т.к. мы постоянно сталкиваемся с нетерпимостью. Нетерпимость выражается в фанатизме, оскорблениях и стереотипах. В государственном масштабе проявляется в расовой дискриминации, притеснении по религиозному признаку и нарушении демократических свобод. В результате событий последних лет у представителей различных религиозно - этнических групп формируются негативные предубеждения, препятствующие успешному развитию межконфессионального диалога. Межконфессиональный диалог предполагает взаимное общение влиятельных конфессий и толерантное сотрудничество их подструктур, обеспечивая взаимопонимание между этносами, государствами, общностями людей и тем самым способствует предотвращению различных конфликтов. [1]

Межрелигиозный диалог является необходимостью для преодоления политических, социальных и религиозных конфронтаций. Разносторонняя польза от постоянного диалога между религиями огромна. Такой диалог может способствовать устранению межрелигиозных противоречий, ввести идеологическое соревнование между религиями в цивилизованные рамки, что весьма положительно скажется на этнонациональных отношениях и социально-политической стабильности. Также межрелигиозный диалог поможет объединению усилий людей различных вероисповеданий и национальностей на борьбу против глобальных угроз, несущих беды человечеству. [2]

В основном существует два возможных способа понимания межконфессионального диалога: первое - это любое соприкосновение различных религий вне зависимости от формы выражения, будь то конфронтация, мирная встреча или осимиляция. В этом случае диалог рассматривается как отношение различных религий имеющих диалогическую природу. Второе - когда межрелигиозный диалог рассматривается как необходимость в условиях глобализации и миграции, приводящие культуру в тесное взаимодействие, что вызывает обострение конфликтов, явления интолерантности и фанатизма. [3]

А с другой стороны, по мнению Джейн И. Смит существует пять основных моделей построения диалога.

Первая - Конфронтационная модель, модель дебатов.

Исламо - христианские отношения характеризуются дебатами и конфронтациями по общетеологическим вопросам. Такой диалог не нацелен на лучшее взаимопонимание потому что является инструментом доказательства неправомыслия иной веры и системы верований. Данная модель неприемлема для межконфессионального диалога, так как разобщает стороны в стремлении доказать собственную религиозную истинность и неистинность другой религии, вместо того чтобы сближать участников диалога.

Вторая - Диалог как модель обмена информацией.

Данная модель наиболее распространенная форма мусульманско-христианского диалога, т.к. принята одной из самых безопасных. На практике эта модель представляется на занятиях в университетах и других общеобразовательных заведениях.

Третья - Модель теологического обмена.

Эта разновидность диалога предусматривает углубленное рассмотрение элементов веры, присущих как христианской, так и мусульманской традиции. Эта модель особенно эффективна при проведении региональных встреч и конференций, когда участники этих обмениваются мнениями по ряду богословских вопросов. Принято полагать, что эта модель теологического обмена является очень важной для исламо - христианских контактов.

Четвертая - Модель этического обмена

Существует мнение, что «падение» нравственности в западном обществе, является неизбежным следствием современных процессов секуляризации. И в случае если христиане станут более строго соблюдать этические нормы, предписываемые это способствовало бы проведению диалога. плодотворность попыток исследования способов нахождения в христианской и мусульманской традициях нравственно-этических руководств для живущих в современном обществе людей.

Пятая - Модель «диалога ради сближения»

Этот типа диалога подразумевает честное обсуждение проблем представителями обоих вероисповеданий. Позволит найти общее между ними, и тем самым снизит значение различий и придать новый смысл элементам общности и взаимности. [4]

Очевидно, что любая модель диалога требует толерантного отношения к его участникам. Понятно, что без толерантности будет трудно осуществить диалог.

В гуманитарных науках, толерантность определяется как характеристика физиологической, психологической и социальной устойчивости человека к различным воздействиям.

С точки зрения генезиса, толерантность - это результат многих сил, действующих в одном направлении – темперамент, атмосфера в семье воспитание, опыт, социальные и культурные факторы.

Согласно декларации о принципах толерантности, утвержденной резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года, толерантность – это взаимоуважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности.[5]

С точки зрения политологии, согласно теории Владислава Лекторского, различают четыре возможных способа понимания толерантности:

Первое - Толерантность как безразличие: предполагает существование мнений, истинность которых никогда не может быть доказана (религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения и т.д.).

Второе - Толерантность как невозможность взаимопонимания: ограничивает проявление терпимости уважением к другому, которого понять не возможно и с которым не возможно взаимодействовать.

Третье - Толерантность как снисхождение: подразумевает привилегированное в сознании человека положение своей собственной культуры, поэтому все иные оцениваются как более слабые: их можно терпеть, но при этом одновременно и презирать.

Четвертое - Толерантность как расширение собственного опыта и критический диалог: позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что толерантность предполагает готовность принять других такими, какие они есть и взаимодействовать с ними на основе взаимного согласия. [6]

В последнее столетие христианская и арабо - исламская цивилизации находятся в сложных ситуациях, они не только расколоты внутренне, но и испытывают взаимное недоверие, часто переходящее в открытое противостояние. Каждой из этих религий присуще признание общечеловеческих ценностей, неизменных постулатов человеческого бытия, но степень их проявления в религиях предопределена характером верований.

Можно сказать, что основные проблемы построения успешного межконфессионального исламо - христианского диалога в том что, исламские ученые опасаются размывания границ исламской идентичности в ходе диалога. Не менее актуальны и социальные проблемы: презрительное отношение к традициям, неуважение иных религий, отсутствие нравственных принципов поведения.

Важно отметить роль современных средств массовой информации, многие из которых зачастую выступают как инструмент поощрения ксенофобных настроений и вносят свой вклад в формирование негативных этнических стереотипов.

Всеобщая компьютеризация и развитие в глобальной сети «Интернет» многочисленных экстремистских проектов, дает возможность манипулирования общественным сознанием, действиями и поведением людей.

Колоссальную проблему создает экономический диспаритет Востока и Запада, проявляющийся в десятикратной разнице уровней экономического развития, подобная ситуация усугубляет другие проблемы, этнические, социально – религиозные и другие конфликты.

Не менее важная проблема - это серьезные трудности в понимании и восприятии Корана христианами и Библии мусульманами. Проблема связана с отсутствием определенного авторитета и образца, согласно которым читатель мог бы осуществить чтение текста и иметь четкие суждения и прочитанном.

Таким образом, основой успешного межрелигиозного диалога христиан и мусульман является сфера богословских вопросов т.к. на вере в единого бога и служение ему как высшей цели человеческой жизни основывается взаимопонимание и сотрудничество в жизни повседневной. Без развития богословского диалога трудно осуществить диалог социально - практический.

Практика показывает, что диалог между представителями этих конфессий может помочь достичь взаимопонимания между общинами внутри стран и содействовать стабильности. Для достижения большего эффекта необходимо привлечение к межрелигиозному диалогу представителей всех социальных слоев общества.

Диалог призван избавить людей от неправильных и поверхностных суждений, признает право за участником диалога исповедовать свою веру. Межрелигиозный диалог не является объединением всех религий в новую веру, а подразумевает обсуждение общих проблем и поиск путей для взаимодействия с сохранением всех различий. Путь к мирному сосуществованию проходит через обретение больших знаний о других обществах и культурах. Отношения могут установиться тогда, когда стороны будут в состоянии понимать мысли и чувства других. Это откроет путь для совместного решения общих проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Анфалова. С.Л Малафеев. Л.Ф. Современные геополитические детерминанты межконфессионального диалога. / Сборник научных трудов. Восток – запад: межконфессиональный диалог. Севастополь 2003г. С. 182.
2. Досина А.Ю. Возможности и границы христианско-мусульманского диалога. // Дипломная работа. Минск 2005. С. 34.
3. Там же. С. 15.
4. Декларация о принципах толерантности. 1995г. <http://ps.1september.ru/articlef.php?ID=200006609>.
5. Сулова Е.С. Толерантность и религиозность современного общества. Проблемы и парадоксы www.rusoir.ru.
6. Там же.

**АНАЛИЗ ЗАКОНОПРОЕКТА
О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ УКРАИНЫ**

Кайдашов В.С.

**Национальная юридическая академия Украины
им. Ярослава Мудрого (г. Харьков)**

Украина является государством с романо-германским типом правовой системы, которой присущая европейская модель института конституционного контроля. Инициатива в создании этой модели конституционного правосудия принадлежала австрийскому юристу Ганса Кельзену, который принимал участие в разработке Федерального конституционного закона 1920 г., а также был членом Конституционного суда этой страны. Эта модель тогда существовала, кроме Австрии, в Чехословакии, Испании. После Второй мировой войны она получила широкое распространение в странах континентальной Европы и существует в виде двух форм контроля за конституционностью нормативно-правовых актов: превентивный, или предыдущий, - осуществляется к принятию нормативно-правового акта; регрессивный, или следующий, - осуществляется после его принятия. На сегодняшний день обе эти формы используются в государствах с указанным типом правовой системы

Конституция есть вербализованной государственной идеологией. В ней должны быть отображены общественные ценности, которые являются знаковыми для соответствующего общества, или же те, что является целью существования конкретного государства. Вся деятельность государства в форме нормотворчества должны быть посвящена достижению обозначенных ценностей.

Принятие конституции и внесение изменений в нее является особым процессом, особым из обзора и на содержание, и на форму. Ведь это является неординарным событием в обществе и преимущественно связывает с эпохальными изменениями в истории государства. В конце концов, не самые изменения в конституцию, а отношение к ним (т.е. способ их принятия) сыграет в этом решающую роль.

К настоящему времени в Украине длится конституционная реформа. На ее продолжение О.О. Мороз и другие народные депутаты Украины (всего 160 подписей) на 3 сессии Верховной Рады Украины V созыв предложили проект закона Украины "О внесении изменений в Конституцию Украины" (относительно усовершенствования механизма организации публичной власти), регистрационный номер 3725 от 26.06.2007. Проектом предусмотрено внесения соответствующих изменений в раздел IV "Верховная Рада Украины", раздела V "Президент Украины", раздела VI "Кабинет Министров Украины. Другие органы исполнительной власти", раздела VII "Прокуратура", раздела VIII "Правосудие", раздела XI "Местное самоуправление", раздела XII "Конституционный Суд Украины" Конституции Украины.

Так, в частности, одним из положений проекта есть изменение полномочий Конституционного суда Украины, а именно отмена права Конституционного Суда Украины официально толковать законы Украины, а также ограничение перечня актов, которые могут быть признаны неконституционными. Это касается введенных в действие законов о внесении изменений в Конституцию Украины и законов, которыми предоставлено согласие на обязательность международных договоров, которые вступили в силу.

В то же время предполагается предоставление права аутентичного толкования законов Верховной Раде Украины.

Считаю, что полномочие конституционного контроля в полном объеме должен выполнять непредубежденный, относительно независимый от законодательной и исполнительной ветви власти, орган, который может всесторонне и полно растолковать действительное содержание закона, а именно Конституционный Суд Украины, по следующим причинам.

При определении конкретной нормы, которая подлежит применению в конкретной ситуации, происходит выяснение или познание ее содержания, т.е. толкование нормы пра-

ва. Поскольку правильное применение нормы права невозможно без выяснение точного содержания каждого из элементов ее структуры, без понимания всех понятий, которые содержит данная норма, толкование является неременным атрибутом правоприменительной деятельности. При толковании устанавливается воля законодателя, закрепленная в конкретной норме права. Толкование права означает перевод его абстрактных велений на более понятный и доступный язык конкретных понятий и выводов.

Понятие толкования права охватывает единство двух процессов: осознание (выяснение) и разъяснение содержания правовой нормы. Осознание, или выяснение - это внутренний интеллектуальный процесс субъекта с установление содержания правовой нормы, которая не выходит вне границы его сознания, т.е. толкование, выяснение содержания нормы для себя. Разъяснение - это выяснение содержания правовой нормы для других лиц, т.е. толкование, выраженное наружу вербально или документально (письменно).

Необходимость толкования правовых норм на практике обусловлена следующими причинами:

1. Несоответствие юридических норм фактическим обстоятельствам жизни или высокий уровень абстракции юридической нормы. Например, возможным есть возникновение отношений, которые не существовали или не были заметными на момент принятия определенной правовой нормы, но при потребности правового регулирования они подпадают под действие такой нормы. Так, в актах толкования правовой нормы ее действие распространяется на определенные действия или конкретизируются относительно применения к определенным ситуациям.

2. Юридические нормы нередко содержат специальные правовые понятия, определение, которые имеют многозначительный или специально-юридический характер. Например, "источник повышенной опасности", "юридическое лицо" и т.п.

3. В нормах права нередко используются оценочные понятия, которые выражают лишь социальное значение тех или других явлений. Поэтому, при применении нормы права необходимое выяснение содержания таких понятий.

4. Необходимость толкования норм права обуславливается иногда самым содержанием правовой нормы. Так, в норме могут использоваться такие языковые формы как "и так далее", "другие", "и т.п.". Установление их содержания и значение возможно лишь с помощью толкования.

Итак, толкованием (интерпретация) права - это интеллектуальная деятельность субъекта по установлению точного содержания (смысла) норм права, которое осуществляется с помощью определенных приемов и способов и имеет целью правильную реализацию и повышение эффективности правового регулирования общественного отношения.

Решающим в определении видов толкования правовых норм есть субъект -лицо или орган, который осуществляет это толкование. Субъектами толкования норм права есть органы законодательной и исполнительной власти, судебные и прокурорские органы, юридическое и физическое лица. Тем не менее значение такого толкования, его юридическая обязательность и компетентность не одинаковые. В зависимости от субъектов толкования оно имеет разные юридические следствия.

Официальное (легализованное) толкование - это разъяснение содержания и цели правовых норм, которое сформулировано в специальном акте уполномоченным государственным органом или должностным лицом в пределах его компетенции, и имеет юридически обязательную силу для всех, кто применяет нормы, которые разъясняются. Официальным толкованием занимается узкий специфический круг участников.

Видом официального толкования есть нормативное, т.е. официальное разъяснение, которое неотделимо от правовой нормы, распространяется на широкий круг общественного отношения и на неограниченное количество случаев, предусмотренных нормой, которая толкуется. В свою очередь нормативное толкование делится на аутентичное и делегированное.

Аутентичное состоит в потому, что содержание нормы толкуется тем органом, который ее установил, т.е. толкование выходит от "автора" нормы. Субъектами такого толкования могут быть все органы правотворчества.

Делегированное состоит в потому, что содержание нормы толкуется компетентным органом, который ее не устанавливал, но уполномоченный законом ее толковать постоянно или единовременно.

На день вступления в силу Конституции Украины 1996 года Конституционный Суд Украины еще не был создан. К моменту его создания Верховная Рада Украины использовала свое временное право толковать законы, предусмотренное п. 6 Переходных положений Конституции Украины. Примером такого толкования было Постановление Верховной Рады от 01.10.1996 "О толковании статьи 98 Конституции Украины". Но такие мероприятия были вынужденными и обусловленные конкретной ситуацией, которая подтверждается самым содержанием п. 6 Переходных положений.

Специальное полномочия на официальное толкование Конституции Украины и законов Украины с принятием Конституции Украины 1996 года приобрело принципиально новое решение: из ведения Верховной Рады Украины оно было передано к полномочиям Конституционного Суда Украины (пункт 2 статье 150 Конституции Украины), который согласно статье 147 Конституции Украины является единым органом конституционной юрисдикции в Украине. Это означает, что лишь Конституционный Суд Украины решает вопрос о соответствии законов и других правовых актов Конституции Украины и дает официальное толкование Конституции Украины и законов Украины.

Эти изменения обусловлены переходом к новому порядку осуществления государственной власти на началах ее деления на законодательную, исполнительную и судебную (часть первая статье 6 Конституции Украины), органы которых взаимодействуют между собой на основании конституционно закрепленной системы сдерживаний и противовесов, осуществляя свои полномочия в пределах, установленных Конституцией Украины и согласно законам Украины (часть вторая статьи 6 Конституции Украины).

Итак, право Конституционного Суда Украины относительно толкования законов Украины и Конституции Украины есть одним из элементов принципа распределения государственной власти, а итак и элементом принципа правового государства, закрепленного в статье 1 Конституции Украины.

Укажу, что аутентичное толкование законы предусмотрены законодательством многих стран Европы. Но же и правовые реалии этих государств есть другими, чем в Украине. Каждая законодательная норма должна отвечать тем процессам, которые происходят в стране. Нажаль, Верховная Рада Украины на сегодня есть одним из наиболее zaangażированных органов государственной власти. Уровень доверия к ней среди населения есть низким, что подтверждают социологические опросы, проведенные многими организациями. Недоверие к власти имеет следствием недоверие к тем нормам, которые ею принимаются. Делегированное толкование законов Конституционным Судом Украины в правовой реалии Украины разрешает осуществлять контроль за деятельностью Верховной Рады Украины, а итак и достичь легитимности, т.е. признание народом Украины, нормативно-правовых актов, которые ею принимаются.

Таким образом, отмена права Конституционного Суда Украины относительно толкования законов Украины приведет к дисбалансу ветвей власти и предубежденности при интерпретации соответствующих нормативно-правовых актов Верховной Радой Украины, которая сведет на нет уровень доверия к самому парламенту и результатам его нормотворческой деятельности.

Относительно ограничения права Конституционного Суда Украины относительно признания неконституционными введенных в действие законов о внесении изменений в Конституцию Украины, укажу следующее. Изменения в Конституцию Украины вносятся соответствующими законами Украины о внесении изменений за особой процедурой, предусмотренной Разделом XIII Конституции Украины. После вступления в силу таких законов изменения, предусмотренные ими, получают статус норм Конституции Украины, ее неотъемлемых частей. Но все же таки, несмотря на особый конституционно-правовой статус таких нормативно-правовых актов, они все одно остаются законами, которые согласно статье 150 Конституции Украины могут быть признаны такими, что не отвечают Конституции Украины (являются неконституционными). Поэтому введение такого ограничения

права Конституционного Суда Украины считаю алогичным, а также таким, что не отвечает действующему законодательству Украины.

Что касается законов, которыми предоставлено согласие на обязательность международных договоров, которые вступили в силу, то они є лишь промежуточным элементом, которые подтверждают факт того, что норма, закрепленная в международном обязательстве государства, становится частью национального законодательства страны. Т.е. через принятие такого нормативно-правового акта происходит процесс легализации нормы. Но же не исключается, что такая норма может не отвечать Конституции Украины и действующему законодательству Украины. В таком случае и осуществляется регрессивный (следующий) конституционный контроль. Поэтому решение об изъятии законов, которыми предоставлено согласие на обязательность международных договоров, которые вступили в силу, из перечня нормативно-правовых актов, относительно которых Конституционный Суд Украины может утвердить решение об их несоответствии Конституции Украины (их неконституционность), есть таким, что не отвечает действующему законодательству Украины и общей логике Конституции Украины.

И на останок. Пренебрежение к праву и конституции становится все более большей. И президент, и правительство, и парламент откровенно игнорируют право (или толкуют его в свою пользу). Аутентичное толкование права, на что не имеет права ни парламент, ни президент, широко использовалось на протяжении последних месяцев.

В такой ситуации решения Конституционного Суда, к которому все апеллировали, должно было просто легализировать нарушение, которая их осуществила одна со сторон. Конституционный Суд Украины просто имел своим волонтаристским решением указать на того, кто "больше" нарушил прямые нормы Конституции Украины, и того, чьи нарушения есть наиболее приемлемыми. Именно поэтому все свелось к публичной дискредитации единого органа конституционной юрисдикции.

Ведь логически, что в стране, где нет уважения к конституции, не уважают и органа, который имеет ее толковать. Политики полностью подменили Конституционный Суд Украины.

Возвращение уважения к праву - вот основная задача новой редакции Конституции, и именно на этом должны сосредоточиться те, кто воплощает у жизнь конституционную реформу. Поэтому от разработчиков нового варианту Конституции Украины довольно ждать быстрых предложений: чтобы возратить доверие к Конституции и государству в целом требуется время.

В конце концов, изменение конституции почти всегда является изменением конституционного порядка, а на это, согласно статье 5 Конституции, имеет право лишь народ. Итак, надо немного времени, чтобы возратить ему уверенность в важности его мысли.

РЕЛИГИОЗНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ГАБРИЭЛА (ГАВРИИЛА) КОНСТАНТИНОВИЧА АЙВАЗОВСКОГО

ЗАХАРОВА Ю.В.

Севастопольский филиал Саратовского государственного
социально-экономического университета

*«Народы живут для себя, творят для человечества.
Недостойно жить живущий только для себя.
Народы должны творить – а потому имеют право на жизнь».*
Гарегин Тер-Арутюнян

Многовековая история Крыма помнит много народов, проживавших на его территории. Каждый этнос, проживающий в Крыму, а их более 100, внес свой вклад в духовную и культурную сокровищницу. Одним из древнейших народов на территории Крыма являются армяне. Кстати, это единственный народ, который прибыл в Крым в древности и остается здесь до сегодняшнего дня.

В силу исторически сложившихся обстоятельств, в особенности вследствие опустошительных нашествий извне, армяне вынуждены были покинуть свою родину и искать пристанища в чужих краях, некоторые из которых впоследствии стали для армянских переселенцев второй родиной. Именно таким был средневековый Крым.

Общественная жизнь крымских армян особенно оживилась в конце XIX и начале XX вв. В числе многих общественных организаций особенно заметна деятельность церковных попечительств, существовавших почти во всех армянских поселениях Крыма. В числе благотворителей были семьи Айвазовских, Спендиаровых, Тумановых, Момджиевых, Топалевых и многие другие. Культурное развитие крымских армян в XIX - начале XX века отразилось в создании школ, училища, типографии, в издании журналов и книг [1].

Известными деятелями культуры армянской общины в Крыму в разные времена были поэты Григор Кафаеци (XV в.), Симон Кафаеци (XVI в.), Хаспик (XVII в.), видные мастера книжной миниатюры Акоп Кримеци (конец XIV — начало XV в.), Хачатур Кафаеци (XVIII в.), знаменитый художник-маринист Иван (Ованес) Айвазовский и его старший брат Габриэл Айвазовский, художники Вардгес Суренянц, Эманвел Магдесян, композиторы Александр Спендиаров, Христофор Кара-Мурза и другие.

Габриэл (Гавриил) Константинович Айвазовский брат великого всемирно известного художника - мариниста Ивана (Ованеса) Айвазовского. К сожалению, при жизни и после Габриэл Айвазовский оставался в тени своего брата.

О художнике Иване Айвазовском известно многое. Его жизни и творчеству посвящено не одно исследование. А вот о его брате Габриэле Айвазовском сведения очень скупы. Известно, что он - архиепископ, историк, полиглот, переводчик, писатель, педагог, ориенталист, член Парижской академии, член Парижского Азиатского общества и других научных обществ Франции и Италии.

И хотя известность братьев Айвазовских в мире несопоставима, оба они ценны для национальной культуры.

Некоторые данные о Габриэле встречаем у таких авторов как Тер-Саркисянц, В.Г. Вартанян, С.С. Казарова, Гарибджанян, Ш.Г. Манучарян, Т. Саргсян, В. Микаэлян.

Рис. 1. Габриэл Айвазовский.
Портрет кисти И.К. Айвазовского

Габриэл Айвазовский родился 22 мая 1812 г. в Феодосии. Был крещен в местной армянской церкви Св. Георгия.

Образование Габриэл получил в армянском приходском училище, а затем - в Феодосийском уездном училище, обучался у армяно-католического аббата Минаса Медици, принадлежавшего к конгрегации мхитаристов. В 1826 году, когда ему было 14 лет, он отправился в Венецию для обучения в Академии Св. Лазаря.

В 80-90-е годы XVIII столетия крымским армянам немало хлопот доставили католические миссионеры, стремившиеся отторгнуть их от национальной церкви. [2]

В Венеции Габриэл изучил богословские науки, более 15 языков, причем, как древних, так и современных.

В 1830 году он принимает постриг, а в 1834 г. посвящен в сан священника. С 1837 года Габриэл Айвазовский приступил к исполнению профессорских обязанностей в венецианском монастыре мхитаристов, которые он исполнял течение 12-ти лет. В Венеции основал журнал «Базмовал» на армянском языке.

В 1848 году Габриэла перевели в Париж и назначили директором парижского лицея Мурадян, где он преподавал армянский язык и историю, писал педагогические труды и создавал новые учебники. Габриэл Айвазовский большое значение придавал образованию и воспитанию молодого поколения и нации в целом. Приводя пример европейских стран, он подчеркивал: “Образование больше просветляет мысли, воспитание же приводит в порядок людские сердца” [3].

В Париже Габриэл Айвазовский основал журнал «Le Colombe du Mossis» (“Масяц агавни” - Араратская голубка), который издавался на армянском и французском языках с 1855 по 1857 гг.

В 1849 г. Габриэл Айвазовский был назначен инспектором в парижском армянском училище, основанном на деньги, завещанные армянином Самуилом Муратом и пробыл на этой должности до 1855 года.

Габриэл Айвазовский сделал училище одинаково доступным как для армяно-католиков, так и для армян григорианской веры, что вызвало недовольство со стороны католических священников.

В Париж к Габриэлу приезжал Иван Константинович (младший брат) и уговаривал вернуться в лоно Армянской Апостольской церкви, отказаться от католичества. В 1858 году отказавшийся от католичества и вновь примкнувший к Армянской Апостольской Церкви Габриэл Айвазовский покинул Париж и при поддержке российского правительства вернулся в родную Феодосию, где устанавливает тесные связи с видными представителями армянской общественности: Ст. Назаряном и другими [4].

Верховный Католикос Всех Армян Нерсес V, несмотря на то, что Габриэл Айвазовский находился еще в сане архимандрита, назначил его главой Ново-Нахиджеванской и Бессарабской епархий Армянской Апостольской церкви [5].

В 1858 году Габриэл Айвазовский из Парижа в Феодосию перевел издание своего журнала «Голубь Масиса» (“Масяц агавни”), который издавался до 1865 года на русском, французском и армянском языках. В названии журнала фигурирует голубь, выпущенный Ноем близ горы Арарат, или Масис (в Армянском нагорье), который вернулся с зеленой веткой в клюве, возвестив о снижении потопных вод. Этот символ как нельзя лучше соответствовал предназначению журнала [6].

Содержание статей, помещенных в журнале, было самым разнообразным — от епархиальных новостей и сообщений до путевых записей и литературных произведений. Имелись и весьма ценные статьи, содержавшие эпиграфические надписи, которых ныне не существует, описания сохранившихся к тому времени древних памятников, подробностей из жизни колонии, народного училища и типографии, действовавшей при нем, женской гимназии и т.д.

Под его руководством было восстановлено множество армянских храмов и монастырей, возобновлена их деятельность. Епархиальный престол был размещен в церкви Рештакапетац (Архангелов) в Феодосии. Айвазовскому было разрешено также открыть национальное училище [7].

В октябре 1858 года осуществилась мечта Габриэла Айвазовского, ради которой, собственно, он и вернулся в Крым. В Феодосии открылось училище под его руководством, названное Халибовским — в честь попечителя заведения Арутюна Халибова. Первоначально училище разместилось в частном доме братьев Алтунчьян, а в октябре 1862 года переехало в новое великолепное здание, построенное на живописной окраине Феодосии на средства Халибова, градоначальника Нахичевана-на-Дону Артемия Халибьяна (Арутюн Халипян), известного общественного деятеля, благотворителя и попечителя училища.

Открытие нового здания училища сопровождалось пышными церковными и гражданскими торжествами, в которых приняло участие всё население Феодосии. В честь этого события видными горожанами Феодосии неармянской национальности был дан роскошный обед.

В Халибовское училище принимались юноши армянской национальности из разных городов и государств. Общий курс обучения составлял 6 лет, а изучали здесь языки, естественные науки, религию, искусство, историю и литературу. В училище бесплатно обучались также дети неимущих армян, составлявшие 35-40 процентов учащихся. Преподаватели в училище были в основном с высшим образованием. Настолько высок был авторитет Халибовского училища, что осенью 1861 года император Александр II с семьей посетил его и лично поблагодарил Айвазовского и Халибова за «благое дело» [8].

При училище действовала типография, в которой печаталась учебная и художественная литература, а также журналы «Голубь Масиса» и «Радуга». Журнал «Радуга», издавался в Феодосии в 1860-1863 годах. Своими издателями он характеризовался как «журнал учено-литературный и политический». Выходила «Радуга» на русском и французском языках, фактически являясь иноязычным приложением известного ежемесячника «Голубь Масиса» («Месяц Агавни»). Как сам журнал, так и его приложение имели довольно широкую географию распространения. Среди подписчиков были армяне Москвы, Петербурга, Ставрополя, Астрахани, Кишнева, Ак-Кермана (ныне - Белгород-Днестровский), Одессы, Бердянска, Тифлиса, Ахалкалака, Ахалциха, Баку, Константинополя, жители городов и поселений Исторической Армении и, конечно же, Крыма [9].

В основном в типографии выпускались книги на армянском языке, в том числе самого Габриэла, об истории Армении, России, Оттоманского государства, а также учебники.

При Халибовском училище по вечерам работали курсы полезных знаний, посетителям которых, взрослым мужчинам и женщинам, сообщались сведения общеобразовательного характера, начиная с арифметики и заканчивая историей. Училище пользовалось поддержкой всех знатных армян.

Несколько своих полотен училищу подарил Ованес (Иван) Айвазовский.

В 1866 году Католикос всех армян Геворг IV в Св. Эчмиадзине в Армении рукоположил Габриэла в сан епископа. Спустя несколько лет (в 1875 году) он был посвящен в архиепископы и назначен ректором Эчмиадзинской духовной академии с саном епархиального архиерея грузино-имеретинской епархии. В 1879 году Габриэл Айвазовский сложил с себя ректорство в академии и переехал в Тифлис, где жил литературными занятиями.

Рис. 2. Памятник братьям Айвазовским в Симферополе

Умер он 20 апреля 1880 года в Тифлисе. Похоронен 25 апреля в саду монастыря Ванкского собора («Майр екехеци» - Кафедральный собор) в Армении.

Габриэл Айвазовский был автором более 20 книг. Среди них - «Очерк истории России» (на армянском языке), изданный в Венеции в 1836 году; «Академический (армян-

ский) лексикон в 2-х томах»; «Исторические примечания в истории Армении (на итальянском языке)»; «История оттоманского государства (на армянском языке)» в 2-х томах; «Краткая история России, с очерком статистики Российской империи» [10].

Прекрасно владея многими языками, Габриэл переводил на армянский язык сочинения Сильвио Пеллико «Моя армия»; с немецкого языка он переводил «Мемцоров» Януса; с французского языка - «Жизнь Иисуса - свод сказаний 4-х евангелистов» и философские трактаты, а с армянского на итальянский – «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци.

В течение всей жизни Габриэл Айвазовский был озабочен одной важнейшей проблемой - объединением и сплочением своего народа. В основе этого он видел, прежде всего, триединство языка, церкви и национальных обычаев.

Незабываемым событием стало открытие в апреле 1999 года памятника из двух цельных беломраморных плит братьям Айвазовским в центре Симферополя (в одном из уголков площади Советской).

Специальная терминология.

Ориенталистика (или востоковедение) – наука, изучающая историю, экономику, языки, литературу, этнографию, искусство, религию, философию стран Востока.

Мхитаристы - конгрегация (религиозные организации, руководимые монашескими орденами, в них входят наряду со священнослужителями и миряне) армянских церковников. Основана в 1701 году монахом Мхитаром Себастиаи, с 1717г. находилась около Венеции. Способствовали развитию армяноведения. Проводник влияния Ватикана на Ближнем Востоке.

Примечания.

1. Архиепископ Гавриил Армяно-григорианские архирей Новороссии и Бессарабии // Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. IX. 1875 . С.89-187.
2. Крым. Соцветие национальных культур. Традиции, обычаи, праздники, обряды. / Сост. Н.В.Мальшева, Н.Н.Волощук. Симферополь, 2003
3. Манучарян Ш.Г. Возникновение армянских поселений на полуострове. // Сквозь века: Народы Крыма. Вып.1. Симферополь. 1995.
4. Гарибджанян Ст. Деятели Армянской Церкви (XIX-XX вв.). Биографические очерки. Ереван, 2005.
5. Манучарян Ш.Г. Возникновение армянских поселений на полуострове. // Сквозь века: Народы Крыма. Вып.1 . Симферополь. 1995.
6. Микаэлян В. История крымских армян. К., 2004.
7. Крым. Соцветие национальных культур. Традиции, обычаи, праздники, обряды. / Сост. Н.В.Мальшева, Н.Н.Волощук. Симферополь, 2003.
8. Гарибджанян Ст. Деятели Армянской Церкви (XIX-XX вв.). Биографические очерки. Ереван, 2005.
9. Тер-Саркисянц А. Армяне: история и этнокультурные традиции. М., 1998. С.276-279.
10. Пештмалджян М.Г. Памятники армянских поселений / Ред. Р.В. Казанджян. Ереван, 1987.

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных на Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2005-2008 годах // под общей редакцией В.И. Кузицина.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Подписано к публикации 20.01.09 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 11,25 п.л., уч. изд. л. 8,1.
Распространяется через сеть Интернет**

